

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вмешательство иностранных государств
во внутреннюю политику России:
исторический аспект

*Материалы к «круглому столу»
фракции КПРФ*

Издание Государственной Думы
2018

ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

Вмешательство иностранных государств
во внутреннюю политику России:
исторический аспект

*Материалы к «круглому столу»
фракции КПРФ*

Издание Государственной Думы
Москва • 2018

УДК 327.8:94(470)
ББК 66.4(0)+66.3(2Рос)
В59

Автор-составитель:

Я. И. Листов, старший референт аппарата фракции КПрФ
в Государственной Думе

В59 **Вмешательство иностранных государств во внутреннюю политику России: исторический аспект.** Материалы к «круглому столу» фракции КПрФ. – М.: Издание Государственной Думы, 2018. – 128 с.

Материалы к «круглому столу» фракции КПрФ в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации «Вмешательство иностранных государств во внутреннюю политику России: исторический аспект», посвященному 100-летию начала Гражданской войны в России.

УДК 327.8:94(470)
ББК 66.4(0)+66.3(2Рос)

СОДЕРЖАНИЕ

Гражданская война в России – рукотворный проект Запада	4
Мятеж заказывают в Версале	8
Как Чехословацкий корпус в России превратили в «Троянского коня»	13
Красная ракета над Новониколаевском: мятеж начался	29
Начало открытой империалистической интервенции и активизация внутренней контрреволюции	43
Первые победы Красной Армии	46
Освобождение Украины и Белоруссии	50
Усиление интервенции	52
Боевые действия в конце 1918 – начале 1919 года	53
Год решающих сражений	56
Разгром основных сил Колчака	58
Вторжение интервентов в Советскую Прибалтику	59
Оборона Петрограда	60
Начало нового похода Антанты	61
Разгром Деникина	63
Победы Красной Армии на других фронтах	65
Ликвидация иностранной интервенции и окончание Гражданской войны	68
Приложение. Голуб П. А. Интервенция и белый террор на Севере России	71

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ – РУКОТВОРНЫЙ ПРОЕКТ ЗАПАДА

Вот уже и минуло 100 лет со дня начала Гражданской войны, а споры о её причинах и последствиях продолжаются и сегодня. Проигравшая сторона не гнушается и фальсификациями, чтобы отвоевать свой проигрыш в истории. И главная фальсификация, которая позволяет некоторым горе-политикам и псевдо-историкам говорить об «ответственности большевиков за развязывание Гражданской войны», о том, что «белые были тоже патриотами» – это сокрытие одного чёткого факта – БЕЗ ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ НЕ БЫЛО БЫ.

Великая Октябрьская социалистическая революция вызвала страх и ненависть у капиталистов всего мира, обнаружив непрочность их господства, на практике доказав возможность свержения гнёта эксплуататоров. Она лишила иностранных капиталистов их заводов, концессий, капиталовложений в России и нанесла чувствительный удар по интересам банкиров и фабрикантов Нью-Йорка, Лондона, Парижа, Берлина.

Ещё больше правящие круги капиталистических стран страшились морального воздействия Октябрьской революции на международное рабочее движение и на освободительную борьбу колониальных и угнетённых народов. Советское государство, которое уже одним фактом своего существования революционизировало весь мир, превращалось в центр притяжения для всего эксплуатируемого человечества.

Непримиримая классовая враждебность империалистов к Советскому государству проявилась с первых дней Октябрьской революции. Эта враждебность вылилась в непосредственное вмешательство во внутренние дела Республики Советов, в организацию военной интервенции, имевшей целью свержение советской власти.

Интервенты нашли союзника в лице российской контрреволюции. Внешние и внутренние антисоветские силы объединились в глубоко реакционный союз, имевший целью изменить или хотя бы задержать поступательное развитие истории. Между его участниками существовали немалые разногласия. Русская буржуазия хотела вернуться к власти, чтобы защищать свои интересы и прибыли, а иностранные империалисты стремились за её счёт ещё больше усилить свои позиции в экономике и политике России. Будучи более слабой стороной, русская буржуазия шла на все уступки и беззащитно торговала территориями и богатствами страны.

В антисоветской интервенции участвовали в большей или меньшей степени все крупнейшие государства капиталистического мира и значительное число малых стран. Против Республики Советов с оружием в руках выступили как государства австро-германского блока, так и страны Антанты. Они посылали в Советскую Россию свои войска, затрачивали на интервенцию крупные средства, предоставляли контрреволюционерам-белогвардейцам деньги, оружие, боеприпасы, снаряжение.

Главными организаторами и участниками интервенции являлись Англия, Франция, Япония и Соединённые Штаты Америки. Лицемерно скрывая свои подлинные империалистические цели, правительство Соединённых Штатов – самой богатой страны капиталистического мира, располагавшей наибольшими материальными возможностями для поддержки антисоветских сил, принимало в действительности активнейшее участие в блоке интервентов. Американские войска осуществляли вооружённую интервенцию на территории России – на Севере и Дальнем Востоке. Американские дипломаты, государственные и военные деятели готовили антисоветские заговоры, сколачивали коалиции государств против Советской России. Как отмечал В. И. Ленин, «американские миллиардеры, эти современные рабовладельцы, открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма, дав согласие – всё равно, прямое или косвенное, открытое или лицемерно-прикрытое, – на вооружённый поход англо-японских зверей с целью удушения первой социалистической республики» [Ленин В. И. Письмо к американским рабочим. Соч. Т. 28, с. 44].

Но к ужасу империалистических держав все их надежды на то, что «режим большевиков рухнет со дня на день» и то, что «внутренние силы готовы организовать широкий фронт против большевиков» разбились. Ещё в первые десятилетия СССР возник вопрос о периодизации истории Гражданской войны. Значительное внимание этому вопросу было уделено известным историком И. Минцем, под редакцией которого в своё время вышел многотомный труд «История Гражданской войны в СССР». Как минимум, начиная с этой работы, триумфальное шествие советской власти рассматривалось как первый этап противостояния, который проходил исключительно с опорой на внутренние ресурсы и не был катализирован влиянием извне. Возможности для подобной войны были исчерпаны уже к весне 1918 года.

После развала СССР, начиная с 1992 года, этот термин был полностью исключён из всех учебников по истории. Более того, этот вопрос принципиально игнорировался в историографии на протяжении последних 25 лет, и только начиная с 2015–2016 годов, вновь стал появляться, но теперь уже как миф советской истории. Подобную трактовку стремятся продвигать в печати историки либерального и бело-

гвардейского направления, в том числе журнал Народно-трудового союза «Посев».

В опровержение основных тезисов советских времён приводятся примеры вооружённых столкновений сторонников и противников большевистской власти в Москве, Иркутске и ряде других городов. Выглядит это довольно странно, поскольку советская историография, естественно, никогда не отрицала подобных выступлений. Если взять за основу любой советский учебник, то в нём утверждалось, что в ряде мест победа советской власти потребовала недель и месяцев тяжёлых боёв.

Кроме того, критики этого термина нередко акцентируют внимание на событиях первых двух недель после Октябрьского вооружённого восстания в Петрограде. То есть длительный период, начавшийся с 25 октября 1917 года и завершившийся в марте 1918 года, оказался в их представлении ограничен очень узкими рамками. Этот период был выбран не случайно, поскольку он не характеризует со всей полнотой распространение влияния большевиков, перехода к ним власти, а, соответственно, позволяет говорить о том, что данный термин мифологизирован, а большевики были всего лишь узурпаторы, а их приход к власти был незаконным и не поддержанным большинством населения. В этой логике события, связанные с разгоном Учредительного собрания в январе 1918 года, легко представить как пролог Гражданской войны.

Очень показательны именно вооружённые выступления этого периода. Основными очагами сопротивления стали Москва, включая мятежи юнкеров в Московском Кремле, Иркутске (в декабре 1917 года), в Екатеринодаре.

Таким образом, противостояние советской власти там, где она опиралась на серьёзную поддержку рабочих, было представлено юнкерами, в меньшей степени офицерством и школами прапорщиков.

Вторая социальная группа, на которую мог рассчитывать антибольшевистский мятеж – это казачество, начиная с выступления Керенского и Краснова, и до выступления А. Дутова в Оренбурге, А. Каледина на Дону, Г. Семёнова в Забайкалье. Однако и их возможности после падения Кубанской Рады весной 1918 года также стали незавидны. В то же время выступление А. Каледина было бы невозможно без поддержки со стороны дипломатических каналов Лондона и Вашингтона. Например, согласно сохранившимся документам, США направили ему 75 автомобилей, британцы направили из своих резервов 78 тыс. винтовок и более 200 тыс. патронов. Третьей социальной группой стали националисты на окраинах бывшей империи (среди них – Центральная Рада в Киеве, Закавказский сейм в Тифлисе).

Поддержка армией красного Петрограда позволила говорить не только о том, что советская власть сохранится, но и что вооружённые силы, большей частью состоявшие из крестьян, также эту поли-

тическую линию поддерживали. Уход этой армии в деревню и передел земли способствовали распространению этой информации в регионах. Так распространение советской власти началось с промышленных районов, а к весне 1918 года охватило уже и сельскохозяйственные. Из 97 крупных городов империи в 80 советская власть утвердилась абсолютно бескровно. В 17 были вооружённые противостояния, с жертвами больше 200 человек – только в 4 регионах, причём большинство погибших – мирное население и большевики. Это, прежде всего, Москва, где произошёл расстрел почти 300 революционно настроенных солдат в Кремле; Иркутск, где были расстреляны более 150 мирных жителей на переправе через Ангару. Среди погибших были женщины, дети и подростки, часть из которых утонула в реке.

В 50 % уездов советская власть была установлена уже в декабре 1917 года, в 46 % – к марту 1918 года. К этому периоду Гражданская война в России прекратилась, закончившись полной и относительно бескровной победой большевиков.

Логика утверждения власти большевиков на местах непосредственно связана с их деятельностью в предоктябрьский период. Там, где РСДРП(б) получает наибольшую поддержку и оптимальные условия для своей деятельности, власть перешла к ним мирным путём. В тех регионах, где у них отсутствовала разветвлённая сеть организаций и агитации, у их противников появились определённые ресурсы. В качестве примера для сопоставления можно привести Центральную Россию, где ещё до 1917 года произошло размежевание большевиков со своими политическими противниками, и Сибирь, где до сих пор продолжали действовать организации объединённой РСДРП, фактически отказывавшиеся брать власть в свои руки.

Важно учитывать и тот факт, что большевики, по собственному признанию Ленина, сравнительно легко получили поддержку в армии, на большинстве фронтов. Именно вооружённые силы, и в первую очередь солдатские организации, сыграли важнейшую роль в утверждении их власти. Это была единственная структура, которая имела оружие и подготовленных бойцов. То же самое мы видим и со стороны противников «красных». Почему мятеж Чехословацкого корпуса имел для советской власти тяжёлые последствия? В первую очередь потому, что от Самары до Читы были свергнуты советские органы власти, по преимуществу представленные гражданскими лицами. Свержение Чехословацким корпусом в мае-июне 1918 года советской власти в Поволжье и вдоль Транссиба приводит к формированию новых социальных групп, противостоящих большевикам, но они формируются уже в процессе самой Гражданской войны. С полной уверенностью можно говорить, что именно мятеж Чехословацкого корпуса стал катализатором Гражданской войны.

Но не только роль мятежа нужно оценивать объективно, важно понимать, что этого мятежа могло бы и не быть, а следовательно

не было бы Гражданской войны, если бы не целенаправленная деятельность иностранных государств. Именно США, Англия и Франция стояли за чехословацким мятежом, а значит и за началом Гражданской войны и интервенции в России.

МЯТЕЖ ЗАКАЗЫВАЮТ В ВЕРСАЛЕ

Решение двинуть Чехословацкий корпус в качестве ударной силы против власти Советов в России созрело в правительственных кабинетах и военных штабах Парижа, Лондона и Вашингтона в результате длительных закулисных комбинаций. Каждая из сторон действовала по принципу: своя рубашка ближе к телу. И потому стремилась использовать корпус с наибольшей выгодой для себя. А все вместе – против России не только как социалистического, но и крупного национального государства, конкурента. Способ был избран испытанный – свергнуть страну в гражданскую войну. Французское правительство сначала выступало за скорейшую переброску корпуса на Западный фронт, где в то время шли кровопролитные бои и судьба самой Франции висела на волоске. Вплоть до конца апреля 1918 г. французская сторона упорно настаивала на этом. 20 апреля начальник французского Генерального штаба генерал Альби в письме министру снабжения просил ускорить поиски судов для перевозки корпуса, подчеркнув: «Его быстрый приход на французский фронт имеет огромное значение». Он же от имени премьер-министра и военного министра Ж. Клемансо телеграфировал начальнику французской военной миссии в Москве ген. Лаверню: «Буду вас информировать о всех решениях, которые будут приняты, чтобы вам в согласии с г-ном Нулансом (посол Франции в России. – *Авт.*) облегчить ведение переговоров с большевистским правительством с тем, чтобы был обеспечен свободный проезд чехов, будь то в Архангельск или во Владивосток, в зависимости от того, куда можно будет нанять суда». Но в последний момент под давлением США, Англии, Италии и Японии Франция согласилась употребить корпус для выступления в России. Антисоветизм взял верх. И Франция стала играть в организации мятежа первостепенную роль, поскольку корпус находился в её непосредственном подчинении.

Что касается англичан, то, как свидетельствует Э. Бенеш, посвящённый во все тайны союзников, изначально они были ярыми сторонниками похода против большевиков и уже в марте 1918 г. начали осуществлять его «тихой сапой» на советском Севере, а на Востоке мечтали поставить «заслон большевикам», чтобы защитить свои интересы в Сибири и на Дальнем Востоке. «Когда же англичане, – при-

знается Бенеш, – увидели возрастающую мощь чехословацкой армии, они немедленно пришли к мысли использовать её в этих целях». То же самое подтвердил позже в своих мемуарах и британский премьер Д. Ллойд Джордж: «Присутствие чешского легиона (в России) было определяющим фактором в нашей сибирской экспедиции».

В Лондоне не теряли времени впустую. Уже в конце марта 1918 г. британский генштаб направил в Министерство иностранных дел ноту, которая была передана французскому военному атташе в Лондоне. Последний 1 апреля срочно переадресовал её во французское военное министерство. В ноте говорилось: «Военное министерство Великобритании очень сомневается, что можно было бы найти суда, которые бы его (корпус) перевезли в Европу; если же, однако, это войско имеет действительную цену, оно в соответствии с его настроениями могло бы быть с пользой употреблено в России и в Сибири. В этом случае, кажется, возможны три решения: 1. Отправить чехов в район Омска, где (чехословацкий) Национальный совет стремится организовать второй армейский корпус и где они могли бы противодействовать проникновению неприятеля в Сибирь. 2. Направить их к Архангельску, чтобы они охраняли запасы и попытались организовать соединение с Сибирью через Пермь. Это решение, вероятно, трудно осуществить. 3. Отправить чехов в Забайкалье, чтобы кооперировались с Семёновым.

Из этих трёх решений военное министерство считает наиболее практичным третье решение, при условии, чтобы корпус был обеспечен в Чите необходимым продовольствием и вооружением».

Как видим, вчерне план использования корпуса против советской власти был готов. Детали будут корректировать, но суть его останется неизменной. В виде камуфляжа в официальных документах ещё будут мелькать фразы о намерении перебазировать корпус на Западный фронт то ли через Мурманск и Архангельск, то ли через Владивосток. Приходилось считаться со всеобщим желанием легионеров поскорее уехать на Запад, поближе к родным очагам. Но за этой ширмой скрывалась коварная мысль – обеспечить наиболее выгодную для успеха мятежа дислокацию корпуса. Об этом шеф британской военно-информационной службы сообщал французскому премьеру Клемансо: «Их (чехословаков) использование не будет возможности осуществить раньше, чем они придут в Сибирь под предлогом их транспортировки морем с Дальнего Востока во Францию». Истинные хозяева корпуса и не помышляли везти легионеров во Францию северным маршрутом. Им готовилась на Севере иная роль. Американский представитель при Верховном военном совете в Версале Т. Блисс сообщал своему военному министру Н. Бейкеру: «Совместное решение военных представителей № 31, одобренное Верховным военным советом (речь идёт о ноте № 31 об оккупации Мурманска и Архангельска. – *Авт.*), основывается на предположе-

нии, что в Архангельск и Мурманск придут чешские войска в количестве около 20 тыс. человек, которых, совместно с шестью союзными батальонами, будет достаточно для выполнения поставленных целей». А цели эти, по замыслу того же Верховного военного совета, состояли в том, чтобы чехословаки составили главную военную силу при оккупации Мурманска и Архангельска и планировавшемся продвижении их через Котлас и Пермь на соединение с антисоветскими силами на Урале и в Сибири.

Корпус был для тех, кто заседал в Версале, «всего-навсего пешкой на шахматной доске, правда, пешкой весьма важной... Мы сами не могли решать, осуществлять интервенцию или не осуществлять её». Это откровенное признание сделал Бенеш, выступая с оправданием политики чехословацкого руководства перед конференцией легионеров в 1923 г. В ответ на острую критику многих легионеров, считавших, что «наше выступление в России против большевиков было трагическим историческим недоразумением», Бенеш заявил: «Мы лично не могли ни принять, ни отвергнуть политику интервенции». Он также признал, что союзники «очень материалистически, просто даже безжалостно реалистически считали, что там (в корпусе. – *Авт.*) столько-то людей, которыми можно пожертвовать в нужный момент». Бенеш весьма лукавил, утверждая, будто Масарик и он не могли принять интервенцию. Своего ярого антисоветизма они не скрывали. Множество документов и сам ход событий опровергают это. Руководство Чехословацкого национального совета (ЧНС) в Париже с готовностью запрдало корпус союзникам в обмен на их обещание предоставить чехословакам государственную самостоятельность. Масарик, находившийся с 1917 г. при корпусе в России, в феврале 1918 г. на заседании российского отделения Чехословацкого национального совета (ОЧНС) заявил: «Я хотел бы, чтобы наше войско осталось в России. Всем сердцем хотел бы быть здесь со своим войском: надеюсь, что большевики скоро падут, возможно, что потребуется караульная служба с огромным значением для нашего войска...»

В марте 1918 г. Масарик отбывает в США с единственной целью – форсировать интервенцию в России при активнейшем участии в ней Чехословацкого корпуса. Уже с дороги он шлёт меморандум президенту Вильсону, затем неоднократно встречается с ним лично, снова и снова направляет президенту и правительству секретные послания с непременным призывом быстрее начинать, а потом всемерно усиливать военную акцию союзников против России. Когда мятеж корпуса уже начался, Масарик в одном из секретных посланий настаивал: «Союзные войска должны как можно быстрее оказать помощь частям (корпуса. – *Авт.*)... соединиться с ними, снабдить их вооружением, боеприпасами и т. д. и усилить их частями союзных войска».

Почему Масарик поспешил именно в США? Потому что за правящими кругами Америки оставалось решающее слово в определении

стратегии интервенции и в огромной степени её финансовое и материальное обеспечение. Англия и Франция вели войну в основном на американские деньги. Первая задолжала США 4661 млн долларов, вторая – 3990,7 млн. Масарик учитывал также заинтересованность США в присутствии Чехословацкого корпуса в Сибири и на Дальнем Востоке в качестве противовеса японскому военному присутствию в этом регионе. Поэтому он встретил в Вашингтоне полную поддержку своим амбициозным планам и самую щедрую помощь в их реализации. Когда мятеж корпуса был уже в самом разгаре, Масарик не забывал напоминать своим американским хозяевам о той цене, за которую он согласился использовать корпус в качестве авангарда войск интервентов. В письме в госдепартамент США Масарик писал: «Я полагаю, что такое признание (то есть признание союзниками Чехословацкого национального совета в Париже как представителя будущего правительства самостоятельной Чехословакии. – *Авт.*) стало практически необходимым: я располагаю тремя армиями (в России, Франции и Италии), я являюсь, я бы сказал, господином Сибири и половины России...» С такой циничной откровенностью Масарик засвидетельствовал преступный характер сделки между союзниками и руководством ЧНС по отношению к народам России. Он, разумеется, понимал, что самостоятельность чехословацкого государства покупается ценой чудовищных преступлений корпуса на российской земле.

Между тем в Верховном военном совете в Версале идею выступления корпуса в России спешно оформляли официально. 27 апреля 1918 г. состоялось заседание военных представителей союзников при Верховном совете: от Франции – Белен, от Великобритании – Секвилль-Вест, от США – Блисс и от Италии – д' Эспиноза. Ими был подготовлен проект решения «Коллективной ноты № 25». Проект военных экспертов был представлен Верховному военному совету и 2 мая 1918 г. без проволочек утверждён. Поскольку этот документ имел роковые последствия для судеб России, назовём поимённо тех, кто одобрил его. От Франции к нему приложили руку – премьер и военный министр Клемансо, министр иностранных дел Пишон, маршал Фош и генералы Петен и Белен; от Великобритании – премьер Ллойд Джордж, военный министр Мильнер, маршал Хейк и ген. Секвилль-Вест; от США – ген. Блисс; от Италии – премьер Орландо и министр иностранных дел Сонино; от Японии – дипломатический представитель граф Мацуи. Вот подлинные авторы решения о мятеже Чехословацкого корпуса в России, остальные – его послушные исполнители.

Заглянем теперь в содержание принятого решения. Верховный военный совет не мог не считаться с тем, что рядовая масса легионеров корпуса была решительно настроена на скорейший отъезд из России на Западный фронт. Поэтому авторы ноты № 25 постарались сохранить в ней иллюзию, будто запланированная передислокация

частей корпуса имеет конечной целью их отъезд во Францию. Зловещая нота была так и озаглавлена – «Перевозка чешских воинских частей из России». Как видим, лукавство составителей документа началось с его наименования. Далее говорилось, что военные представители при Верховном военном совете пришли к заключению: «1) что было бы наиболее целесообразно осуществить эту перевозку в ближайшее время; 2) что так как перевозка через Архангельск и Мурманск позволяет в наибольшей мере обеспечить её ускорение, то те чешские контингенты в России, которые до настоящего времени не продвинулись по линии сибирской дороги восточнее Омска, следовало бы послать в указанные порты. Кроме того, представляется возможность эти контингенты до того, как они будут погружены на суда (далее – подлинная цель этой переброски. – *Авт.*), целесообразно использовать для обороны архангельского и мурманского портов и для охраны мурманского железнодорожного пути.

Что касается контингентов, которые уже проследовали через Омск на восток, то они могли бы на тех же условиях, которые определены в ноте № 20, 25, при необходимости содействовать акции союзников в Сибири». Здесь уже говорится без дипломатического тумана: чехи остаются в России и участвуют в интервенции союзников.

Итак, с недомолвками и лукавыми увёртками, присущими тем, кто делает несправедное дело, главный вопрос – о выступлении чехословаков в России – был решён. Бикфордов шнур, протянувшийся к Чехословацкому корпусу, господа в Версале уже зажгли, и оставалось немного времени, чтобы последовал взрыв.

Бенеш вспоминает: «Эта нота, одобренная 2 мая Верховным военным советом на пятом заседании в Аббевилле, стала решением Высшего военного совета... Решение было официально сообщено мне как генеральному секретарю Национального совета и генеральному штабу нашего войска во Франции и представителям союзников в Москве и были предприняты дальнейшие меры с тем, чтобы решение было осуществлено». Весьма показательны, что Масарик, один из главных виновников мятежа, в своих двухтомных воспоминаниях «Мировая революция» [Прага, т. 1, 1926 и т. 2, 1927 г.] фарисейски умолчал о решении Версаля: уж слишком одиозно высвечивает оно роль этого двуличного политика как соучастника преступления бывших союзников против народов России. А чешский генерал Р. Гайда, активнейший исполнитель версальской ноты № 25, участвовавший на первых ролях в составе военной хунты, возглавившей мятеж, вообще отрицал роль союзников в подготовке этой трагедии на русской земле. В крайне амбициозных воспоминаниях, изданных в 1921 г., он с бравадой заявлял: «Выступили мы тогда против воли союзников...» [Gajda R. Moje pameti, 1921, с. 157]. Очень не хотелось этим людям предстать в роли послушных марионеток Запада, да и своих хозяев не желали компрометировать. Тайный сговор позже выдал Бенеш.

Как же реагировал Чехословацкий национальный совет в Париже на версальскую ноту? Ведь на него ложилась огромная ответственность за её выполнение, которую руководство совета не могло не осознавать. Заметим, кстати, что чехословацкая сторона не была привлечена к обсуждению и принятию этого документа. Руководители Верховного военного совета сочли это излишним, ибо знали, что антисоветски настроенные Масарик и Бенеш с готовностью исполнят любой их приказ. Руководство ЧНС заняло позицию двуликого Януса, полностью в духе морали своего вождя Масарика. Эта позиция была изложена в меморандуме Бенеша, направленном министру иностранных дел Великобритании Бальфуру. В нём говорилось: «Чехословацкий национальный совет продолжает придерживаться своего решения отправить этих солдат на Западный фронт (ещё раз дань всеобщему требованию легионеров. – *Авт.*). Тем не менее Национальный совет считает, что может оказать неоценимую услугу союзникам и Англии, облегчив интервенцию в России. Итак, он хочет, по соглашению с Францией и Англией, оставить эти формирования в России, чтобы с их помощью проводить военные операции, удержать [Сибирскую] магистраль для союзников, поставить русское население на поле сражения и дать необходимую базу для японской и американской интервенции».

КАК ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС В РОССИИ ПРЕВРАТИЛИ В «ТРОЯНСКОГО КОНЯ»

Чехословацкий корпус зародился из чехословацкой дружины, созданной в составе русской армии в 1914 г. В 1916 г. дружина была преобразована в полк за счёт притока военнопленных чехов и словаков, затем в бригаду, а в конце года в дивизию. В 1917 г. масариковцы развернули бурную деятельность по формированию уже двух дивизий, и 9 октября в этом составе корпус получил официальное признание правительства Керенского. Он насчитывал в то время примерно 50 тыс. человек. При стремительном революционизировании русской армии, Временное правительство, доживавшее последние дни, рассчитывало заполучить в лице корпуса надёжную антибольшевистскую силу. Как показало время, оно в своих расчётах не ошиблось. Октябрьская революция застала корпус на Украине. Одна из его дивизий размещалась под Киевом, другая – в районе Житомира. При корпусе с мая 1917 г. находился сам Масарик, имевший далеко идущие планы его использования. Он возглавлял (до отъезда в марте 1918 г. в США) отделение Чехословацкого национального совета (ОЧНС) в России.

Социалистическую революцию корпус встретил враждебно. Это и неудивительно, если иметь в виду политические настроения Масарика и его окружения. «Я, – хвастался Масарик, – был во многом гораздо большим противником большевиков, чем некоторые господа в Париже и Лондоне». Поэтому, когда в октябре 1917 г. восстали рабочие и солдаты Киева, чтобы установить советскую власть, против них был двинут один из полков корпуса. Но успехом эта акция не увенчалась, и не в последнюю очередь из-за нежелания рядовых легионеров вмешиваться во внутренние дела России. Позже Масарик оправдывался, будто полк был послан в Киев без его ведома. В этот миф мало кто поверил. Как и в то, будто без ведома вездесущего вождя чехословацкая дивизия на Житомирщине проводила полицейские акции против крестьян, деливших помещичьи земли по ленинскому декрету. В своих воспоминаниях Масарик откровенно признавался: «Я бы присоединился с нашим корпусом к армии, которая была бы способна вести войну с большевиками и немцами...» Но такой силы в России, по его мнению, не было. Добровольческая армия ген. М. В. Алексева, который призывал чехословаков перебазироваться на Дон и присоединиться к добровольцам, Масариком серьёзно в расчёт не бралась, и он приглашение ген. Алексева отклонил.

Тем временем французское правительство спешило заполучить Чехословацкий корпус в своё распоряжение, чтобы использовать это крупное формирование для обороны Франции. 15 февраля президиум ОЧНС, идя навстречу французской стороне, принял решение, передававшее корпус под юрисдикцию Франции. В нём говорилось: «В согласии с французским правительством провозглашаем чехословацкое войско в России (на Украине и в других частях бывшего российского государства) частью чехословацкого войска, находящегося под командованием верховного главнокомандующего Франции.

Дальнейшее развитие и деятельность наших войск будут отныне происходить в теснейшей связи с союзниками». Решение подписали Масарик (председатель) и другие члены президиума.

Данный акт кардинально менял статус корпуса: из состава русской армии он переходил в состав вооружённых сил союзников, то есть становился иностранным военным формированием на территории России со всеми вытекавшими отсюда последствиями. Это весьма важно иметь в виду для правильного понимания последующих событий. В это же время, 18 февраля 1918 г., австро-германские войска, нарушив перемирие, перешли в наступление против Советской республики. Немногочисленные отряды старой русской армии и Красной гвардии оказывали врагу отчаянное сопротивление. Но силы были слишком неравными и лавина интервентов катилась на восток. Как же повёл себя корпус, помощь которого в этот критический момент была крайне необходимой? Увы, Масарик и командование корпуса отдали приказ форсировано отходить на восток, избегая

боевых столкновений. Только под Бахмачем, попав в безвыходное положение, корпус вступил с немцами в скоротечный бой, после которого ещё поспешнее стал отходить в глубь России. Широковещательные заверения Масарика о готовности корпуса сражаться с немцами до последнего вздоха оказались пустой бравадой. Корпус берегли для иных сражений.

Австро-германская интервенция завершилась подписанием грабительского Брестского мира. Антибольшевистская пропаганда со всех сторон, в том числе и в частях Чехословацкого корпуса, подняла вой о «сговоре» большевиков с Германией. Их именовали не иначе, как агентами кайзера Вильгельма. Позже лживость подобных обвинений признает сам закоренелый антисоветчик г-н Масарик. «Я знаю, – заявит он, – что большевиков обвиняют в одностороннем германофильстве потому, что они подписали мир с Германией. Я не согласен с этим взглядом. Для большевиков не было выхода...» Но это было заявлено позже. А в те роковые дни он, как и подобает фарисею, активно подогревал антибольшевистские настроения в корпусе: в его планах антисоветизму среди легионеров отводилось очень важное место.

Подписав Брестский мир, Советская Россия обретала спасительную мирную передышку и, насколько это было возможно, вырывалась из жёсткой зависимости от обеих воюющих коалиций, становилась нейтральным государством. По договору она приняла на себя обязательство не допускать размещения на своей территории вооружённой силы других государств, каковой в данном случае являлся Чехословацкий корпус. Указанное обязательство соответствовало общепринятым нормам международного права. Поэтому её первостепенным и вполне законным стремлением было обеспечить быстрейшую эвакуацию корпуса из России. Тем более что такое решение совпадало с официальными заявлениями руководства корпуса и союзников. Казалось, ничто не могло помешать этой акции. Но только казалось. На Западе уже вызревали совсем другие планы. В связи с ними с самого начала подготовки к эвакуации корпуса противная сторона – и чем дальше, тем больше – начала ставить этому процессу палки в колёса. В ход одна за другой запускались различные антисоветские инсинуации. Главная из них состояла в том, будто советское правительство по тайному сговору с Германией намерено выдать корпус немцам. Авторы этой фальшивки отлично понимали, что она, как ничто другое, способна задеть легионеров за живое и разжечь среди них антисоветские настроения. А как раз это и требовалось руководству корпуса и его хозяевам на Западе.

Сразу после подписания Брестского договора советское правительство форсировало переговоры с ОЧНС и французской военной миссией о быстрейшей эвакуации корпуса из России. В Москву прибыл Ю. Клецанда, один из ближайших доверенных лиц Масарика. 18 марта он сообщал в штаб корпуса: «Я говорил с представителями

советской власти, которые докладывали об этом председателю Совета Народных Комиссаров Ленину. Совет постановил разрешить содействовать скорейшей отправке [корпуса] во Владивосток для следования во Францию. Советская власть верит, что мы и впредь будем лояльно соблюдать строжайший нейтралитет; указания подлежащим властям и в Харькове в немедленном пропуске были уже даны». Советское правительство Украины (оно находилось тогда в Харькове) поступило таким же образом. Главком советских войск Украины В. А. Антонов-Овсеенко в середине марта приказал всем военным и железнодорожным органам, чтобы они «не чинили никаких препятствий движению Чехословацкого армейского корпуса... а всемерно ускоряли его движение».

Наконец, 26 марта 1918 г. было заключено основополагающее соглашение между советской и чехословацкой сторонами о порядке эвакуации корпуса. Основные переговоры велись в Пензе с участием представителей французской военной миссии, ОЧНС и командования корпуса. Окончательный текст соглашения, утверждённый Советским правительством, был сообщён в телеграмме Пензенскому Совету, направленной наркомом по делам национальностей И. В. Сталиным. В ней указывалось: «Предложения Чехословацкого корпуса считать справедливыми и вполне приемлемыми при неременном условии немедленного продвижения эшелонов к Владивостоку (и немедленного устранения контрреволюционного командного состава). Чехословаки продвигаются не как боевая единица, а как группа свободных граждан, везущих с собой известное количество оружия для самозащиты от покушений со стороны контрреволюционеров (на 1000 человек 100 винтовок и 1 пулемёт)». Пензенскому Совету поручалось сменить старых комиссаров и назначить новых, более надёжных, для сопровождения эшелонов до Владивостока с тем, чтобы охраняли чехословаков как организованное целое и регулярно оповещали советское правительство обо всех препятствиях на пути движения эшелонов. В телеграмме подтверждалось, что все условия, выдвинутые чехословацкой стороной, приняты, и всем Советам на пути следования корпуса разосланы соответствующие телеграммы. «Передайте чехословакам, – говорилось в телеграмме, – что Совет Народных Комиссаров готов оказать им всяческое содействие на территории России при условии их честной и искренней лояльности».

Итак, советское правительство, будучи связано условиями Брестского договора, сделало всё возможное, чтобы быстрее разрешить проблему эвакуации корпуса безболезненно и без каких-либо осложнений. Иначе обстояло дело у другой стороны. В руководстве ОЧНС уже обозначились два крыла, которые условно можно назвать как умеренно-левое и право-радикальное. Со временем конфронтация между ними усиливалась и в конце концов привела к открытому разрыву между ними, что сыграло крайне негативную

роль в провоцировании мятежа корпуса. Умеренно-левое крыло возглавлял комиссар корпуса и заместитель председателя ОЧНС Проккоп Макса. Он и его сторонники И. Маркович, В. Гурбан, Б. Чермак и другие выступали за честное выполнение подписанного соглашения, за лояльное отношение к советской власти и цивилизованный отъезд из России. В приказе по корпусу, изданном 27 марта и подписанном комиссаром Максой, а также командиром корпуса и начальником штаба, говорилось:

«ОЧНС в полном согласии с военными представителями французских властей заключило соглашение с русским правительством – Советом Народных Комиссаров, – что возвращает России оружие, ненужное армейскому корпусу, и оставляет себе столько оружия, сколько необходимо для охраны от возможных нападений безответственных групп населения». Русской власти, подчёркивалось в приказе, необходимо оружие, и его надо сдать здесь, в Европейской России. Легионеров призывали сдавать оружие в исправном состоянии и не портить его. «Не забывайте, что сдаём оружие братскому народу, и как честные люди мы должны честно исполнить заключённое соглашение. Российское правительство, указывалось в приказе, гарантирует нам как можно более быстрое и беспрепятственное продвижение и сохранение организационной целостности нашего армейского корпуса».

В этот же день П. Макса выступил в Пензе на собрании офицеров тех частей, которые находились в районе города. Зная о настроениях в офицерской среде, он особо подчеркнул: «Если между нами не найдётся достаточно разумных людей, которые бы поняли наше решение, тогда будут инциденты, трения, стычки, и в них наступит конец нашей организации и нашей миссии, будет поставлен под угрозу наш идеал». Макса прозорливо глядел вперёд. Он и его сторонники до последней возможности отстаивали линию на честное сотрудничество с советской властью. Но, к несчастью, верх одержали их противники, и это завершилось кровавой трагедией.

Правое экстремистское крыло в ОЧНС, возглавляемое Богданом Павлу, всё более откровенно выступало с промасариковских, антисоветских позиций, насаждало в легионерской среде недоверие и вражду по отношению к органам власти. Опорой экстремистов являлись многие офицеры корпуса, такие, как Р. Гайда, Я. Сыровой, С. Чечек и другие. Именно они вскоре стали во главе военной хунты, возглавившей мятеж. На стороне экстремистов было также немало русских офицеров реакционной закваски, нашедших убежище в корпусе и лелеявших мечту спровоцировать корпус на столкновение с «ненавистными большевиками». Некоторые из них занимали видные посты и потому могли влиять на действия корпуса. Так, командиром корпуса (до августа 1918 г.) являлся «царский ген» В. Шокоров, начальником штаба корпуса – другой «царский ген» М. Дитерихс, командиром

1-го полка – А. Степанов, 3-го полка – С. Войцеховский, начальником штаба в дивизии Гайды – Б. Ушаков. Именно поэтому советская сторона в соглашении потребовала удаления этих людей из корпуса. Но экстремистское крыло это требование, разумеется, игнорировало, ибо дитерихсы и войцеховские были их надёжными сообщниками.

Промасариковски настроенная часть руководства ОЧНС стала на путь саботирования и других условий соглашения. Это касалось прежде всего сдачи оружия. Инициатива максимально утаить в эшелонах оружие последовала от французской стороны. 11 апреля военный атташе Франции телеграфировал из Москвы в Париж военному министерству: «Мои телеграммы 64 и 72 в Париж и 9 послу вас информировали, что армейский корпус начинает разоружаться. Я предупредил об опасности этого разоружения: было дано ясно понять, чтобы чешский корпус его нарушил и мог своевольно продолжать движение». Корпус нужен был союзникам вооружённым. Напомним, что в это время на Западе уже активно обсуждался план оставления корпуса в России. И мнение союзников было для сторонников Масарика в ОЧНС законом.

Один из наиболее влиятельных из них, Ю. Клецанда, участвовавший в подготовке соглашения, вскоре после его подписания, явно с подсаказки своего вождя, с которым он поддерживал постоянную связь, сообщал в ОЧНС из Москвы, что в России возможна реставрация старой власти. «В этом случае наше военное присутствие в Сибири означало бы чрезвычайно много и мы бы могли быть той гирей на весах во имя успеха России (?) и союзнической акции. Только не разоружаться. Завтра пойду к англичанам узнать, как стоит вопрос об английском десанте в Архангельске и придерживаются ли они активной или пассивной поддержки возможной реконструкции власти». Как видно из текста документа, сподвижник Масарика был уже достаточно осведомлён об общих замыслах Лондона и Парижа относительно использования корпуса.

Призыв Клецанды «Только не разоружаться!», повторявший наказ союзников, стал для правых сил корпуса руководством к действию. В обширной мемуарной литературе легионеров, изданной в Чехословакии, в документах архива корпуса в Праге сохранилось много свидетельств массовых нарушений требования соглашения о сдаче оружия. Так, в воспоминаниях В. Прошека, служившего в 8-м полку, говорится, что «был дан приказ, чтобы в каждом вагоне были оторваны перекрытия в потолке и в образовавшееся пространство спрятано большинство оружия, включая ручные пулемёты, винтовки, боеприпасы и т. д. Также было спрятано вооружение, в том числе тяжёлые пулемёты и гранаты, в вагонах с продовольствием: сахаром, мукой и т. д. Эти вагоны были запломбированы и извне обозначены как склады продовольствия». Сам Бенеш подтверждает, что в первой половине апреля состоялось секретное совещание офицеров 1-й дивизии,

которое решило «не сдавать впредь оружия советским властям и пробить себе дорогу на восток, если потребуется, то и другими средствами, нежели переговоры». Бенеш признавал также: «Отделение Национального совета знало об этом и молчаливо одобряло его».

Бенеш явно лукавил, указывая, будто ястребы в ОЧНС «молчаливо одобряли» срыв соглашения о сдаче оружия. Они повели оголтелую кампанию саботажа соглашения. Именно Б. Павлу на заседании ОЧНС (начало апреля), комментируя частые конфликты, возникавшие в связи со сдачей оружия, в угрожающем тоне заявил: «Мы должны действовать самым решительным образом. Или нас пропустят без преград, или мы будем вынуждены избрать иной путь. Верю, что мы их победим... Лучше продемонстрировать твёрдую волю и пойти на собственный риск... (это был уже прозрачный намёк на мятеж. – *Авт.*) Полагаю, именно энергичными действиями с нашей стороны мы добьёмся их согласия... Поэтому было бы целесообразно дать всем командирам полков секретный приказ, чтобы их части были в полной боевой готовности».

Столь вызывающее поведение экстремистской группировки Павлу всячески подогревалось союзниками. Для запланированного ими выступления корпуса делалось всё, чтобы не допустить его разоружения. При этом их позиция по мере созревания плана использовать корпус в качестве авангарда войск интервентов кардинально изменялась. «Разоружение чехов, – подчёркивал нарком иностранных дел Чичерин, – постановлено ещё весной, и тогда Англия и Франция соглашались везти их через Мурманск и Архангельск без оружия». Теперь же, когда решение в Версале об использовании корпуса для начала интервенции в России было принято, они демонстративно отказывались от данного ими согласия на сдачу оружия. Факт, что корпус как часть вооружённых сил англо-французской коалиции находился на территории нейтральной страны, ими грубо игнорировался. Международное право цинично попиралось, и взамен в ход пускался довод силы: что хотим, то и воротим. 4 июня 1918 г., когда мятеж уже начался, официальные представители США, Англии, Франции и Италии явились в Наркоминдел к Чичерину и заявили протест против разоружения корпуса, пригрозив ответными мерами. О своём согласии на разоружение они напрочь забыли. Подобному фарисейству можно было только изумляться. Напомним, кстати, что на проходивших в это время переговорах об эвакуации русского экспедиционного корпуса из Франции французская сторона согласилась лишь при условии его полного разоружения. Такова двойная бухгалтерия западной дипломатии.

На вызывающий демарш союзников Чичерин дал достойный ответ. Он решительно отклонил протест и заявил: Россия – суверенное, нейтральное государство, и оно не может допускать на своей территории вооружённых отрядов, не принадлежащих к Красной Армии.

Причиной конфликтов в ряде пунктов с продвигавшимися эшелонами корпуса, подчеркнул он, явились собственные действия легионеров. Они в нарушение соглашения отказывались допускать досмотр и сдачу оружия, превышавшего разрешённую норму, не подчинялись советским властям, нарушали железнодорожные правила, чем вызывали дезорганизацию и без того расстроенного транспорта, захватывали продовольственные склады, совершали акты насилия, особенно в отношении иностранцев-интернационалистов. При этом всякий раз действовали с угрозой применения оружия.

Что реальность была именно такова, подтверждает не только приведённое выше агрессивное выступление Б. Павлу на заседании ОЧНС, но и отданный по его предложению секретный приказ эшелонам противодействовать сдаче оружия, не останавливаясь перед открытым выступлением против советских органов. О распространении такого приказа свидетельствуют документы. Так, группа членов ОЧНС сообщала 7 мая из эшелонов, продвигавшихся по Сибирской магистрали, что продвижение у них идёт нормально, при самом благожелательном отношении местных органов власти. «В обеспечении нам очень содействуют. От Челябинска и до Иркутска на крупных станциях действуют базы снабжения, которые взяли на себя обязанность обеспечивать каждый наш поезд хлебом на один день, и так мы доехали вплоть до Иркутска, существенно сэкономив свои собственные запасы. На трассе всюду образцовый порядок, и это внушает нам уверенность, что достигнем Владивостока без препятствий». Далее в сообщении говорилось: «Этим объясняется, почему мы не можем действовать в точном соответствии с данными нам инструкциями».

Насколько опасной была провокационная деятельность экстремистов во главе с Павлу, показывает другой документ. Это приказ начальника эшелонов 2-й дивизии, находившихся на магистрали в Западной Сибири, Р. Гайды, одного из будущих главарей мятежа. Явно во исполнение «инструкций» Павлу он 3 мая издаёт приказ № 38/1, в котором выступление против Советов планировалось вплоть до деталей. «Уже сегодня, – заявлял Гайда, – мы можем считать себя в боевой ситуации», поэтому «обязаны выполнять только мои приказы и никого другого» (явный намёк на приказы комиссара корпуса Максы против подстрекателей мятежа). И далее: «Всё оружие, находящееся в укрытии, вынуть и разделить равномерно между личным составом (так Гайда и его сообщники выполняли соглашение о сдаче оружия. – *Авт.*). Все пулемёты подготовить к бою на соответствующих местах и лишь укрыть их брезентом. Это касается и пулемётов Шоша. Раздать личному составу ручные бомбы и гранаты и сделать всё, что необходимо перед боем. Точно разведать станции стоянки, чтобы захват шёл быстро, легко и был обеспечен. Что касается выступления, то к сему приложен план акции и его необходимо точно

придерживаться. Напоминаю ещё одно – действовать хладнокровно, но решительно».

Начальникам эшелонов ставились конкретные задачи с детальным указанием, что и как делать. Так, поручику Носеку Гайда приказывает: «Поручик Носек в случае, если не получит другого приказа, как только узнает о нашем вооружённом выступлении, захватывает Красноярск, разоружает местных большевиков и не пропускает никаких большевистских эшелонов, если они захотят проникнуть нам в тыл. (Как это сделать, передам поручику Носеку.) Телеграфное сообщение с собой в направлении Иркутска, в случае взятия Красноярска, прервать...» Эшелону капитана Гублика, стоявшему в Омске, предписывалось: «Как дело дойдёт до операции, приказываю употреблять больше ручных бомб. Если Гублик начнёт выступление и будет нуждаться в помощи, приказываю прийти ему на помощь поручику Покорному. В случае невозможности захватить Омск имеющимися силами, удерживать ими вокзал до прибытия эшелонов Кутельвашера и Коуделки».

В приложенном к приказу «Плане акции» Гайда требовал: при ведении переговоров с местными властями соглашаться только на их капитуляцию. После разрыва переговоров – «захватывать вокзалы (разоружать большевистскую охрану), телеграф, котельные, депо (паровозы). Цензура телеграмм. Запретить отправку телеграмм чешским комиссарам. Очистить вокзалы от населения и запретить движение вообще на три дня. Иметь наготове паровозы для связи. Выслать отряды в склады с оружием, произвести его конфискацию и отправить на реквизированных повозках. Действовать энергично, пока возможно – без пролития крови (но только пока возможно), а выступив, вооружённых немецких и австрийских военнопленных тотчас расстрелять. Фактом выступления ликвидируется правомочность всех политических чешских комиссаров и членов Национального совета» (выпад против сторонников Максы. – *Авт.*). Гайда оповещал командный состав, что накануне через подпоручика Медуну он отправил П. И. Максе письмо «в форме ультиматума о нашем выступлении». Один этот документ полностью опровергает лживость вымыслов, будто мятеж корпуса был вызван известным приказом Троцкого от 25 мая 1918 г. о разоружении легионеров. Напомним: то, что предпринимал в своей группировке Гайда, происходило почти за месяц до издания приказа Троцкого.

Но ястребы расчехляли спрятанное оружие к бою не только в группировке Гайды. Секретная инструкция Павлу была разослана повсеместно. Шла такая же подготовка и в 1-й дивизии, размещавшейся в Поволжье. Здесь верховодил С. Чечек, как и Гайда, один из будущих военных руководителей мятежа. Агент правых о происходивших там приготовлениях сообщал из Самары в Пензу: «Насколько я установил, штаб 1-й дивизии решил самовольно выступить и силой

проложить путь на восток. С этой целью установили прямую связь и согласовали все приготовления между всеми полками 1-й дивизии и частично 2-й дивизии. Подтверждением этого являются разведки, которые курсируют по всей трассе, подтверждением этого, пожалуй, есть выступление 3-го полка в Челябинске и прибытие вооружённой команды 4-го полка в Самару. Не буду описывать подробности плана, слишком мало времени всё излагать». Информатор сообщал, что встречался с французским консулом Жанно и что положение самарских большевиков «весьма критическое».

В свою очередь, один из сообщников Павлу, Р. Медек, информировал из Пензы ястребов в Омске: «В Пензе работаем интенсивно. Имеем основательную, всестороннюю разведывательную службу». И дополнял: «русский офицер Коломенский с утра до ночи трудится над разработкой боевого плана «вполне в нашем духе». А агент ОЧНС Фишер из Самары слал предупреждение Медеку в Пензу: «Считаю необходимым, чтобы раньше, чем начнётся операция 1-й дивизии, в Самару прибыла делегация (от Дутова. – *Авт.*), которая бы здесь непосредственно у главнокомандующего провела переговоры, потому что момент отношения к большевикам весьма критический».

Обстановка в эшелонах, растянувшихся от Пензы до Владивостока, стараниями экстремистов была доведена до белого каления. Основную часть оружия корпус в нарушение соглашения от 26 марта 1918 г. не сдал, и его правое руководство всё откровеннее демонстрировало свои агрессивные антисоветские настроения, которые подогревались представителями союзников. Советское правительство, разумеется, не могло пройти мимо этого. Положение усугублялось тем, что в начале апреля во Владивостоке высадился японский десант, с которым, как отмечалось выше, союзники намеревались объединить чехословаков для совместных выступлений против Советов. Наконец, Германия категорически потребовала полностью выполнить условия Брестского договора в отношении Чехословацкого корпуса. Всё это вынудило Советское правительство привести соглашение об эвакуации корпуса в полное соответствие с мирным договором и вместе с тем обеспечить безопасность органов советской власти на пути движения эшелонов. В пензенском соглашении советская сторона, желая быстрее эвакуировать корпус, пошла на некоторые отступления от требований мирного договора. Она разрешила отъезд корпуса как единого военного формирования и согласилась оставить в эшелонах некоторую часть оружия для самозащиты. Германия, разумеется, не осталась безучастной к этим отступлениям от договора. Германский посол Мирбах предпринял демарш относительно советской стороны. «Нам было заявлено, – сообщал Чичерин представителю РСФСР в Берлине А. А. Иоффе, – что выезд чехов из России с оружием в руках будет рассматриваться как нарушение нами договора. Это естественно и законно. Но Мирбах потребовал и другое, а имен-

но, что их массовый выезд без оружия также недопустим. На наше указание, что по статье 17 дополнительного договора военнопленные могут свободно выезжать в другие страны, граф Мирбах ответил, что это относится к индивидуальным отъездам и что поэтому чехословаки могут уезжать по несколько человек сразу, но не коллективно целыми отрядами, хотя бы и без оружия».

Учитывая изменение как внутренних условий (участившиеся инциденты между местными Советами и чехословаками на почве утаивания оружия), так и внешних (требования Германии), советское правительство вынуждено было скорректировать условия дальнейшей эвакуации корпуса. Их сообщил И. В. Сталин в телеграмме Красноярскому Совету от 9 апреля. В ней говорилось: «Распоряжение о пропуске чехословацких эшелонов, при оставлении у них минимального количества оружия, было дано Советом Народных Комиссаров при иных условиях, теперь «необходимо полное разоружение и отпуск их на восток только маленькими частями и с перерывами, но ни в коем случае не вместе. Всё дело в том, что чехословаки рассматривают себя как французскую армию, а союзники смотрят на них как на немецких военнопленных, ища в них повода к вмешательству... Разъясните всё это чехословакам и неуклонно проводите эту линию». Обеспечение безопасности проезда легионеров целиком брала на себя советская сторона. Как видим, о приостановке эвакуации чехословаков не было и речи.

Необходимость такого решения была вполне очевидной: оно лишало экстремистов возможности учинять вооружённые провокации на пути следования и снимало претензии Германии по выполнению договора, ибо в противном случае могли последовать самые серьёзные осложнения. Правомерность решения советской стороны не отрицал даже Р. Локкарт, представитель Великобритании. «Не было ничего неестественного в том, – писал он, – что немцы отчаянно протестовали против присутствия на ставшей нейтральной русской территории большой силы, которая должна быть направлена против них. Тем не менее, мне удалось заручиться благожелательностью Троцкого и, если бы не глупость французов, я уверен, что чехов удалось бы эвакуировать спокойно и без инцидента». Простим г-ну Локкарту одну неточность: глупость допустили не только французы, но и англичане – все, кто голосовал в Версале за ноту № 25, то есть за будущий мятеж чехословаков в России.

Умеренно-левое крыло в ОЧНС с пониманием отнеслось к решению советской стороны: оно не приостанавливало отъезд чехословаков. Ещё 14 апреля в секретной инструкции начальникам эшелонов комиссар корпуса Макса, стараясь остудить горячие головы экстремистов, указывал: «Сохраняется подозрение, что мы можем выступить на Дальнем Востоке против советской власти. Старайтесь всячески, чтобы в разговорах, где это необходимо, эти опасения развеять... Для

наших действительных потребностей нам достаточно и значительно меньшее количество оружия. Главное для нас: быстрее вперёд!» Макса и его сторонники продолжали всемерно противодействовать зловещим замыслам ястребов, подстрекаемых союзниками. В письме из Омска Макса честно признавал: «Оружие было и остаётся для нас единственной помехой и притом ненужной, ибо нигде не грозит опасность». Заметим кстати: надуманная опасность становилась последним козырем у экстремистов против сдачи оружия. Наконец, 23 апреля вместе с членом ОЧНС И. Марковичем Макса направляет депешу в штаб корпуса:

«Полагаю, что когда в Омске и Иркутске сдадим всё оружие вплоть до 20 винтовок, отпадёт одна из главнейших преград передвижения. Но отдавать честно и не потворствовать тому, чтобы кое-какие эшелоны практиковали утайку, сокрытие. Такой пример снова усилил бы недоверие ко всем остальным». Комиссар корпуса со знанием дела судил о положении с разоружением. Но, видимо, ещё не знал, что за спиной саботажников сдачи оружия стоят союзные советники.

Позже, когда мятеж корпуса зажжёт полномасштабную Гражданскую войну в России, П. Макса, уехавший в конце 1918 г. в Чехословакию, направил в феврале 1919 г. письмо-исповедь Э. Бенешу, уже восседавшему в кресле министра иностранных дел. В этом ценнейшем документе честно раскрыта та адская кухня, на которой готовился мятеж, и та ожесточённая борьба, которая шла по этому вопросу внутри корпуса.

«Как вы знаете от доктора Марковича, – писал Макса Бенешу, – я до самой последней минуты предпринимал все возможные меры для предотвращения конфликта. Я делал это потому, что знал, что конфликт означает для нас остаться в России и ввязаться во внутреннюю русскую борьбу. И я опасался того, что этот факт в ближайшем и более отдалённом будущем создаст угрозу внутреннему единству наших войск, да и общественность нашей страны не одобрит такой шаг. Ещё до возникновения конфликта я поэтому отказывался выполнить требование ген. Лаверня оставить часть наших войск в Советской России (как то предписывалось директивой № 25 Верховного военного совета союзников. – *Авт.*). Я вблизи наблюдал игру союзников, особенно французов, с русскими политическими партиями и особенно ясно видел, что: 1) сила Советского правительства недооценивается и 2) что исключено, чтобы Россия могла возобновить войну против Германии. При определённых условиях именно лишь Советское правительство было способно на это. Я видел также, что преувеличивается значение влияния немцев в России и что мотивы большевистской политики совершенно иные, нежели германофильство. Свои шаги для ликвидации конфликта, в том числе и согласие на разоружение как цену за право отъезда, я предпринимал ещё в первые дни заключения (с согласия и при участии французской военной миссии)».

В конце письма Макса повторил своё убеждение: «1) в необходимости ликвидации нашей кампании в Сибири и 2) в необходимости нашего неучастия в интервенционистской политике, причём своевременно, пока может быть предотвращена опасность: а) разложения легионов и б) внутренней политической борьбы по этим вопросам». Опасения Максы сбылись.

Приведённый документ – убедительный ответ многочисленным сочинителям мифов, будто мятеж корпуса спровоцировала сама советская власть. Его дал человек, стоявший в центре тех драматических событий.

Вернёмся, однако, к предыстории мятежа. Его сторонники встретили решение Советского правительства о полной сдаче оружия ещё более оголтелой кампанией антисоветской клеветы. На полную мощь заработала пропаганда, будто большевики, отобрав оружие у легионеров, намерены выдать их Германии.

К сожалению, эта провокация сработала безотказно. Но этой провокации для правых оказалось мало, и они запустили в оборот другую: будто советская власть потребовала эвакуировать корпус не через Владивосток, а через Мурманск и Архангельск. И якобы для того, чтобы разорвать корпус на две части и ту его часть, которая двинется северным маршрутом, смогли потопить в Баренцевом море немецкие подводные лодки. Хотя, как известно, и разделение корпуса на две части, и отправка его 1-й дивизии на север были предусмотрены ещё в версальской ноте № 25.

Генерал Лавернь, посетивший Троцкого, 5 мая доносил в Париж: «Я вам сообщил, что большевистская власть дала мне согласие на транспортировку чехов на Архангельск, которые ещё не проследовали через Омск». Но к этому добавил: «Ещё, однако, необходимо сохранить эту диспозицию как можно дольше втайне». Зачем? Чтобы как можно дольше можно было использовать для нагнетания антисоветских настроений дезинформацию, будто разделение корпуса и отправка части легионеров северным маршрутом – это злые козни большевиков. И надо сказать – весьма преуспели в этом.

Командир 2-го полка Я. Сыровой 12 мая сообщал в ОЧНС: «Уже почти 5 дней, как в полку начали распространяться неопределённые сведения, что 1-я дивизия может изменить направление нашего пути и двигаться на Архангельск. Никто не хочет двигаться на Архангельск, потому что, как только появились первые признаки этих сведений, легионеры начали возмущаться, выдвигая против этого самые разные доводы (в них постоянно проскальзывают голод, опасность со стороны немцев и море с его подлодками, интриги немцев и русских, глупость нашего руководства и т. д.), решительно заявляют, что уберут и поедут самостоятельно во Владивосток».

Р. Медек, сторонник Павлу, сообщал из Пензы о том же: «На вагонах появились надписи: ОЧНС едет на Архангельск, мы – на Вла-

дивосток, счастливого пути!». Как видно, ястребы Б. Павлу целенаправленно вели кампанию по дискредитации сторонников Максы в ОЧНС. Их цель – отстранить умеренно-левых от руководства корпусом как препятствие на пути к мятежу, что вскоре им удалось сделать.

О серьёзности этой провокации свидетельствует и приказ Гайды эшелонам, уже проследовавшим на восток от Омска. В нём категорически было заявлено: «Эшелоны ни в коем случае не пойдут назад, за исключением тех случаев, когда будет нужно с оружием в руках помочь братьям других эшелонов, в частности, 1-й дивизии. В случае, если кто-то (пусть кто бы ни был) хотел бы вести эшелоны назад в Россию, это означает для нас начало боёв с советскими комитетами».

В этой предгрозовой обстановке советские органы сохраняли максимум выдержки в деле продвижения корпуса по магистрали. Корпус продолжал двигаться как единое целое, хотя требование о сдаче оружия было ужесточено. Тем не менее эвакуация, пусть и с большими трудностями, продолжалась. А именно в этом Советское правительство видело свою главную цель. Бенеш официально подтверждал это: «Продвижение нашего войска на восток в тех условиях в течение апреля осуществлялось, хотя и с трудностями, но всё же шаг за шагом». Самым наглядным опровержением провокационных измышлений, будто большевики под нажимом Германии вознамерились задержать корпус в России и выдать его немцам, является тот факт, что к началу мая головная группа эшелонов численностью около 14 тыс. человек, то есть почти треть корпуса, благополучно достигла Владивостока. Сопровождавший эту группу начальник штаба корпуса генерал Дитерихс, члены ОЧНС Гирса, Гуска и Шпачек засвидетельствовали, что лояльность советской власти «вполне подтвердилась при продвижении первых 12 эшелонов».

Но бесконфликтная эвакуация корпуса не входила в планы экстремистов и их западных союзников. Союзная нота № 25, принятая в Версале, нацеливала их на совсем иной поворот событий. Поэтому в дополнение к пропагандистской подготовке выступления они перешли к провоцированию вооружённых столкновений. Вслед за серией мелких вылазок они учинили 14 мая крупную «пробу сил» в Челябинске. Для этого был использован совершенно незначительный инцидент между находившимися на станции в вагонах австро-венгерскими военнопленными и эшелонами чехословаков. Наэлектризованные пропагандой экстремистов легионеры, в которых случайно был брошен металлический предмет, вытащили из вагонов военнопленных, 9 человек избили, а одного убили. Местный Совет, как положено, создал комиссию для расследования, арестовал 10 легионеров – участников избиения. В ответ командование 3-го и 6-го полков, находившихся на станции, потребовало немедленно освободить аре-

стованных. Несмотря на согласие Совета сделать это, чехословаки решили продемонстрировать свою силу. 6-й полк оцепил центр города, разоружил красноармейцев, захватил арсенал, военный комиссариат, произвёл повальные обыски, прервал телефонную связь. 3-й полк (командир – подполковник русской службы С. Войцеховский) осадил вокзал, разоружил охрану вагонов с оружием и захватил его. Лишь на следующий день они оставили город, но продолжали удерживать железнодорожную станцию. Подобную же провокацию, как предлог для начала мятежа, начальник штаба группировки Гайды капитан Кадлец 13 мая советовал своему шефу «осуществить диверсию на Омск» составом 7-го полка.

До начала мятежа было уже рукой подать. Обстановка в корпусе напоминала мину, поставленную на боевой взвод. Нужен был лишь подходящий момент. Макса и его сторонники понимали это и в сотрудничестве с советскими органами старались предотвратить катастрофу. 21 мая П. Макса и Б. Чермак шлют телеграмму начальникам эшелонов с настоятельным призывом проявить благоразумие и честно выполнить приказ о сдаче оружия как условие свободного отъезда во Францию. На следующий день Макса совместно с заведующим оперативным отделом Наркомвоена С. И. Араловым телеграфируют всем эшелонам: «Ввиду имеющихся печальных случаев конфликтов между чехословацкими эшелонами и местной советской властью Чехословацкий совет во избежание подобных печальных случаев приказывает всем начальникам чехословацких эшелонов беспрекословно сдать всё имеющееся у них оружие без всякого исключения специальным представителям местных Советов. Обеспечение безопасности чехословаков переходит целиком к советским учреждениям Российской Федеративной Республики. Всякий, кто не исполнит этого приказа, должен рассматриваться как мятежник, ставится вне закона». Ряд инцидентов, и особенно челябинский, показал, для какой цели используется оружие, и подтверждал правомерность этого приказа.

Но группировка Павлу при поддержке реакционного офицерства на всех парах устремилась к заветной цели – мятежу. Чтобы придать ему видимость хоть какой-то «законности» и выдать своё стремление как выражение воли всех легионеров, Павлу, Медек, Гайда, Чечек, Войцеховский и их сообщники решили совершить в корпусе своего рода «государственный переворот». 20 мая они собрали в Челябинске подтасованный съезд представителей корпуса, причём сделали это без согласия ОЧНС и в обход него. Делегатов на это самозванное собрание офицерская верхушка просеяла через редкое сито, обеспечив преобладание своих сторонников. Съезду, как водится у заговорщиков, предшествовало секретное совещание узкого состава, на котором Павлу, Гайда, Чечек, Войцеховский, а также «надёжные» члены ОЧНС – правые социал-демократы Рихтер, Давид, Завада и др. окончательно

скоординировали план предстоявшего выступления и подготовили необходимые для этого проекты резолюций. Выступая на открытии самозванного съезда, Павлу, лицемера в духе своего вождя Масарика, заявил: «Мы, члены ОЧНС (то есть правые. – *Авт.*) не имеем столько смелости, чтобы взять всё на себя, на свою ответственность. Необходимо, однако, действовать энергично, с умом, достойно...» Заговорщики явно хотели планируемую авантюру прикрыть авторитетом «съезда», спрятаться за спины рядовых легионеров. Он обрушился с нападка на ОЧНС, которое якобы не обеспечило проезд во Владивосток. Без проволочек ОЧНС было «свергнуто» и взамен создан Временный исполнительный комитет (ВИК) по заранее составленному списку. Возглавил его, конечно же, сам Павлу (председатель), членами оказалась знакомая троица – Гайда, Чечек, Войцеховский плюс испытанные на надёжность социал-демократические «товарищи» Рихтер, Давид, Завада. Политическое руководство взял в свои руки Павлу, военное – хунта в составе Гайды, Чечека и Войцеховского. Переворот в корпусе «вполне демократически» был совершён. Комиссару корпуса Максе, отсутствовавшему на этом собрании заговорщиков, была послана телеграмма: «Съезд образовал Исполнительный комитет для руководства транспортом. Не издавайте приказов, они не будут приниматься во внимание. Председателю съезда Змргал. Председатель Исполнительного комитета Павлу».

Собрание без оскорблений проштамповало главную резолюцию с отказом от сдачи оружия и открытым неподчинением советской власти. В ней было заявлено: «Съезд, однако, убеждён, что советская власть не имеет сил обеспечить свободный проезд нашим войскам во Владивосток, а потому единодушно решил оружие не сдавать до тех пор, пока нам не будет обеспечено гарантий свободного отъезда и личной безопасности по отношению к противореволюционным эшелонам». Фарисейство авторов резолюции било в глаза: нигде и никогда не было случаев нападения на эшелоны чехословаков со стороны каких-либо криминальных элементов, что засвидетельствовали начальник штаба корпуса ген. Дитерихс и комиссар корпуса Макса. Что касается ряда конфликтов с местными Советами, то они происходили на почве отказа чехословаков сдавать оружие, и виновата в этом была только чехословацкая сторона. И это не раз подтвердил Макса. Далее в резолюции указывалось, что корпус будет двигаться «властным порядком», то есть не подчиняясь советской власти. Это означало открытый разрыв с законной властью страны пребывания, то есть фактическое объявление ей войны.

Резолюция была срочно послана французскому посольству в Вологде (для сведения, что версальское решение начало выполняться), а также Советскому правительству в Москву, Советам Челябинска, Екатеринбургa, Пензы и Иркутска. Члены военной хунты, согласовав последние детали предстоявшего выступления, поспешили к своим

войскам: Гайда – в Новониколаевск (Новосибирск), Чечек – в Пензу к поволжской группе эшелонов, Войцеховский остался в Челябинске при уральской группировке. Здесь же остался Павлу, чтобы политически дирижировать мятежом.

Позже, в июле 1918 г., когда мятеж уже полыхал на огромных пространствах России, Павлу, выступая на очередном съезде представителей корпуса, откровенно признал: «В полном согласии с союзниками начали мы своё выступление против советской власти». Павлу и К^о послушно исполняли то, что было предписано корпусу решением Верховного военного совета в Версале.

Итак, приведённые документы полностью опровергают многочисленные измышления о том, будто мятеж был вызван известным приказом Троцкого от 25 мая. В действительности экстремисты, вероломно захватив руководство корпусом и проделав широкомасштабную подготовку к его выступлению, без прямого повода к тому, но выполняя волю союзников, бросили роковой вызов советской власти. Именно это признал не кто иной, как Бенеш, посвящённый во все тайны тех событий. «Очевидно, – писал он, – как ответ на это решение (съезда о движении «властным порядком». – *Авт.*) издаёт Троцкий 25 мая приказ... Так достигает конфликт своего апогея». Что ж, свидетельство, быющее всем сочинителям антисоветских фальшивок не в бровь, а в глаз.

КРАСНАЯ РАКЕТА НАД НОВНИКОЛАЕВСКОМ: МЯТЕЖ НАЧАЛСЯ

Выступление произошло во всех трёх группировках частей корпуса – поволжской, уральской и западносибирской – одновременно, что свидетельствовало о его тщательной спланированности. Четвёртая, владивостокская, группировка, оторванная от остальных огромным расстоянием, присоединилась к мятежу позже. По официальной истории мятежа, изданной военным министерством Чехословакии в 1919 г., поволжская группировка под командованием поручика С. Чечека насчитывала около 8000 человек, уральская во главе с подполковником С. Войцеховским – более 8000, западносибирская, возглавляемая капитаном Р. Гайдой, – около 3800 человек. Последняя состояла из трёх групп эшелонов: новониколаевская (около 2000) под непосредственной командой Гайды, мариинская (800 чел.), руководимая капитаном Кадлецом, и канско-нижеудинская (около 1000 чел.) во главе с подполковником русской службы Б. Ушаковым. Самая крупная, владивостокская, под руководством генерала М. Дитерихса насчитывала до 14 000 человек.

Первой подала сигнал к мятежу группа эшелонов Гайды. Ночью 25 мая над Новониколаевском взвилась красная ракета и последовал стремительный захват города, причём без всякого повода с советской стороны. Предводитель западносибирской группировки Гайда, метивший в сибирские наполеоны, в своих воспоминаниях писал: «Нами был дан сигнал к бою против советской власти в Новониколаевске». И мятеж, как пожар в сухую ветреную погоду, полыхнул на огромных пространствах России – от Волги до Владивостока. Так случилось, что сегодня нынешнее поколение граждан о мятеже почти ничего не знает. Даже специалисты по Гражданской войне нередко судят о нём, как о каком-то локальном, малозначительном событии. А между тем это одна из самых трагических страниц нашей истории, круто повернувшая её ход. Поэтому восстановим хронологию и масштабы мятежа, приведём даты захвата мятежниками многих городов.

Пенза – 29/V (оставлена 31/V);	Пермь – 25/XII;
Сызрань – 29/V (повторно – 18/VI);	Мариинск – 25/V;
Самара – 8/VI;	Новониколаевск – 25/V;
Бузулук – 26/VI;	Нижеудинск – 28/V;
Бугульма – 12/VII;	Канск – 29/V;
Симбирск – 22/VII;	Томск – 31/V;
Казань – 7/VIII;	Барнаул – 15/VI;
Челябинск – 27/V;	Бийск – 19/VI;
Петропавловск – 31/V;	Ачинск – 19/VI;
Курган – 2/VI;	Красноярск – 19/VI;
Оренбург – 4/VI;	Иркутск – 11/VII;
Омск – 6/VI;	Верхнеудинск – 20/VIII;
Троицк – 18/VI;	Чита – 25/VIII;
Шадринск – 1/VII;	Владивосток – 29/VI;
Уфа – 4/VII;	Никольск-Уссурийский – 6/VII;
Златоуст – 16/VII;	Хабаровск – 5/IX;
Тюмень – 20/VII;	Благовещенск – 18/IX (вместе с японцами).
Екатеринбург – 25/VII;	

Как видно, мятеж приобрёл грандиозные масштабы. Осуществляя его план, Гайда 1 июня соединился с группой Кадлеца в Мариинске, а оба вместе – с группой Ушакова в Нижнеудинске. 9 июня отряды уральской группы Сырового соединились с эшелонами Гайды на ст. Татарская. 6 июля на ст. Миньяр встретились части поволжской и уральской группировок. 31 августа эшелоны Гайды соединились с владивостокской группировкой Дитерихса. Итак, мятежные эшелоны чехословаков сомкнулись в одно целое от Самары до Влади-

востока. Черчилль ликовал: «Вся русская территория от реки Волги до Тихого океана, почти не меньшая по размерам, чем африканский континент, перешла, словно по мановению волшебного жезла, под контроль союзников». Черчилль в свойственной ему манере лукавить умолчал о том, что жезл был вовсе не мифический, а реальный, в виде версальской ноты № 25. Но об этом – ни слова.

Мятеж стал тяжелейшим предательским ударом в спину советской власти, которая дала сотням тысяч чехословацких военнопленных кров, хлеб, гражданские права и возможность достойно сражаться за свободу своей родины против действительных её врагов. Мятеж явился детонатором, взорвавшим мирную передышку и ввергшим нашу страну во всеохватывающую Гражданскую войну. По своим последствиям, по количеству человеческих жертв, материальных разрушений и территориальных захватов он намного превзошёл германскую интервенцию 1918 г. В дверь, распахнутую мятежниками на востоке, в Приморье, ринулась на российскую землю почти 200-тысячная армия интервентов – самая крупная их группировка за всю Гражданскую войну, в том числе 175 тысяч японцев и 10-тысячный американский корпус под командованием генерала Гревса.

В чём причина столь скоропалительного успеха чехословаков на первой стадии мятежа? Те, кто его спланировал, действовали расчётливо и коварно. Они избрали момент, когда Советская республика фактически оказалась безоружной. В апреле 1918 г. остатки старой армии были полностью демобилизованы. Новая армия, формирующаяся на шаткой добровольческой основе, делала лишь первые шаги. По подсчётам исследователей, весной 1918 г. она насчитывала всего 185 тыс., из них обученных только 49 тыс., а готовых к отправке на фронт – лишь 17 тыс. И это на всю огромную страну! Решение о переходе к регулярной армии на основе обязательной мобилизации было принято только в июле. Посольства и военные миссии союзников, пристально следившие за ходом военного строительства, регулярно информировали свои правительства, что обороноспособность Советского государства переживает самую критическую фазу, и потому советовали не медлить с началом интервенции. Посол США Френсис после совещания послов в Вологде телеграфировал в конце мая в Вашингтон: «Немедленная интервенция желательна и дальнейшее откладывание опасно». И пояснял, почему: пока «организация Красной армии безуспешна». Но положение могло быстро измениться (что в действительности вскоре и произошло). В свою очередь сотрудник французской военной миссии майор Пишон, исколесивший с разведывательными целями всю Сибирь, докладывал по инстанциям, что «хорошо дисциплинированной дивизией можно отвоевать всю железную дорогу до Омска». Учитывая всё это, подлинные хозяева корпуса и выбрали момент мятежа. «Силы большевиков за Волгой, – резюмировал со знанием дела ген. Деникин, – были по численности

и боевой пригодности ничтожны; действия чехов сопровождалось поэтому быстрым, ошеломляющим успехом». Немногочисленные советские добровольческие отряды в ряде мест оказали мятежникам отчаянное сопротивление. Так было под Самарой, Омском, в районе Нижнеудинска, на Байкале, на Никольск-Уссурийском фронте. Но в целом противостоять боеспособной и организованной силе мятежников они не смогли.

Мятеж явился в буквальном смысле тем спасительным кругом, который был брошен утопающей внутренней контрреволюции. Сохранилось множество признаний видных представителей антисоветского подполья о спасительной для него роли чехословацкого мятежа, без которого оно было обречено на умирание. Мятежники, повсеместно свергая власть Советов, возвращали из забвения на их место старорежимных деятелей и усаживали их в правительственные кресла. Новым властям оказывалась всесторонняя поддержка и вооружённая защита. Так появились на свет божий Самарское правительство Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧ), Уральское областное правительство, Сибирское и прочие претенденты на власть. Под грозные окрики представителей союзников, а также чехословаков в сентябре 1918 г. их согнали на так называемое Уфимское совещание, на котором была составлена печально известная Уфимская директория, ставшая трамплином для воцарения «верховного правителя» адмирала Колчака.

Как «сажали на власть», пусть расскажут те, кто получал её из рук мятежников. Один из «основателей» самарского КОМУЧа, П. Д. Климушкин, публично признал, что до начала мятежа положение подполья в Самаре было безнадёжным. «Мы видели, – заявил он, – что [если] в ближайшее время не будет толчка извне, то на переворот надеяться нельзя. Апатия стала захватывать всё большие и большие слои. Дружины (подпольные эсеровские. – *Авт.*) начали разлагаться. Между тем силы большевиков росли». Выручили чехословаки, и новоявленные правители КОМУЧа «въехали во власть», то есть в городскую думу, по признанию того же Климушкина, «под охраной, к сожалению, не своих штыков, а штыков чехословаков». То же повторилось и в Сибири. Председатель Сибирской областной думы, вынырнувший из небытия благодаря мятежу, И. Якушев, открывая сессию думцев, первые слова благодарности адресовал своим спасителям. «Трудно сказать, – заявил он верноподданно, – как скоро этот переворот был бы реализован, если бы на помощь не пришли наши доблестные братья чехословаки». Знал бы лидер думцев, во что превратят его родную Сибирь «доблестные братья» вкупе с колчаковцами, не ликовал бы столь простодушно. Уже в сентябре с благословения чехословацких «демократов» Дума была разогнана, а её председателю пришлось уйти в подполье и оттуда обличать утвердившийся реакционный режим и его охранителей. «Завоеватель Сибири»

Р. Гайда с солдатской прямоотой заявлял, что он на следующий же день призвал к власти Сибирское правительство – прародителя колчаковского режима. И потому в годовщину начала мятежа тогдашний глава Сибирского правительства, а затем премьер колчаковского совета министров П. В. Вологодский столь подобострастно благодарил его за содеянное. Гайда в своих воспоминаниях писал, что для сибирского антибольшевистского подполья мятеж оказался «преждевременным» и его руководители просили Гайду отложить выступление хотя бы на полгода. Но Гайда и союзники не стали ждать. У них был приказ из Версаля – выступать. И сибирская контрреволюция, по словам Гайды, «могла просто брать власть по мере того, как наше войско наступало».

Воздал должное чехословакам за помощь и Колчак. В благодарственном приказе от 4 декабря 1918 г. он писал: «1-я и 2-я чехословацкие дивизии своими исключительными подвигами и трудами в Поволжье, на Урале и в Сибири положили основание для национального возрождения востока России, проложили нам путь к Великому океану, откуда мы получаем теперь помощь наших союзников, дали нам время для организации русской вооружённой силы». Как видим, было за что благодарить войско Масарика. Только вот не мог предвидеть верховный правитель, какое предательство совершат по отношению к нему лично (выдача его сибирским партизанам) и его армии (отказ поддержать её во время поражения и отступления на восток). А просчитался потому, что наивно полагал, будто чехословаки помогали антибольшевистским силам, в то время как они верноподданно служили только союзникам, а колчаковцам и всем прочим помогали лишь в той мере и тогда, когда это было выгодно и союзникам, и им.

При всём этом внутренняя контрреволюция не только на востоке страны, но и повсеместно воспользовалась мятежом для легализации своих сил, их организации и последующей вооружённой борьбы. Итоговую оценку роли мятежа в развязывании полномасштабной Гражданской войны дал генерал Деникин. «Главный толчок к ней, – подчёркивал генерал, – дало выступление чехословаков... Их выступление сыграло чрезвычайно важную роль в истории развития противобольшевистского движения». Это – убедительный ответ всем фальсификаторам нашей истории, прежним и нынешним, не устающим лгать, будто Гражданскую войну развязали большевики. Она им была абсолютно противопоказана, так как неотложнейшей задачей советской власти было быстрее восстановить разрушенное войной народное хозяйство, накормить, одеть, обуть всех тех, кто вершил революцию. А это возможно было только в условиях мира.

Как ни парадоксально, но и Колчак, и Деникин, и многие их сторонники своими признаниями подтвердили правоту Ленина, который на основе неопровержимых фактов грубейшего вмешательства бывших союзников во внутренние дела России сделал вывод: «Всемирный

империализм... вызвал у нас, в сущности говоря, Гражданскую войну и виновен в её затягивании». Спровоцированный ими мятеж Чехословацкого корпуса подтверждает этот вывод со всей очевидностью.

В связи с этим весьма ценно признание бывшего члена ЦК меньшевистской партии и министра труда Самарского правительства КОМУЧа И. М. Майского (Ляховецкого), человека, который, так сказать, изнутри воочию наблюдал, что творило воинство Масарика в Поволжье. Он писал: «Вмешательство чехов в российскую революцию навсегда останется тяжёлым воспоминанием для трудящихся масс Советской республики. Вольно или невольно чешские войска сделали этот шаг, но последствия его оказались для русских рабочих и крестьян поистине роковыми. Не вмешайся чехословаки в нашу борьбу, не возник бы Комитет членов Учредительного собрания и на плечах последнего не пришёл бы к власти адмирал Колчак. Ибо силы самой русской контрреволюции были совершенно ничтожны. А не укрепись Колчак, не могли бы так широко развернуть свои операции ни Деникин, ни Юденич, ни Миллер. Гражданская война никогда не приняла бы таких ожесточённых форм и таких грандиозных размеров, какими они ознаменовались: возможно даже, что не было бы и Гражданской войны в подлинном смысле этого слова. Весьма вероятно, что дело ограничилось бы лишь небольшими местными восстаниями контрреволюционного характера, с которыми советская власть справилась бы без большого труда. Словом, весь ход событий изменился бы. Вот почему, оценивая историческое значение вмешательства чехословаков в судьбы российской революции, трудно найти достаточно резкие слова для характеристики той чёрной и предательской роли, которую они сыграли».

Подобную же оценку вмешательству западных стран во внутренние дела России дало и Советское правительство. В заявлении советской делегации на Генуэзской конференции (апрель 1922 г.), в частности, говорилось: «Военная экспертиза категорически утверждает, что без указанного вмешательства иностранных держав отдельные местные восстания в России никогда не могли бы принять характер опустошительной гражданской войны, к которой они впоследствии привели, почему виновность и ответственность союзных правительств за организацию и поддержку гражданской войны в России, за причинение колоссальных убытков русскому народу и государству не подлежит ни малейшему сомнению». Виновники грандиозной кровавой трагедии в России возражать Чичерину не посмели: вина их была очевидной. Организация чехословацкого мятежа была тому хрестоматийным примером.

Теперь проследуем по маршруту мятежного корпуса и взглянем, что он учинил на огромном пространстве от Пензы до Владивостока. Первое, что он делал, это свергал советскую власть, избранную большинством народа, и ставил у власти приверженцев царизма и прави-

тельства Керенского. Потому что это была главная задача, которую ставили перед корпусом его подлинный хозяева, заседавшие в Версале. При всём этом Масарик, именовавший себя главнокомандующим всеми чехословацкими войсками, не уставал фарисействовать о... «невмешательстве» во внутренние дела России. В июле 1918 г., когда корпус уже разбойничал на тысячевёрстных пространствах, он шлёт мятежникам телеграмму: «Сердечные поздравления всем вам, дорогие парни. Я очень удовлетворён вашим поведением... Будем, однако, лояльны и не будем без надобности вмешиваться во внутренние вопросы».

А чуть раньше он не постеснялся из далёкой Америки послать телеграмму Чичерину, сообщившему в интервью американскому корреспонденту о чудовищных преступлениях корпуса. Этот человек, один из главных поджигателей мятежа, пытался уверить Чичерина, будто он настаивал перед союзниками, чтобы они к Советскому правительству «относились благожелательно». «Мы, чехословаки, – заявлял он без краски стыда на лице, – любим Россию и желаем, чтобы она была сильной и свободной демократией. Мы были просто лояльны к России и относились корректно к вашему правительству». Поистине, только перо Шекспира могло живописать двуличие этого политика.

Какую же демократию несли на своих штыках «парни» Масарика и как они «любили Россию»? Предоставим слово Гайде, первому поднявшему чёрное знамя мятежа. Этот свирепый палач рабочих и крестьян Сибири и Дальнего Востока в своих воспоминаниях со сладострастием маньяка описывает ту кровавую мясорубку, которую его воинство учинило на своём пути. В бою за Троицк, свидетельствует он, было убито около 500 «красных». Под Липягами – до 130 убитых и 1500 пленных. Под Мариинском убито около 300 русских и 600 взято в плен. В боях за Клюквенную убито почти 200 «красных». Под Нижнеудинском, похвалялся Гайда, «потери большевиков были огромны... Пленных не брали». В сражении у Култука не менее 300 русских было убито и 500 ранено. У Нязепетровска только убитых русских было почти 300 человек. У Мурино (на Байкале) из 12–15 тыс. русских «уцелело очень мало», в плен взято 2500 человек. При захвате ст. Посольская: «Потери большевиков были так велики, что несколько дней подбирали убитых, складывали в вагоны, отвозили в тайгу и закапывали». И добавляет: несколько тысяч было взято в плен.

А что делали с пленными? Об этом рассказал участник тех боёв белогвардейский офицер капитан А. Кириллов: «В этот момент доложили, что прибыла партия пленных. Гайда, не оборачиваясь, резко и твёрдо сказал с характерным для него чехословацким акцентом: «Под пулемёт». Партию пленных, где было много мадяров, немедленно отвели в горы и расстреляли из пулемётов».

На ст. Оловянная озверевшие от крови отряды гайдовцев соединились с отрядами ген. Дитерихса. Состоялось торжество каннибалов:

у тех тоже позади был путь, усталый трупам. 29 июня они разгромили Совет во Владивостоке, арестовали членов исполкома во главе с его председателем К. Сухановым. Как сообщала владивостокская газета «Далёкая окраина», во время переворота было убито 140 красноармейцев и 1200 разоружено, арестовано и предано военно-полевному суду 17 русских коммунистов и 30 чехов-интернационалистов, служивших в местных отрядах Красной Армии. Рабочие мастерских и порта, матросы Сибирской флотилии ещё несколько дней оказывали путчистам вооружённое сопротивление. Конференция правлений профсоюзов Владивостока потребовала освобождения всех арестованных, восстановления всех погранных прав, ухода самозванного правительства Дербера, вынырнувшего вдруг из небытия, немедленного ухода чехословаков на Западный фронт, пригрозив всеобщей забастовкой. Но воля трудящихся была раздавлена грубой силой в лице находившейся в районе Владивостока 14-тысячной группировки чехословацких войск. 4 июня в городе состоялись похороны жертв мятежа, собравшие до 17 тысяч человек, гневно протестовавших против бесчинств «демократического» войска Масарика.

На Никольск-Уссурийском фронте советские отряды в трёхдневных боях оказали упорное сопротивление мятежникам. По признанию официальной чехословацкой истории мятежа, потери владивостокской группы были «очень чувствительны». Но с тем большей яростью обрушились мятежники на защитников Никольска-Уссурийского: сотни были убиты, ранены и взяты в плен. В боях на хабаровском направлении, по данным той же истории, «потери большевиков: 500 мёртвых и 700 раненых». Хабаровск уже штурмовали вместе с чехословаками прибывшие им на подмогу союзники: японцы, англичане, французы и американцы. И 5 сентября Хабаровск пал.

Теперь обратим взор на запад, где поволжская группировка Чеченка и уральская Войцеховского чинили не менее жестокий кровавый разбой. 29 мая легионеры захватили Пензу. После трёх дней их оргии в городе остались сотни убитых и искалеченных и большие разрушения. Мятежные эшелоны устремились на Самару. 4 июня газета «Известия» Пензенского Совета вышла с передовицей под кричащим заголовком «Кошмар!». Она сообщала о состоявшихся 2 июня похоронах жертв набега новоявленных янычар. В братскую могилу только из земской больницы было доставлено более 80 гробов. На траурном митинге, собравшем на Советской площади почти всё население города, выступавшие заклеили наёмных убийц. «До глубины души, – заявил один из ораторов, – возмущаемся грязным выступлением этих контрреволюционных и разбойничьих банд и клеймим их несмываемым позором: «Разбойники и слуги капитала!». Газета опубликовала также список 83 раненых. Как выяснилось позже, число жертв бандитского набега составило до 300 человек. При защите города героически сражались бойцы сформировавшегося здесь 1-го чехословацкого

полка Красной Армии. Многие из них погибли или были ранены, защищая власть трудящихся. Около 250 чехословацких интернационалистов мятежники захватили в плен. Часть из них после зверских истязаний расстреляли: сохранилась документальная фотография поля под Липягами, усеянного трупами интернационалистов. Другую часть связали и утопили в реке, а троих руководителей интернационалистов – А. Скотака, И. Поспишила и Я. Оченашека – повесили на берегу Волги у с. Липяги.

Трагическую участь Пензы разделили многие города, лежавшие на пути эшелонов мятежников. За Пензой настала очередь Самары, захваченной 8 июня. Легионеры здесь бесчинствовали сами и подстрекали к тому же местных белогвардейцев. Днём и ночью работала чехословацкая контрразведка, вылавливая сочувствующих советской власти, не говоря уже о коммунистах. Особым усердием в сыске отличился прапорщик Ребенда, назначенный военным комендантом города. Масштабы расправ перепугали даже «вождей» КОМУЧа, и они поспешили издать приказ: «Призываем под страхом ответственности немедленно прекратить добровольные (очевидно, своевольные. – *Авт.*) расстрелы. Всех лиц, подозреваемых в участии в большевистском восстании (так новые власти наименовали Октябрьскую революцию. – *Авт.*), предлагаем немедленно арестовывать и доставлять в штаб охраны». Приказ даёт основание представить себе, что творилось в дни мятежа на улицах Самары.

Очевидцы вакханалии арестов и расстрелов рассказали об этом в брошюре «Чехословаки в Самаре»: «Как только советские войска оставили город, тотчас начались стихийные самосуды, нападения, убийства и грабежи. Пойманных на улице красноармейцев убивали, причём достаточно было указания какого-нибудь хулигана, чтобы товарищ подвергся избиению и даже расстрелу. Чехословаки принимали весьма энергичное участие в избиениях и расстрелах большевиков и красноармейцев... Чехословаки расстреливали абсолютно всех коммунистов-чехословаков и всех красноармейцев, оказывавших хотя бы малейшее сопротивление. В Самаре было 30 коммунистов-чехословаков, и, по-видимому, ни одному из них не удалось спастись». К счастью, в числе тех, кому удалось спастись от рук палачей в легионерских мундирах, был и знаменитый в будущем чешский писатель Ярослав Гашек, руководивший чехословацкой секцией самарской организации коммунистов.

Вскоре после переворота представитель ОЧНС при самарском правительстве Ф. Власак сообщал по инстанции: «В качестве устрашающего средства к запрещению опасного выступления самарских рабочих, среди которых было много симпатизирующих большевикам и ждавших с нетерпением их прихода, я дал указание о создании чрезвычайного суда, единственным приговором его был смертный приговор, приводимый в исполнение через час после вынесения».

Когда самарские железнодорожники в знак протеста против террора и насильственной мобилизации в «народную армию» КОМУЧа собрались на митинг численностью в 600 человек, тут же явился военный комендант города Ребенда с командой и приказал собравшимся немедленно разойтись. Рабочие демонстративно не подчинились приказу. Тогда Ребенда вызвал подкрепление, разогнал сход, многих его участников арестовал, а 20 «зачинщиков» расстрелял. За короткий срок властвования чехословаков и учредиловцев рабочие Самары недосчитались многих своих товарищей. Тысячи их оказались в тюрьмах, сотни были расстреляны. Среди погибших многие видные советские работники – Ф. Венчек, Штыркин, Шульц и другие.

По данным, поступившим в Наркоминдел РСФСР от лиц, вырвавшихся из захваченной Самары, мятежники арестовали до 12 тыс. человек. В том числе были схвачены 37 женщин – жён руководящих советских работников. Из них 16 были расстреляны, остальные приговорены к повешению. Эти данные Чичерин сообщил в ноте посланнику Нидерландов с просьбой выступить с протестом против этих чудовищных злодеяний.

О том, что творилось в захваченной чехословаками Казани, поведал очевидце чинившихся там расправ министр самарского правительства КОМУЧа И. М. Майский. «На каждом шагу, – вспоминал он, – я наткался на следы только что разыгравшейся борьбы: на мостовых валялись неубранные трупы красноармейцев, стояли брошенные на произвол судьбы орудия, с крыш кое-где выглядывали жерла пулемётов. Местами ноги попадали в лужу голубокожухой крови, местами взгляд ловил останки лошадей с вырванными внутренностями и судорожно скрюченными ногами. По углам улиц, у общественных и государственных учреждений, стояли военные посты. Всё это были по большей части чехи, плохо или совсем не говорившие по-русски...

Днём 7 августа (день захвата города. – *Авт.*), идя по одной из казанских улиц, я заметил издали собравшуюся толпу. Подойдя поближе, я увидел такую картину: у забора стояли двое молодых парней, по внешности, видимо, рабочих, страшно бледных, с кровавыми шрамами на лице. Против стояло человек пять чешских солдат с поднятыми винтовками... Раздался залп, и оба рабочих, беспомощно взмахнув руками, упали на землю...

Несколько часов спустя, уже под вечер, пересекая центральную часть города, я был невольно увлечён людским потоком, стремительно несшимся куда-то в одном направлении. Оказалось, что все бежали к какому-то большому четырехугольному двору, внутри которого раздавались выстрелы. Там группами стояли пленные большевики: красноармейцы, рабочие, женщины и против них чешские солдаты с поднятыми винтовками. Раздался залп, и пленные падали. На моих глазах были расстреляны две группы, человек по 15 в каждой. Больше я не мог выдержать».

Рабочие казанского артиллерийского склада 1 сентября предъявили чехо-учредилловским властям требование освободить их арестованных товарищей, избранных на беспартийную рабочую конференцию. В ответ власти пригрозили новыми арестами. Но негодование в рабочей среде буквально закипало. И 3 сентября на пороховом заводе собрался митинг протеста против принудительной мобилизации в «народную армию» и прочих беззаконий новоявленных правителей. К пороховикам присоединились артскладовцы и полк солдат. Больше выносить царивший произвол не было сил. Поэтому рабочие и солдаты, уже слыша артиллерийскую канонаду приближавшейся Красной Армии, решили поднять восстание, прорвать фронт для наступающих советских частей. Был избран штаб восстания, намечен план действий: освободить из тюрьмы около 3000 заключённых и через Устье Лебяжье и Красную горку совершить прорыв на соединение с советскими войсками. Но чехо-учредилловцы, предчувствуя свой близкий конец (до освобождения Казани оставалось 6 дней), обрушили на повстанцев всю свою ярость и расстреляли их из орудий и пулемётов. Расправа была ужасной – только убитыми оказалось около 600 человек. Такая же участь постигла и восставших рабочих Иващенковского завода.

Чёрные дни переживал Екатеринбург. Центральное бюро профсоюзов Урала в обращении к чехословацкому руководству и Сибирскому правительству с негодованием заявляло: «Прошло уже 2 месяца со дня захвата Екатеринбурга и части Урала войсками временного Сибирского правительства и чехословаками; уже второй месяц жители находятся под страхом ужасов необоснованных арестов, расстрелов без суда и иных деяний. Город Екатеринбург превратился в одну огромную тюрьму: почти все помещения заполнены заключёнными, в большинстве своём невинными. Как в Екатеринбурге, так и на заводах происходят аресты, обыски и безответственные и бесконтрольные преследования мирных граждан Екатеринбурга и уральских заводов со стороны различных органов и учреждений, которые делают всё это по велению неизвестных высших органов». Но крик о помощи остался гласом вопиющих в пустыне, а машина репрессий продолжала набирать обороты.

В Троицке, на подступах к которому мятежники встретили яростное сопротивление, победители дали выход своей жестокости. Очевидец тех трагических событий С. Моравский вспоминает: «Тотчас же по занятии города начались массовые убийства коммунистов, красноармейцев и сочувствующих советской власти. Толпа торговцев, интеллигентов и попов ходила с чехами по улицам и указывала им на коммунистов и советских работников, которых чехи тут же убивали. Около 7 часов утра в день занятия города я был в городе, и от мельницы к гостинице Башкирова, на расстоянии приблизительно одной версты, насчитал около 50 трупов замученных, изуродован-

ных и ограбленных. Убийства продолжались два дня, и, по данным, полученным мною от бывшего председателя страховой кассы, адъютанта штаба белогвардейского гарнизона штабс-капитана Москвичева и прапорщика Гостева, число замученных в первые два дня после занятия города насчитывало не менее тысячи человек. В течение нескольких дней трупы валялись неубранными».

Из Петропавловска чешский капитан Жак доносил в штаб 2 июня: «Захваченных немцев и мадяров (в лагере военнопленных. — *Авт.*) отдам завтра под полевой суд и, надеюсь, многих расстреляем». А Гайда повелевал капитану Чеховскому: «Поскольку в бою за Усть-Каменогорск погибло пять чешских легионеров, «приказываю вам, если у вас есть пленные красноармейцы, участники того боя, под мою ответственность всех без исключения расстрелять». Представитель ОЧНС при Сибирской областной думе доктор Глос сообщал 18 июля о расстреле митинга судженских шахтёров. Расправу учинил отряд легионеров под командованием десятника Шарфа. «Всего было до 10 раненых и 2 убитых». То же повторилось и на Анжерских коях, где карателями командовал поручик Яник. Он захватил заложников из числа протестующих и пригрозил пустить их в расход, если шахтёры не подчинятся властям. Оккупанты особенно старались устрашить шахтёрские районы, от которых зависело снабжение эшелонов углём.

В Красноярске чешский наместник Лелек похвалялся: «Я принял меры против распространения левой агитации в профсоюзных организациях. Профсоюзные вожаки заключены в тюрьму, так как большинство из них являются старыми совдепчиками». А капитан Кадлец, ближайший советник Гайды, прошедший школу колониального разбоя в Конго в составе бельгийской армии, захватив Мариинск, тут же распорядился: «Объявляю г. Мариинск на военном положении, причём смещаю представителей советской власти и призываю граждан г. Мариинска избрать себе новое правление, которое возьмёт в руки власть. Двух из новоизбранных приглашаю явиться ко мне». По этому трафарету власть сменяли повсеместно.

Сам Гайда, шествуя во главе мятежников от Новониколаевска на восток, подавал пример «демократии» по-масариковски. После захвата Иркутска он 25 июля издаёт приказ о наведении «порядка» на Сибирской магистрали. На ней-де «не всё спокойно». Контрразведка доложила ему, что среди красноярских рабочих и в некоторых депо ведётся агитация в пользу забастовки, а в ряде лагерей военнопленных якобы готовятся восстания. Последние буквально всюду мерещились диктатору как предлог для расправ. В приказе говорилось: «Железную дорогу от Барабинска до Красноярска объявляю на военном положении, а от Красноярска на восток на осадном. Для активной борьбы с большевиками и германскими агентами командирам чехословацких эшелонов в Барабинске, Новониколаевске, Ачинске,

Красноярске, Канске, Нижнеудинске и ст. Половинная распоряжением старших из начальников эшелонов учредить военно-полевые суды в составе трёх членов по назначению от чехословаков и одного члена по назначению начальников местных гарнизонов. Неприбытие последнего не должно служить препятствием к тому, чтобы суд не состоялся. Запрещаю всякие митинги на линии железной дороги, объявленной на осадном положении. Виновные [в] призыве и подстрекательстве к забастовке на железной дороге или в уклонении от работ подлежат расстрелу по приговору военно-полевого суда. Предать суду имеет право начальник того эшелона, при котором сформирован суд». Предписывалось также взять под жёсткий контроль над лагерями военнопленных немцев и австро-венгров. Эти лагеря отныне превращались в концлагеря в подлинном смысле этого слова, а находившиеся в них люди – в заложников и заключённых. Это – к сведению «историков» типа писателя Бориса Васильева, поспешившего с апломбом вручить пальму первенства введения и концлагерей и заложничества, конечно же, большевикам [см. журн. «Родина», 1990, № 10, с. 8–11]. Полагается всё же знать то, о чём говорить.

Бесцеремонность Гайды, распорядившегося в Сибири, как в африканской колонии, возмутила даже его ставленника – «командарма» сибирской армии А. Н. Гришина-Алмазова, который с раздражением запрашивал Гайду: «Немедленно сообщите, на каком основании вы отменяете законы Временного сибирского правительства, вмешиваясь во внутреннюю жизнь страны». Но Гайда на эти наивности даже не ответил, давая тем самым понять, кто в Сибири хозяин. Под нажимом союзных дипломатов слишком ретивый «патриот» Сибири в сентябре был смещён со своего поста. Насчёт вмешательства во внутреннюю жизнь Гришину-Алмазову следовало бы телеграфировать не Гайде, а самому Масарику, который фарисействовал перед Европой, будто его «парни», свергнувшие законную власть на территории от Волги до Тихого океана, во внутреннюю жизнь России... не вмешиваются.

Тем временем на огромной территории, охваченной мятежом, вершилась вакханалия диких расправ и бессудных расстрелов. Острые террора было направлено прежде всего против руководящих партийных и советских работников. Преследовалась цель – обезглавить сопротивление рядовых граждан произволу и насилию захватчиков. Так, в Самаре пала от рук палачей группа видных работников во главе с Ф. Венцеком; в Казани погибли М. Н. Вахитов, С. Шейнкман, М. Межлаук, С. Гасар, В. Хатаевич, Булич, Иванов; в Челябинске – З. Лобков и 32 его соратника; в Екатеринбурге – М. Авейде, А. Валек и ещё 7 их товарищей; в Троицке – Я. Аппельбаум, Ф. Титов, Ф. Степанов; в Уфе – Х. Муравьёв и 70 его товарищей; в Омске – А. Нейбут, А. Масленников, М. Рабинович, Ф. Суховерхов-Сычев; в Новониколаевске – Ф. Горбань, Серебренников, Шурьгин, Петухов, Пол-

ковников; в Томске – А. Иванов, К. Ильмер, Я. Бредис, В. Васильев, К. Васильев, И. Григорьев и ещё 17 активистов; в Барнауле – И. Присягин, М. Цаплин и ряд других руководящих работников; в Красноярске – И. Белопольский, Я. Боград, Г. Вейнбаум, Я. Дубровинский, В. Яковлев, позже – А. Лебедева, В. Матушевский; в Олекминске – руководители Центросибири Н. Яковлев, Ф. Лыткин и их соратники; в Чите – И. Бутин, В. Серов; в Благовещенске – Ф. Мухин, А. Чумак, С. Шумилов и 15 их товарищей; во Владивостоке – К. Суханов, Д. Мельников и другие местные руководители.

Это – лишь маленькая часть того бесконечного мартиролога, который чехословацкие каратели вписали в историю Гражданской войны либо собственными штыками, либо руками своих пособников-белогвардейцев. Причём это было лишь начало. Впереди были ещё тяжёлые бои на Восточном фронте, стоившие советским гражданам больших жертв, и бесчеловечная война корпуса против повстанцев и партизан Сибири.

Как же отнеслись «цивилизованные» правительства стран Антанты к тем преступлениям, которые творил Чехословацкий корпус на русской земле? Возмущались? Протестовали? Ничуть не бывало. Премьер Великобритании Ллойд Джордж в послании Масарику, уподобившись человеку, веселящемуся на похоронах, сообщил с ликованием: «От имени британского военного кабинета посылаем вам самые сердечные поздравления с впечатляющими успехами, которых добились чехословацкие вооружённые силы в боях против немецких и австрийских (?) отрядов в Сибири (этим мифом союзники прикрывали войну против советской власти. – *Авт.*). Судьба и триумф этого небольшого войска представляют собой в действительности одну из самых выдающихся эпопей в истории... Ваш народ оказал неоценимую услугу России (!) и союзникам в борьбе за освобождение мира от оков деспотизма. Мы никогда этого не забудем». Ещё бы! Ведь корпус делал их дело. На преступления, как всегда, закрывали глаза.

Но не забыли чёрных дел корпуса трудящиеся Советской России, посылая в его адрес проклятия. Советское правительство выступило с гневным осуждением преступлений чехословацких наёмников и стоявших за их спиной союзников. В телеграмме посланнику Норвегии, предназначенной для вручения правительству Великобритании, нарком Чичерин заявил: «Притворная неосведомлённость якобы великобританского посланника по вопросу о диких эксцессах, совершённых чехословаками, об их несчётных, вопиющих преступлениях может вызвать лишь усмешку презрения ввиду многочисленных, разнообразных свидетельств, удостоверяющих совершение ими этих злодеяний. Тюрмы, переполненные цветом рабочего класса, горы трупов рабочей молодёжи, умерщвлённой низкими агентами реакции, потоки крови на улицах городов и деревень – за все эти ужасы, которых было так много во всей области оккупации ослеплённых

чехословацких агентов английского и французского капитала, ответственность падает на их действительных вдохновителей и авторов, на британскую и французскую олигархию».

НАЧАЛО ОТКРЫТОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ И АКТИВИЗАЦИЯ ВНУТРЕННЕЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Вначале интервенция Антанты носила прикрытый характер, выражаясь в политической и финансовой поддержке российской контрреволюции, в организации антисоветских мятежей. К весне 1918 г. стало ясно, что российские капиталисты и помещики сами не в силах справиться с победоносной социалистической революцией. Это побудило Антанту послать против Советской России собственные войска. Пока продолжалась война в Европе и Четверной союз контролировал черноморские проливы, Антанта не могла развернуть широкие операции на территории всей России. Поэтому интервенты Антанты в то время действовали только на Севере и Дальнем Востоке, в Средней Азии и Закавказье.

Интервенция Антанты фактически означала войну против Советской России, но империалисты вели её под прикрытием фраз о «помощи» русскому народу в борьбе против Германии.

Несостоятельность таких объяснений ярко обнаружилась уже в том факте, что после капитуляции Германии державы Антанты не только продолжали антисоветскую войну, но ещё больше усилили её.

9 марта 1918 г. в Мурманске высадился первый вооружённый английский отряд. За ним вскоре прибыли крупные контингенты американских, английских и французских войск. В соглашении, подписанном с изменившими Родине работниками Мурманского Совета, представители Англии, Франции и Соединённых Штатов обязались не вмешиваться во внутренние дела края. В действительности интервенты насильственно разгоняли организации трудящихся, вершили расправу над жителями. В Кеми англо-французский отряд разогнал местный Совет и расстрелял его руководителей.

1 августа флот интервентов появился под Архангельском. На следующий день в городе высадился вражеский десант. Интервенты организовали контрреволюционный переворот и создали марионеточное белогвардейское «правительство» во главе с «народным социалистом» Чайковским.

Советское правительство в ряде нот выразило решительный протест против интервенции. Правительства Антанты в ответ лицемерно заявляли, что их военные корабли прибыли на Советский Север

только для предотвращения «германской угрозы». На самом деле никакой германской угрозы в районах Мурманска и Архангельска не существовало. Это признавали и официальные лица союзников. Американский консул в Архангельске сообщал послу Соединённых Штатов в России Фрэнсису: «...Целью является не просто оккупация Архангельска, а движение во внутренние части России...»

На Дальнем Востоке интервенция началась в первых числах апреля 1918 г. Во Владивостоке высадились японские, английские, а за ними (в августе 1918 г.) и американские оккупанты. Численность одних только американских войск во второй половине 1918 г. составила более 9 тыс. человек.

В конце мая 1918 г. начался антисоветский мятеж Чехословацкого корпуса. Этот корпус состоял из чехов и словаков, бывших солдат австро-венгерской армии, взятых в плен в 1914–1917 гг. Советское правительство разрешило им проехать по сибирской железной дороге во Владивосток для дальнейшего следования в Европу. Но империалисты Антанты при помощи чешских буржуазных лидеров Т. Масарика и Э. Бенеша использовали Чехословацкий корпус в контрреволюционных целях. В пути командование корпуса, вероломно нарушив соглашение с Советским правительством, подняло контрреволюционный мятеж.

Чехословацкий корпус насчитывал до 50 тыс. хорошо вооружённых солдат. В него влилось также немало русских белогвардейцев. Направляясь на Дальний Восток, части корпуса растянулись вдоль железнодорожной магистрали от Пензы до Владивостока. На всём этом огромном расстоянии, пользуясь немногочисленностью советских отрядов, они захватили ряд городов и восстановили в них буржуазные порядки.

Основная масса находившихся в России военнопленных чехов и словаков (их было вне корпуса более 150 тыс.) не поддержала контрреволюционной затеи международного империализма и чехословацких реакционеров. Многие чехи и словаки вступили в Красную Армию, образовав чехословацкие подразделения. Члены чехословацкой коммунистической группы в России самоотверженно разоблачали провокации империалистов, вели агитационную работу среди солдат Чехословацкого корпуса. Тем не менее контрреволюционное офицерство с помощью правых социал-демократов, используя прямой обман и демагогию, разжигая националистические настроения, сумело превратить корпус в орудие борьбы с советской властью.

По мере развития империалистической интервенции усиливалась и внутренняя контрреволюция в России. Вместе с Чехословацким корпусом против советской власти выступили контрреволюционные силы на Волге, Урале, в Сибири. К концу лета 1918 г. в их руках оказались обширные районы: вся Сибирь, большая часть Урала, поволжские города Самара, Симбирск, Казань. Была пре-

рвана связь Советского Туркестана с центром страны. В первой половине июня на Волге, в захваченной чехословаками Самаре, возникло контрреволюционное «правительство» с участием кадетов, эсеров и меньшевиков, так называемый Комуч (Комитет членов учредительного собрания). В Омске образовалось белогвардейское сибирское «правительство». «Добровольческая» армия, состоявшая из бывших офицеров царской армии во главе с генералами Алексеевым, Корниловым и Деникиным, захватила значительную часть Северного Кавказа.

Вооружённая интервенция Антанты распространилась также на Закавказье и Среднюю Азию. В августе 1918 г. в Баку прибыл из Ирана отряд английских интервентов под командованием генерала Денстервиля. Почти одновременно английские войска генерала Маллесона, пришедшие также из Ирана, заняли Закаспийскую область.

Лютым врагом Советского государства оставалась и кайзеровская Германия. В нарушение условий Брестского мирного договора она оккупировала Крым, послала свои войска на Северный Кавказ и в Закавказье. В результате мятежа донских казаков пала советская власть на Дону. Атаман «Всевеликого войска Донского» генерал Краснов сформировал с помощью германских империалистов крупные военные силы и начал наступление на Царицын и Воронеж.

Союзница Германии – султанская Турция повела наступление в Закавказье. В сентябре 1918 г. турецкие войска захватили Баку и учинили кровавую резню в городе.

На Украине, в Прибалтике, Белоруссии, Крыму германские оккупанты создали марионеточные «правительства», составленные из наиболее реакционных, преимущественно монархических элементов. В конце апреля 1918 г. украинскую Центральную раду сменило «правительство» крупного помещика, бывшего царского генерала Скоропадского, провозглашённого «гетманом всея Украины». Ограбление украинского народа ещё более усилилось. При Скоропадском из Украины было вывезено в Германию 9 млн пудов хлеба и 3,5 млн пудов сахара, не считая огромного количества других видов продовольствия и сырья.

Летом 1918 г. велась подготовка к созданию литовской монархии; кандидатом на престол выдвигался германский герцог Вильгельм фон Урах.

В оккупированных германскими империалистами районах вся власть фактически принадлежала германскому командованию. Оккупанты восстановили буржуазно-помещичий строй, лишили рабочих и крестьян всяких прав, разогнали профессиональные союзы, демократические общественные и культурные организации. В переполненных тюрьмах томились люди, осмелившиеся выразить хотя бы малейший протест против действий оккупантов; тысячи рабочих и крестьян были расстреляны.

Жестокий оккупационный режим установили на захваченных территориях интервенты из лагеря Антанты. Их путь по советской земле был отмечен убийствами советских патриотов, массовыми расправами над мирным населением.

За время господства интервентов и белогвардейцев на Советском Севере каждый шестой житель края побывал в тюрьме и концентрационном лагере. В Мурманске, где интервенты создали пять тюрем, постоянно находилось в заключении до тысячи арестованных. На острове Мудьюг и в становище Йоканга на Кольском полуострове интервентами были организованы концентрационные лагеря, в которых советские люди подвергались издевательствам и пыткам, обрекались на мучительную смерть от голода и холода. В Сибири в тюрьмы и концентрационные лагеря были брошены более 80 тыс. рабочих, крестьян, представителей интеллигенции; 40 тыс. человек интервенты и белогвардейцы расстреляли и замучили.

Неизгладимым позором покрыли себя английские интервенты в Закавказье. После падения советской власти в Баку 26 выдающихся деятелей социалистической революции («26 бакинских комиссаров»), мужественных сынов советского народа: М. Азизбеков, П. Джапаридзе («Алеша»), Я. Зевин, Г. Корганов, И. Малыгин, С. Осепян, С. Шаумян, И. Фиолетов и другие – были увезены англичанами в оккупированную английскими войсками Закаспийскую область. Здесь в глухой пустыне, в 207 верстах от Красноводска, в ночь на 20 сентября 1918 г. палачи под командованием английского капитана Тиг-Джонса зверски убили героических борцов за коммунизм.

ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ КРАСНОЙ АРМИИ

Летом 1918 г. наибольшее значение для Советской республики приобрели боевые действия на востоке страны. Многочисленные, хорошо вооружённые отряды интервентов и белогвардейцев, захватив огромные просторы Сибири и Урала, перешли в нескольких местах Волгу и Каму с целью повести наступление на Москву. Создалась серьёзнейшая угроза самому существованию советской власти. В районе Средней Волги и Урала развернулись упорные и кровопролитные бои. В конце июля Центральный Комитет Коммунистической партии вынес решение, в котором подчеркнул значение боевых действий на Волге и Урале и наметил конкретные меры по укреплению сражавшихся там частей Красной Армии.

Советское правительство образовало Восточный фронт в составе пяти армий. В. И. Ленин тогда неоднократно указывал, что судьба революции решается на Восточном фронте. Он непосредственно

занимался вопросами, связанными с усилением волжских и уральских армий. В течение лета эти армии получили крупное подкрепление в виде лучших красноармейских частей из центральных и западных районов. На Восточный фронт было послано большое число членов Коммунистической партии. Из Москвы в течение первых двух недель августа 1918 г. направилось на Восточный фронт 400 коммунистов. Петроградская партийная организация послала 300 коммунистов под Казань и в Симбирск. Огромную роль в укреплении Восточного фронта сыграли партийцы Урала. На фронт ушло более 20 тыс. уральских коммунистов – примерно две трети партийной организации.

При формировании армий Восточного фронта пришлось преодолевать огромные трудности. На центральном участке фронта первоначально действовало более 50 самых разнообразных по своей структуре отрядов. Усилиями коммунистов эти разрозненные отряды сводились в полки, бригады, дивизии. Вырвавшиеся из вражеского окружения красногвардейские и партизанские отряды рабочих Самары и Симбирска составили костяк Симбирской «железной дивизии». Из отрядов пензенских рабочих и крестьянской бедноты сформировались Инзенская и Пензенская дивизии. Уральские рабочие-коммунисты были ядром 29-й, 30-й, 51-й дивизий, показавших исключительно высокие боевые качества; к концу 1918 г. партийная прослойка в этих дивизиях достигала 30 % личного состава.

Была создана Волжская военная флотилия. Её комплектованием руководил балтийский матрос-коммунист Н. Г. Маркин, до этого участвовавший в налаживании работы Народного комиссариата иностранных дел, а теперь командированный партией на Восточный фронт. Призывая моряков Российского военного флота вступить в военно-морской отряд на Волге, Маркин писал: «От желающих поступить в отряд требуется признание платформы советской власти и безукоризненная честность как по отношению к начальству, так и к своим товарищам. Не имеющих этих качеств просим не беспокоиться».

На Восточном фронте прославился народный герой В. И. Чапаев. Из первых красногвардейских отрядов он сформировал Пугачёвскую бригаду, вошедшую в состав 4-й армии. В армиях фронта широко развернулась политическая работа. Ею руководили крупные партийные работники, ставшие членами Реввоенсоветов армий, – С. И. Гусев, В. В. Куйбышев, Г. Д. Линдов, П. К. Штернберг.

Самоотверженная деятельность Коммунистической партии преобразила войска. Они выдержали натиск врага и стали наносить ему всё более сильные контрудары.

В начале сентября части 2-й и 5-й армий освободили от белогвардейцев Казань. Приветствуя доблестных бойцов этих армий, В. И. Ленин писал, что взятие Казани ознаменовало «перелом в настроении нашей армии, переход её к твёрдым, решительным победоносным

действиям» [Ленин В. И. Письмо красноармейцам, участвовавшим во взятии Казани, Соч. Т. 28, с. 81]. 12 сентября комиссар 1-й армии Куйбышев телеграфировал Ленину, что после трёхдневного боя взят Симбирск. Главную роль в штурме города сыграли полки Симбирской дивизии под командованием Г. Гая. Ещё не смолкли последние выстрелы, как на центральной площади Симбирска собрался многотысячный митинг бойцов. Он принял текст телеграммы Ленину, в которой говорилось: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города – это ответ на Вашу одну рану, а за вторую – будет Самара!» Это обещание было с честью выполнено. 7 октября части 1-й армии с севера и 4-й армии с юга вступили в Самару. После упорных боёв в начале ноября был занят Ижевск. Первым в город ворвался красноармейский полк под командованием уральского рабочего-коммуниста А. М. Чеверева, входивший во 2-ю сводную дивизию, начальником которой был талантливый командир В. М. Азин.

Важное место в военных действиях лета и осени 1918 г. занимали бои на юге страны. Здесь против советской власти действовала белогвардейская «добровольческая» армия и казачьи войска Краснова. «Добровольцы» теснили красноармейские части на Северном Кавказе, отрезанные от основных советских сил. Краснов усиливал давление на Царицын и Воронеж.

Советское правительство в сентябре 1918 г. создало Южный фронт. Его 8-я и 9-я армии, прикрывавшие на участках Воронежа, Поворина и Балашова центральные районы страны, остановили наступление белоказаков и заставили их перейти к обороне. В этих сражениях особенно отличились войска под командованием Р. Ф. Сиверса и В. И. Киквидзе. Царицынский участок Южного фронта занимала 10-я армия, ядром которой были прибывшие из Донбасса в конце июня 1918 г. отряды К. Е. Ворошилова; они совершили двухмесячный героический переход в 700 км по занятой врагом территории, ведя непрерывные бои с немецкими захватчиками и белыми генералами.

Белогвардейцы дважды подходили к Царицыну, но оба раза терпели поражение.

Первый раз вражеские полки вышли к Волге в августе 1918 г. и взяли город в клещи. В предместьях завязались бои, не затихавшие ни днём, ни ночью. На улицах города рвались снаряды, загорелись лесные пристани. Бойцы Красной Армии – донецкие шахтёры и металлисты из Коммунистической дивизии, рабочие-москвичи из 38-го Рогожско-Симоновского полка, красные казаки кавалерийских частей – стальной стеной загородили путь врагу. Плечом к плечу с ними стояли рабочие Царицына, давшие фронту более 10 тыс. бойцов. С беспримерным мужеством воевали металлисты завода Дюмо, оружейного завода, рабочие лесопилок, грузчики царицынских пристаней, волжские речники. Оставшиеся в цехах рабочие без усталости готовили военную продукцию, ремонтировали орудия, броневики, бронепоезда.

Один из участников обороны Царицына, рабочий М. А. Гвоздев впоследствии вспоминал: «Бывало, работаем у станка, а патронная сумка через плечо и винтовка рядом. Ежели день обойдётся спокойно, вечером военному делу обучаемся. Часто в открытые двери галопом вносились запряжка с оружием прямо с фронта, ещё дуло горячее. То замок повреждён белогвардейским снарядом, то какая-либо другая часть. И пока с коней сойдёт мыло, пока бойцы-артиллеристы успеют перекусить, мы уже кричим: «Готово!» Не было тогда для пристрелки полигона, орудия пристреливали прямо по врагу».

Героические защитники Царицына одержали славную победу. В начале сентября враг был разбит и отброшен за Дон. Такую же неудачу потерпело и второе наступление белогвардейцев на Царицын – в октябре.

Под Царицыном воевали замечательные командиры, верные сыны Коммунистической партии С. М. Будённый, Е. А. Щаденко, А. Я. Пархоменко, О. И. Городовиков, Н. А. Руднев и другие. Руководителем обороны Царицына в это напряжённое время был И. В. Сталин. Он находился в городе с июня по октябрь 1918 г. и являлся с июля председателем Военного совета Северо-Кавказского военного округа. В Военный совет входили также К. Е. Ворошилов и С. К. Минин.

На Севере Советской России 30-тысячная армия интервентов и белогвардейцев, захватив Мурманское и беломорское побережья, развернула наступление вдоль Северной Двины в направлении на Котлас, и по железной дороге Архангельск – Вологда. В начале сентября 1918 г., после упорных боёв, в которых особенно отличилась Северодвинская речная военная флотилия, организованная заместителем председателя Архангельского губисполкома П. Ф. Виноградовым, красные войска остановили продвижение противника. Севернее Онежского озера были задержаны англоамериканские части, пытавшиеся наступать вдоль Мурманской железной дороги.

В сентябре 1918 г. по решению Советского правительства был создан Северный фронт. 6-й армией, являвшейся главной силой Северного фронта, командовал (с декабря 1918 г.) бывший генерал царской армии А. А. Самойло. Большую роль в укреплении Северного фронта сыграл большевик М. С. Кедров.

Бесчисленны примеры массового героизма рабочих и крестьян, проявленные на всех фронтах. Одним из них является оборона Грозного, крупного промышленного центра Северного Кавказа. Летом 1918 г. отряды белоказаков во главе с агентом английских империалистов Г. Бичераховым окружили Грозный. Численность белогвардейцев во много раз превышала число защитников города. Но Грозный не сдался. Все способные носить оружие рабочие поднялись на борьбу. В обороне города участвовали и старики, и женщины, и подростки. Ожесточённые схватки развёртывались за каждую улицу, за каждый дом. Бои продолжались сто дней. К середине ноября советские войска

под руководством Серго Орджоникидзе прорвали белогвардейское кольцо и освободили город. За героическую борьбу с белогвардейской контрреволюцией Грозный, так же как и Царицын, был награждён орденом Красного Знамени.

ОСВОБОЖДЕНИЕ УКРАИНЫ И БЕЛОРУССИИ

На захваченных немецкими войсками советских территориях шла непрерывная партизанская война против иноземных захватчиков и их пособников. Борьбой рабочих и крестьян Украины, Белоруссии, Прибалтики руководила Коммунистическая партия. В течение 1918 г. коммунисты оккупированных врагом территорий оформили и укрепили свои организации: в июле 1918 г. в Москве состоялся I съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины, в августе в Смоленске – Первая конференция коммунистических организаций Белоруссии и Литвы; в сентябре образовалось Центральное бюро коммунистических организаций оккупированных немцами территорий, развернувшее большую работу по подготовке вооружённого восстания.

Подпольные коммунистические организации усилили свою деятельность на местах, создали партизанские штабы.

Поражение австро-германского блока в мировой войне и вспыхнувшая в ноябре 1918 г. революция в Германии существенно изменили международную обстановку. Бои германского пролетариата оказывали большое влияние на развитие революционного движения во всей капиталистической Европе, что значительно облегчало положение Советской России, отражавшей натиск мировой контрреволюции.

13 ноября 1918 г. ВЦИК объявил Брестский договор уничтоженным «в целом и во всех пунктах». В постановлении ВЦИК отмечалось единство интересов советского и германского народов в борьбе против империализма, за мир, за счастливое будущее. Советское государство предложило Германии заключить дружественный союз. Однако германские правящие круги отказались даже восстановить дипломатические отношения между Германией и Советской Россией, провокационно разорванные за несколько дней до Ноябрьской революции. Советские люди с напряжённым вниманием и сочувствием следили за ходом революции в Германии. Когда вожди германского пролетариата К. Либкнехт и Р. Люксембург были злодейски убиты агентами контрреволюции, по всей Советской стране прокатилась волна массовых демонстраций и митингов протеста.

После поражения Германии освободительная борьба трудящихся в оккупированных ею советских областях развернулась с новой си-

лой. Но вместе с тем активизировались и контрреволюционеры. Они широко использовали националистические лозунги, применяли революционную фразеологию, стремясь не допустить победы советской власти. Контрреволюция в этих районах опиралась одновременно и на оставшиеся ещё там немецкие войска, и на военную и финансовую помощь империалистов Антанты.

Несмотря на всю сложность обстановки, трудящиеся оккупированных Германией районов сумели при поддержке со стороны РСФСР одержать серьёзные победы.

К концу 1918 г. немецкие оккупационные войска были изгнаны из Белоруссии. 1 января 1919 г. образовалось Временное правительство Советской Белоруссии под председательством А. Ф. Мясникова.

Упорная борьба развернулась на Украине, где после поражения Германии власть захватили украинские буржуазные националисты, создавшие так называемую Директорию во главе с Петлюрой и Винниченко. Гетман Скоропадский бежал в Германию.

Широковещательными заявлениями о создании якобы независимой «Украинской народной республики», фальшивыми обещаниями передать землю крестьянам, установить рабочий контроль на предприятиях и т. д. петлюровцы на первых порах обманули часть украинских трудящихся. На деле петлюровский режим защищал интересы буржуазии и кулачества. С крестьян взыскивали недоимки и контрибуции за прошлые годы. Петлюровцы разжигали шовинизм, устраивали еврейские погромы. Объявив войну Советской России, они вместе с тем продавали иностранным капиталистам богатства Украины. Нотой от 27 февраля 1919 г. Директория передавала Украину под «покровительство» Франции.

Рабочие и крестьяне Украины поднялись на вооружённую борьбу против петлюровской Директории. В ноябре 1918 г. образовалось временное Украинское Советское правительство, в состав которого вошли К. Е. Ворошилов, Артем (Ф. А. Сергеев), В. П. Затонский и др. На помощь трудовому населению Украины пришла Красная Армия РСФСР. В начале января 1919 г. был создан Украинский фронт под командованием В. А. Антонова-Овсеенко.

Украинские советские дивизии, сформированные в период немецкой оккупации и находившиеся, в частности, в нейтральной зоне между РСФСР и Украиной, начали наступление. В этих боях прославили себя Богунский и Таращанский полки под руководством Н. А. Щорса и В. Н. Боженко. Рабочие встречали красноармейцев «со знамёнами, с хлебом и солью, при восторженных криках «ура!», – сообщал Щорс. В начале января 1919 г. был очищен от петлюровцев Харьков, 5 февраля – Киев. На большей части Украины восстановилась советская власть.

УСИЛЕНИЕ ИНТЕРВЕНЦИИ

К концу 1918 г. Советское государство значительно укрепило свои позиции. Но поражение Германии имело и то последствие, что государства Антанты получили возможность расширить антисоветскую интервенцию за счёт вооружённых сил, ранее занятых войной с Германией. В Мурманск, Архангельск, Владивосток прибыли новые крупные контингенты интервенционистских войск.

В ноябре – декабре 1918 г. военный флот Антанты вторгся в советские воды Балтийского моря. Главным направлением интервенции Антанты, однако, стал теперь юг России. Войска интервентов и материальная помощь белогвардейцам направлялись сюда по наиболее для них удобным и близким коммуникациям – через Чёрное море, доступ в которое открыла капитуляция Турции. Десанты интервентов, главным образом французских, в конце ноября высадились в Одессе, Севастополе, Новороссийске. Белогвардейская «добровольческая» армия, белоказаки, буржуазные националисты Украины, Кавказа и другие контрреволюционеры, действовавшие на юге Советской страны, получили прямую военную поддержку от западных империалистов.

Это был период открытой вооружённой борьбы держав Антанты против Советского государства. Империалисты усилили блокаду, отрезав все пути сообщения России с внешним миром. Они беззастенчиво грабили страну. Сначала через Архангельск, Мурманск, Владивосток, а затем через порты Черноморья они вывозили миллионы пудов ценных грузов – лес, пушнину, золото, лён, кожу, пеньку, зерно, марганцевую руду и т. д. Эти богатства интервенты захватывали путём реквизиций, в качестве «возмещения» за «оккупационные издержки» или же «покупали» на ничего не стоявшие денежные знаки, выпущенные ими самими и белогвардейскими «правительствами». Из одних только северных районов России оккупанты вывезли за границу почти на 1 млрд золотых рублей (по неполным данным) различных товаров.

В захваченных интервентами районах усиливался террор, всё более частыми становились расправы над советскими людьми. «Кровь стынет в жилах, – рассказывал один из дальневосточных партизан, – когда вспоминаешь чёрные дела, совершённые американскими извергами в Советском Приморье. Мне не раз приходилось видеть пепел сожжённых деревень, грабежи и убийства, совершённые американскими захватчиками». Даже командующий американскими интервенционистскими войсками в Сибири генерал Грэвс впоследствии признавал: «Жестокости были такого рода, что они, несомненно, будут вспоминаться и пересказываться среди рус-

ского народа через 50 лет после их совершения». Соединённые Штаты, отмечал он, «снискали себе ненависть со стороны более чем 90 % населения Сибири».

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В КОНЦЕ 1918 – НАЧАЛЕ 1919 ГОДА

В конце 1918 – начале 1919 г. в связи с вторжением войск Антанты на черноморское побережье и активизацией контрреволюции особенно важным стал Южный фронт. Белоказаки в ноябре 1918 г. принудили к отступлению 8-ю и 9-ю армии. Создалась угроза Воронежу, Тамбову, Саратову. В войсках этих двух армий наблюдались многочисленные случаи неустойчивости, недисциплинированности.

Центральный комитет Коммунистической партии принял 26 ноября 1918 г. специальное постановление, в котором указал на серьёзность и опасность положения, создавшегося в результате неудач на Южном фронте. ЦК потребовал, чтобы Красная Армия в ближайшие недели проявила «наивысшую энергию наступления на всех фронтах, прежде всего на Южном». Сюда были переброшены с Востока закалённые в боях дивизии (в том числе Инзенская и Уральская), в Москве, Петрограде и других городах проведена новая партийная мобилизация.

На Южный фронт прибыло более 2500 коммунистов, в том числе видные партийные работники – Р. С. Землячка, В. А. Барышников, В. И. Межлаук и др. Подпольные коммунистические организации, руководимые Донским бюро, усилили свою деятельность в тылу врага. В Ростове-на-Дону к январю 1919 г. действовало 25 подпольных коммунистических ячеек.

Происходившие в декабре 1918 г. напряжённые сражения не дали решающего перевеса ни одной из сторон. В начале 1919 г. советские войска перешли в общее наступление против Краснова. 9-я армия под командованием А. И. Егорова овладела Борисоглебском, Новохоперском и двинулась дальше на юг. Успешно действовали также 8-я и 13-я армии, а затем и 10-я армия, наступавшая от Царицына. После упорных боёв войска Краснова были разбиты, и к марту 1919 г. Красная Армия освободила значительную часть территории Дона.

Гораздо менее благоприятно сложились дела на Северном Кавказе. Находившаяся здесь 11-я (Северокавказская) армия самоотверженно сражалась с белогвардейцами. Героический поход совершила 16-тысячная Таманская армия под командованием Е. И. Ковтюха и И. И. Матвеева, отрезанная от главных советских сил на Северном Кавказе; она разбила крупные части противника и вышла из окру-

жения. Однако военно-техническое превосходство было на стороне врага – деникинской «добровольческой» армии и белоказаков. Советские войска испытывали острый недостаток оружия, боеприпасов, медикаментов. Положение ещё больше ухудшилось вследствие измены командующего 11-й армией – авантюриста Сорокина. 11-я армия была разбита и в январе 1919 г. начала отступление к Астрахани. Идя через пустынные степи суровой зимой, армия претерпела невероятные лишения, потеряла большую часть своего состава. Северный Кавказ оказался в руках белогвардейцев.

Высадившиеся на черноморском побережье войска Антанты собирались развернуть широкое наступление к центру страны. В феврале 1919 г. они насчитывали около 130 тыс. человек. К ним должны были присоединиться многочисленные белогвардейские формирования. Военное командование Антанты координировало действия своих и белогвардейских частей.

Однако интервенты не добились серьёзных успехов. Украинская контрреволюция потерпела поражение; империалистам не удалось здесь сформировать крупную белогвардейскую армию. Интервенты заняли Крым, а также районы, прилегающие к Одессе, Херсону, Николаеву, но продвинуться на север не смогли.

Вскоре партизаны и советские войска перешли в наступление и в боях за Херсон, Николаев, на пути к Одессе нанесли интервентам и петлюровцам ряд жестоких поражений. Под станцией Берёзовка, на подступах к Одессе, советские войска в числе других трофеев захватили французские танки (один из них был доставлен в Москву и выставлен 1 мая 1919 г. на Красной площади).

Тем временем в войсках интервентов усиливались революционные настроения. Революционизированию французских и других иностранных солдат способствовала пропагандистская деятельность подпольных большевистских организаций. При Одесском областном комитете партии была образована Иностранная коллегия, которой руководил присланный Центральным Комитетом испытанный коммунист И. Ф. Смирнов (в подполье – Николай Ласточкин). В одесских каменоломнях подпольщики печатали листовки на французском, английском, греческом, польском языках. Вражеская контрразведка не могла помешать распространению этих листовок. Каждое утро солдаты в казармах, матросы на кораблях читали пламенные слова большевистской правды. Большевики Одессы установили через евпаторийский подпольный центр, возглавлявшийся Д. И. Ульяновым (братом В. И. Ленина), связь с подпольщиками Крыма.

Интервентам удалось арестовать нескольких работников Иностранной коллегии, в том числе И. Ф. Смирнова и коммунистку-француженку Жанну Лябурб. Они были подвергнуты мучительным пыткам и казнены. Но деятельность подпольной большевистской организации не прекратилась. В апреле 1919 г. матросы французской эскадры

на Чёрном море подняли восстание, потребовав прекращения антисоветской интервенции и немедленного возвращения домой. Восставшие моряки, высадившись на берег, братались с русскими рабочими. В результате поражений, понесённых в боях с советскими войсками, и роста революционного движения флот и войска интервентов были в конце апреля 1919 г. спешно отозваны из Крыма и Украины.

В конце 1918 – начале 1919 г. существовавшие в России меньшевистско-эсеровские «правительства» сменил режим открытой белогвардейской диктатуры, как более соответствовавшая целям интервентов и воззрениям контрреволюционеров форма буржуазно-помещичьей власти.

Царский адмирал Колчак 18 ноября 1918 г. произвёл в Омске при поддержке «союзных» представителей переворот и установил военную диктатуру. Вскоре Колчак был объявлен «верховным правителем России». Американский консул в Иркутске, а за ним представители других империалистических держав поспешили заверить Колчака в том, что ему будет оказана полная поддержка. На Северном Кавказе и на Дону разрозненные контрреволюционные силы по прямому указанию Антанты объединились под главенством генерала Деникина. В Архангельске фактическим диктатором стал белогвардейский генерал Миллер.

Глубокой осенью, в конце ноября, крупные силы колчаковцев перешли в наступление на северном участке Восточного фронта. Они намеревались прорваться через Пермь на Вятку и Котлас, чтобы соединиться с архангельской группировкой интервентов и белогвардейцев, а затем совместно наступать на Москву и Петроград. Колчаковские дивизии были хорошо вооружены и снабжены. Всё лето и осень через захваченные интервентами порты Дальнего Востока к белогвардейцам непрерывным потоком поступали военные грузы из Соединённых Штатов, Англии, Франции и других стран. Только за август – ноябрь 1918 г. американские империалисты направили антисоветским силам Сибири 200 тыс. винтовок, свыше 4,5 млн патронов, 220 тыс. снарядов, орудия, пулемёты, обувь и т. д.

Советские войска, сражавшиеся на северном участке Восточного фронта, оказались в весьма тяжёлом положении. 35 тыс. плохо снабжённых и вооружённых бойцов 3-й армии в упорных боях сдерживали натиск противника, нанося ему большие потери. Однако белогвардейцы, используя своё численное и военно-техническое превосходство в силах, заняли Лысьву, Кунгур и в ночь на 25 декабря захватили Пермь – крупный промышленный центр и важный стратегический пункт.

Этот серьёзный успех противника оказался последним. В дни, когда 3-я армия отходила с тяжёлыми боями, другие армии Восточного фронта развернули против Колчака успешное наступление. 2-я армия, действовавшая южнее 3-й армии, переправилась на левый берег

Камы и теснила врага на Кунгурском направлении. На центральном участке Восточного фронта 5-я армия нанесла поражение войскам белогвардейцев и белочехов, значительно продвинулась на восток и 31 декабря, в канун Нового года, вступила в Уфу. В свою очередь дивизии 1-й и 4-й армий быстро продвигались вперёд по занесённым глубоким снегом заволжским степям, отбрасывая в упорных боях многочисленные отряды белоказаков. 22 января 1919 г. был взят Оренбург, а через день – Уральск.

В создавшейся обстановке Колчак не смог послать значительных подкреплений в район Перми. Советская 3-я армия была тем временем усилена и очищена от ненадёжных элементов. Эту работу провели уральские коммунисты с помощью партийно-следственной комиссии в составе Ф. Э. Дзержинского и И. В. Сталина, направленной после падения Перми на Восточный фронт Центральным Комитетом партии и Советом обороны. В январе 1919 г. на Пермском участке Восточного фронта произошёл перелом, продвижение противника было остановлено, и укрепшая 3-я армия вскоре сама перешла к наступательным действиям.

ГОД РЕШАЮЩИХ СРАЖЕНИЙ

1919 год стал годом решающих сражений советского народа за свободу и независимость, за завоевания Великого Октября. К весне 1919 г. на многочисленных фронтах, опоясавших Республику Советов, сосредоточились крупные соединения интервенционистских и белогвардейских войск. На Дальнем Востоке японские и американские интервенты захватили обширные и богатые территории. Интервенты подпирали своими штыками режим Колчака, распространившего свою кровавую власть на Сибирь и Урал.

В Средней Азии бесчинствовали английские интервенционистские отряды генерала Маллесона. В Закавказье империалисты Антанты поддерживали зависимые от них контрреволюционные правительства грузинских меньшевиков, азербайджанских мусаватистов, армянских дашнаков. На Северном Кавказе орудовала «добровольческая» армия Деникина. На западе развернула военные действия против Советской страны буржуазно-помещичья Польша; начав в феврале наступление, белополяки в апреле заняли Барановичи, Лиду и Вильнюс. На северо-западе формировались на американские и английские деньги белогвардейские банды генерала Юденича. На севере, в районах Мурманска и Архангельска, американские и английские интервенты вместе с белогвардейцами готовили вторжение в центральные области Советской России.

Армии интервентов и белогвардейцев насчитывали тогда более миллиона человек. Они были собраны для одновременного удара по советской власти. Это был как бы единый поход, подготовленный и руководимый Антантой. Он получил в дальнейшем название «первого похода Антанты». Такое название, однако, не означает, что до весны 1919 г. Антанта не предпринимала наступления на Советскую страну. Напротив, факты свидетельствуют, что с первых дней Октябрьской революции международный империализм вёл ожесточённую антисоветскую войну, непрерывно расширяя её масштабы. Но весной 1919 г. в борьбу против Республики Советов вступили небывало многочисленные вражеские вооружённые силы, их планы были координированы и представляли собой звенья одной цепи.

Основную силу этого похода составляли армии Колчака. Империалисты возлагали на Колчака наибольшие надежды, так как он располагал огромной территорией, значительными людскими и производственными ресурсами. В январе 1919 г. представители держав Антанты подписали с Колчаком соглашение, по которому он обязался «согласовывать» свои действия с директивами верховного командования Антанты. Французский генерал Жанен был назначен главнокомандующим всеми войсками интервентов в Восточной России и Сибири; ему предоставлялось право «осуществлять общий контроль на фронте и в тылу». Английский генерал Нокс руководил организацией поставок вооружения и обмундирования для армий Колчака.

За 1919 год Соединённые Штаты, Англия, Франция, Япония доставили Колчаку 700 тыс. винтовок, 3650 пулемётов, сотни миллионов патронов, большое количество артиллерии, обмундирование. В результате всесторонней помощи иностранных империалистов войска Колчака превратились в серьёзную силу. Сколоченные из представителей городской буржуазии, кулачества, белого казачества и принудительно мобилизованных крестьян, они насчитывали до 400 тыс. человек.

В начале марта колчаковские армии – Сибирская под командованием генерала Гайды, Западная под командованием генерала Ханжина, Оренбургская и Уральская во главе с атаманами Дутовым и Толстовым – приготовились к наступлению против всего советского Восточного фронта, растянувшегося почти на 2 тыс. км. 4 марта корпус генерала Пепеляева перешёл по льду реку Каму южнее Перми, на стыке 2-й и 3-й советских армий. Затем двинулись другие корпуса и армии колчаковцев. К началу апреля белогвардейцы вышли на линию Бугульма – Белебей – Стерлитамак. Враг рвался к Волге. Передовые части колчаковцев приблизились на расстояние 80–100 км к Казани, Симбирску, Самаре. За время своего наступления колчаковцы захватили территорию в 300 тыс. кв. км с населением свыше 5 млн человек.

РАЗГРОМ ОСНОВНЫХ СИЛ КОЛЧАКА

Огромная работа, проведённая партией и правительством по мобилизации всех сил народа, дала свои результаты. Ко второй половине апреля 1919 г. был подготовлен решительный удар по Колчаку.

Восточный фронт (командующий С. С. Каменев, член Реввоенсовета С. И. Гусев) разделился на две группы – Северную (командующий В. И. Шорин) и Южную (командующий М. В. Фрунзе, член Реввоенсовета В. В. Куйбышев). Южная группа должна была нанести главный удар, а Северная – отбросить Сибирскую армию врага.

В последних числах апреля войска Южной группы в составе четырёх армий перешли в контрнаступление. На степных просторах Заволжья, в предгорьях Южного Урала, под Бугурусламом, Бугульмой, Белебеем, Уфой развернулись ожесточённые сражения. Отборные войска Колчака были разбиты наголову.

Неувядаемую боевую славу заслужила 25-я дивизия, которой командовал легендарный герой В. И. Чапаев; комиссаром дивизии был Д. А. Фурманов. Выполняя роль ударного ядра Южной группы, чапаявская дивизия прошла с победоносными боями путь в 350 км от Бузулука до Уфы. С исключительным мужеством сражались дивизии, которыми командовали В. М. Азин, В. К. Блюхер, бригады И. М. Плясункова, А. М. Чеверева.

В разгар наступления Красной Армии главнокомандующий вооружёнными силами Советской Республики Вацетис и председатель Реввоенсовета Троцкий предложили остановиться перед Уралом на рубеже р. Белой, прекратить преследование колчаковцев и перебросить значительную часть войск на Юг и Запад.

Центральный Комитет Коммунистической партии отклонил этот план, так как нельзя было оставлять в руках врага Урал с его заводами, железнодорожной сетью и позволить Колчаку снова собраться с силами. В. И. Ленин в телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта решительно требовал во что бы то ни стало освободить Урал от белогвардейцев. «Если мы до зимы не завоюем Урала, – писал он, – то я считаю гибель революции неизбежной» (В. И. Ленин, Телеграмма Реввоенсовету Восточного фронта, Соч., т. 35, стр. 330.). ЦК дал директиву – продолжать наступление, отбросить Колчака за Уральский хребет, в сибирские степи. Вместо Вацетиса на пост главкома был назначен С. С. Каменев.

В июне – июле Красная Армия заняла основные центры Урала – Пермь, Екатеринбург, Златоуст. 24 июля 242-й Волжский полк под командованием бывшего кузнеца С. С. Востречева вступил в Челябинск. Врагу не удалось использовать для обороны рубеж Уральских гор. В августе советские войска вышли на р. Тобол.

Красную Армию поддерживало мощное партизанское движение в тылу у Колчака. Под руководством большевиков рабочие и крестьяне Сибири и Дальнего Востока создали многочисленные партизанские соединения, насчитывавшие (по неполным данным) до 150 тыс. человек. Среди сибирских партизан выдвинулись прекрасные организаторы, талантливые командиры – крестьянин-середняк Е. М. Мамонтов, работники уездных советов П. Е. Щетинкин, А. Д. Кравченко, И. В. Громов. Деятельность сибирских партизан направлял Центральный Комитет Коммунистической партии через Уралосибирское бюро ЦК, которое возглавлял Ф. И. Голощекин. Руководителями дальневосточных партизан были С. Г. Лазо, П. П. Постышев и другие видные работники партии.

В результате усиления натиска к осени 1919 г. армии Колчака, потерпев ряд серьёзных поражений, откатились за Урал. Они ещё не были окончательно разбиты, но уже не могли угрожать существованию Советского государства.

ВТОРЖЕНИЕ ИНТЕРВЕНТОВ В СОВЕТСКУЮ ПРИБАЛТИКУ

Составной частью похода Антанты против Советской России явилась интервенция в Прибалтике. На эстонском участке фронта империалисты сформировали большую белогвардейскую армию из финских, русских, эстонских, шведских, датских контрреволюционеров-«добровольцев». В январе 1919 г. находившиеся здесь малочисленные и плохо вооружённые части Красной Армии были вынуждены начать отступление и покинули территорию Эстонии.

Советская власть в Эстонии перестала существовать. Значительные контрреволюционные силы собрались и в Латвии. Соединённые Штаты Америки и Англия отпустили громадные средства на их вооружение, обмундирование, снабжение военными материалами. На эти средства в Курземе из остатков германских оккупационных войск, а также из латышских белогвардейцев, прибалтийских баронов и завербованных в Германии наёмников сформировалась многотысячная армия; командовал ею немецкий генерал фон дер Гольц.

В феврале 1919 г. войска фон дер Гольца заняли Вентспилс и Кулдигу и 3 марта начали общее наступление против Советской Латвии. К концу месяца они овладели большей частью Курземе. Одновременно на Советскую Латвию с севера напали эстонские белогвардейские части. Используя своё превосходство в вооружении и численности, а также опираясь на помощь английской военно-морской эскадры, армия фон дер Гольца в мае прорвала советский фронт. Рига оказа-

лась под угрозой окружения. 22 мая Красная Армия Советской Латвии оставила Ригу и с боями отошла на восток, в Латгалию. Позднее (в январе 1920 г.) белопольским войскам и латвийским белогвардейцам удалось захватить и эти районы.

Литовско-Белорусская Советская Республика подверглась нападению со стороны буржуазно-помещичьей Польши. Часть Литвы заняли немецкие войска. 25 августа 1919 г. под натиском численно и технически превосходящих войск интервентов Красная Армия покинула последний пункт Советской Литвы.

Белогвардейцы и буржуазные националисты, поддержанные империалистами Антанты, установили в Прибалтике режим жестокого террора. Трудящиеся массы были фактически лишены политических прав. Контрреволюционные власти учредили военно-полевые суды, заполнили тюрьмы и концентрационные лагеря политическими заключёнными, пытали и убивали революционеров. В. И. Ленин говорил по этому поводу: «Когда представители английской и американской буржуазии появились в Финляндии, в Эстляндии, они начали душить с наглостью большей, чем русские империалисты, – большей потому, что русские империалисты были представителями старого времени и душить, как следует, не умели, а эти люди душить умеют и душат до конца» [Ленин В. И. VII Всероссийский съезд Советов 5 декабря. Соч. Т. 30, с. 194–195].

ОБОРОНА ПЕТРОГРАДА

В дни, когда Колчак уже начал отступать к Уралу, перешли в наступление против Советской России белогвардейские войска генерала Юденича. В середине мая 1919 г. они прорвали фронт 7-й армии и двинулись на Петроград.

Английский флот в Балтийском море получил приказ оказать помощь Юденичу. Эскадра адмирала Коуэна – 12 крейсеров, 20 эсминцев, 12 подводных лодок, торпедные катера, минные заградители, тральщики и другие вспомогательные суда – вторглась в советские прибрежные воды.

Создававшаяся для Советской Республики опасность усугублялась тем, что в частях 7-й армии, на кораблях Балтийского флота, в Кронштадте, в самом Петрограде свили гнездо иностранные шпионы и заговорщики. В разгар боёв агенты империалистов подняли мятеж на фортах «Красная горка» и «Серая лошадь». В буржуазных кварталах Петрограда бывшие помещики, капиталисты, тысячи белогвардейских офицеров ждали только сигнала к вооружённому выступлению.

17 мая 1919 г. Совет рабочей и крестьянской обороны Советской Республики под председательством В. И. Ленина принял решение

об экстренных мерах по организации защиты Петрограда. В качестве уполномоченного Совета обороны сюда прибыл И. В. Сталин. «Петроград должен быть защищён во что бы то ни стало» – постановил Центральный комитет Коммунистической партии. ЦК партии дал указание о том, чтобы все мобилизованные коммунисты и члены профсоюзов, а также все маршевые роты из Петроградской, Псковской, Новгородской, Тверской, Олонецкой, Северодвинской, Череповецкой и Витебской губерний направлялись только в Петроград. По призыву партии петроградские рабочие послали лучших своих представителей на укрепление фронта, усилили работу на фабриках и заводах. Около 13 тыс. петроградских рабочих, в ускоренном темпе пройдя военное обучение, составили надёжную опору боевых частей 7-й армии.

Бдительность советских органов и народных масс помогла раскрыть и ликвидировать вражеские заговоры. Петроград был объявлен на осадном положении. Ночью 14 июня отряды рабочих и матросов произвели обыски в квартирах буржуазии и обнаружили несколько тысяч винтовок, десятки тысяч патронов, сотни револьверов, гранаты, пулемёты.

Накануне, 13 июня, началось наступление на мятежный форт «Красная горка». Линейные корабли Балтийского флота «Андрей Первозванный» и «Петропавловск» открыли огонь по форту. Вслед за тем началась атака с суши. В ночь на 16 июня части Красной Армии, сломив сопротивление мятежников, заняли «Красную горку». Через несколько часов сдался и другой мятежный форт – «Серая лошадь».

Героический Балтийский флот сыграл огромную роль в обороне Петрограда. В нескольких ожесточённых схватках корабли Балтийского флота нанесли чувствительные удары английским военно-морским силам: эскадренный миноносец «Гавриил» обратил в бегство четыре английских миноносца, подводная лодка «Пантера» потопила английский эскадренный миноносец «Виттория»; с честью несли боевую вахту на морских подступах к Петрограду легендарный крейсер «Аврора» и другие суда.

Благодаря мужеству и самоотверженности матросов, солдат и рабочих положение на фронте коренным образом изменилось. Во второй половине июня Красная Армия перешла в наступление. Отряды Юденича были разбиты и отброшены к Эстонии. Планы Антанты оказались сорванными.

НАЧАЛО НОВОГО ПОХОДА АНТАНТЫ

Таким образом, к середине 1919 г. Советское государство одержало крупную победу над ударными силами интервентов и белогвардейцев – над войсками Колчака и Юденича. Но враг ещё не был сломлен. В. И. Ленин в «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы

над Колчаком» указывал, что нужно по-прежнему неустанно крепить Красную Армию, создавать большие государственные запасы хлеба, соблюдать строжайший революционный порядок, бороться с меньшевиками и эсерами – прямыми пособниками белогвардейщины, всемерно поддерживать и укреплять советскую рабоче-крестьянскую власть. «Беспощадная борьба капиталу и союз трудящихся, союз крестьян с рабочим классом – вот последний и самый важный урок колчаковщины» [Ленин В. И. Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком. Соч. Т. 29, с. 518].

Во второй половине года правящие круги Англии, Франции и Соединённых Штатов организовали новое широкое наступление антисоветских сил, известное под названием «второго похода Антанты». По существу, между «первым» и «вторым» походами не было никакого промежутка; грань между ними (как и их наименование) носит условный характер. Это был единый вражеский натиск, осуществлявшийся по общему, разработанному Антантой плану. Различие состояло главным образом в том, что во время «первого похода» интервенты и белогвардейцы наносили основной удар с востока, а во время «второго похода» – с юга. Кроме того, весной 1919 г. руководители Антанты изменили внешние формы интервенции.

Непосредственно после поражения Германии Антанта проводила открытую интервенцию, посылая в Советскую Россию свои собственные войска. Но такая открытая война привела политику империалистов на край катастрофы. Войска Антанты потерпели военные поражения от Красной Армии и советских партизан на Севере, Дальнем Востоке, Украине, в Средней Азии. Трудящиеся капиталистических стран выступили с решительными требованиями: «Прекратить интервенцию!», «Руки прочь от Советской России!» Вспыхнули восстания среди французских моряков, английских и американских солдат. В итоге оказалось, что иностранные войска неспособны вести борьбу против революционной Советской России. «Мы, – говорил В. И. Ленин, – у неё (Антанты. – *Ред.*) отняли её солдат. Мы на её бесконечное военное и техническое превосходство ответили тем, что отняли это превосходство солидарностью трудящихся против империалистических правительств» [Ленин В. И. VII Всероссийский съезд Советов 5–9 декабря 1919 г. Доклад ВЦИК и Совнаркома 5 декабря. Соч. Т. 30, с. 189].

Всё это привело к тому, что в 1919 г. Антанте пришлось убрать свои крупные воинские части из Советской России (за исключением интервенционистских войск на Дальнем Востоке) и перейти к методам скрытой, замаскированной интервенции, сделав главную ставку на войска белогвардейцев и некоторых пограничных с Россией малых государств. Эти войска вооружались и снабжались Антантой, их действия координировались и направлялись её представителями. Так, изменив лишь формы интервенции, международный империализм продолжал антисоветскую войну.

Новый поход Антанты, как и предшествующий, был комбинированным. Враг осадил Советскую Республику со всех сторон. Войска Юденича готовили новый удар по колыбели пролетарской революции – Петрограду. На западе боевые действия против советских войск вели белополяки, в Сибири – армии Колчака. Но главная роль отводилась южному направлению. Империалистические державы возлагали основные надежды на деникинскую армию, которую У. Черчилль цинично называл «моя армия». За короткий срок Деникин получил от империалистов огромное количество орудий, танков, винтовок, патронов, снарядов, обмундирования. Несколько сот английских офицеров действовали в армии Деникина в качестве инструкторов. В боях под Царицыном и Чёрным Яром участвовала 47-я эскадрилья английских военно-воздушных сил. При штабе Деникина находилась американская миссия во главе с адмиралом Мак-Келли.

К лету 1919 г. деникинцы захватили районы Кубани, Терека, Дона, Крым и часть Левобережной Украины. Шла борьба за Донбасс. От Днепра до Волги простирался деникинский фронт, день за днём продвигавшийся к северу. 3 июля Деникин провозгласил «московскую директиву», в которой поставил задачу захвата Москвы. В центре фронта в направлении Харьков – Курск – Орёл – Тула – Москва наступали отборные части Деникина – «добровольческая» армия.

Её дивизии состояли в значительной степени из контрреволюционного офицерства, хорошо вооружённого и обученного. Это основное ядро деникинских войск представляло собой серьёзную силу.

В середине октября деникинцы заняли Орёл и вступили в Тульскую губернию. Угроза нависла над столицей Советского государства – Москвой. Это было самое опасное из всех наступлений, предпринимавшихся против молодой Советской Республики. Опасность заключалась, прежде всего, в том, что под непосредственным ударом врага оказалась Центральная Россия с её пролетарскими центрами, являвшимися базой революции.

РАЗГРОМ ДЕНИКИНА

Но на решающем, Южном фронте, где полчища Деникина наступали на Москву, опасность по-прежнему была велика.

ЦК партии направил туда основную часть мобилизованных коммунистов, в том числе ряд руководящих работников; были также посланы новые отряды рабочих. В конце сентября и первой половине октября фронт получил почти 50 тыс. человек пополнения. Они влились в ряды южных армий, значительно повысив их боеспособность.

Было укреплено руководство Южным фронтом: командующим фронтом стал А. И. Егоров, членом Реввоенсовета фронта – И. В. Ста-

лин, членом Реввоенсовета 14-й армии – Г. К. Орджоникидзе, членами Реввоенсовета образованной в это время 1-й Конной армии (командующий С. М. Будённый) – К. Е. Ворошилов и Е. А. Щаденко. Во главе политических отделов были поставлены Р. С. Землячка, В. П. Потёмкин и другие видные партийные работники.

Для борьбы с «добровольческой» армией Деникина была создана особая ударная группа в составе Латышской дивизии, конной бригады Червоного казачества и некоторых других частей. Латышскую дивизию, зарекомендовавшую себя с самой лучшей стороны во многих боях, перебросили на Южный фронт по личному указанию В. И. Ленина.

Новая обстановка, сложившаяся на фронте, потребовала изменения направления главного удара. Летом 1919 г. советское командование намеревалось вести наступление на районы Дона и Кубани, являвшиеся основными опорными базами Деникина. Однако быстрое продвижение «добровольческих» дивизий на Тулу и Москву меняло положение. Удар в направлении Дона и Кубани не ликвидировал бы опасность, угрожающую Москве. Поэтому с октября 1919 г. центр тяжести в плане боевых действий Красной Армии переместился в район Орла – Воронежа, с последующим движением через Харьков, Донбасс на Ростов. Это направление главного удара было определено в результате ряда совещаний в Центральном Комитете партии, проведённых под руководством и при непосредственном участии В. И. Ленина.

В середине октября 1919 г. Красная Армия перешла в контрнаступление на 300-километровом фронте от Орла до Воронежа. В районе Орёл – Кромы части ударной группы завязали упорные бои с отборными дивизиями деникинцев. Враг сопротивлялся с отчаянием обречённого. Два раза переходил из рук в руки г. Новосиль. Трижды врывалась в Кромы Дроздовская дивизия противника. Но ничто не могло сдержать наступательного порыва советских бойцов. Войска ударной группы в жестоких боях разбили «добровольческие» полки генерала Кутепова. Конники Будённого разгромили под Воронежем войска генералов Шкуро и Мамонтова и 24 октября с помощью воронежских рабочих, руководимых подпольной коммунистической организацией, штурмом взяли город. Затем будённовцы форсировали Дон и нанесли новое поражение Шкуро, отбросив его к Касторной. В середине ноября войска Южного фронта, ведя тяжёлые бои с ещё не сломленным противником, подошли к Курску. Поскольку Главное командование недооценивало важность наращивания удара на Курско-Харьковском направлении, Политбюро ЦК РКП(б) дало 14 ноября 1919 г. директиву о необходимости быстрее освобождения Курска и наступления на Харьков, Донбасс.

17 ноября Красная Армия вступила в Курск. Затем советские войска, используя развитую железнодорожную сеть, повели наступление через промышленные районы Харькова и Донбасса, где получили активную поддержку от рабочего населения.

Преследуя отступающего врага, Красная Армия освободила Донбасс, в январе 1920 г. вышла к побережью Азовского моря, взяла Ростов и вступила на территорию Северного Кавказа. Деникинские войска потерпели полный разгром. Уцелевшие части были прижаты в районе Новороссийска к морю и взяты в плен. Деникин, сложив с себя командование, бежал на английском миноносце из пределов России. Лишь незначительной части деникинцев удалось отступить в Крым.

Освободив весь Северный Кавказ, советские войска подошли к границам Закавказья. Воодушевлённые успехами Красной Армии бакинские рабочие под руководством Коммунистической партии 28 апреля 1920 г. свергли правительство буржуазных националистов и восстановили в Азербайджане советскую власть. Военно-революционный комитет независимой Азербайджанской Республики обратился к В. И. Ленину с просьбой оказать помощь путём присылки отрядов Красной Армии.

В борьбе с деникинщиной огромное значение имело партизанское движение в тылу врага. Проводимая Деникиным политика восстановления господства помещиков и капиталистов и угнетения нерусских народов России вызвала ненависть в широких массах населения. Под руководством Коммунистической партии рабочие, трудящиеся крестьяне поднимали вооружённые восстания, для подавления которых белогвардейцы были вынуждены посылать большие вооружённые силы. Волна восстаний прокатилась по Кубани, Дону, Северному Кавказу. Крупные партизанские отряды действовали на Херсонщине, Харьковщине, в Донбассе. Партизанским движением на Украине руководил Центральный Комитет Коммунистической партии Украины через специально созданную для подпольной работы в тылу врага организацию – Зафронтное бюро, возглавлявшееся С. В. Косиором.

ПОБЕДЫ КРАСНОЙ АРМИИ НА ДРУГИХ ФРОНТАХ

Во время решающих боёв на Южном фронте империалисты организовали новое нападение Юденича на Петроград. В середине октября 1919 г. белогвардейские войска прорвались к предместьям города. 21 октября утренние выпуски заграничных буржуазных газет поместили сообщение о взятии Петрограда Юденичем. Но 21 октября явилось не днём падения красного Питера, а началом победоносного для советской власти Пулковского сражения.

В. И. Ленин потребовал удержать Петроград во что бы то ни стало. Политбюро Центрального комитета партии приняло 15 октября решение: «Петрограда не сдавать». На помощь Петрограду прибыли подкрепления. Большинство коммунистов города ушло на фронт. В ряды защитников вступили и все комсомольцы старше 16 лет. В войсках было около 3 тыс. женщин – связисток, пулемётчиц, санитарок.

В ожесточённом бою у Пулковских высот, последнего естественного рубежа на южных окраинах Петрограда, советские воины разбили и отбросили врага. Затем, продолжая преследование, Красная Армия в декабре 1919 г. полностью разгромила армию Юденича. Остатки его войск бежали в Эстонию и прекратили своё существование в качестве организованной боеспособной силы.

Красная Армия одержала большие победы и в Сибири. В крупном сражении на р. Тоболе осенью 1919 г. колчаковские армии были разбиты и стали отступать к Омску. 14 ноября «столица» Колчака была взята, а 6 января 1920 г. под Красноярском попала в плен большая часть его армии. Колчак был арестован и в феврале 1920 г. расстрелян по приговору Иркутского Военно-революционного комитета. В феврале были разгромлены также банды атамана Калмыкова. В течение февраля и начале марта в результате восстания рабочих, поддержанных партизанами, был освобождён от белогвардейцев весь Дальний Восток, за исключением Забайкалья, где при поддержке японских интервентов сосредоточились каппелевцы (остатки колчаковских армий под командованием Каппеля) и банды атамана Семёнова.

К апрелю 1920 г. из Сибири и с Дальнего Востока эвакуировались американские и другие иностранные войска, за исключением все ещё остававшихся здесь значительных сил японских интервентов. Продвижение Красной Армии на восток могло привести к широким военным действиям против них. Стремясь к мирному урегулированию вопроса, советское правительство решило временно остановить Красную Армию на рубеже озера Байкал.

Власть во Владивостоке, Верхнеудинске и других освобождённых центрах перешла к земской областной управе, в которой руководящую роль играли коммунисты. В начале апреля в Верхнеудинске на съезде трудящихся и партизан Прибайкалья было создано демократическое государственное образование – Дальневосточная Республика. Не являясь советской по форме, эта республика по существу проводила советскую политику, защищала интересы трудящихся, боролась за обеспечение мирной передышки на Дальнем Востоке. Перед Дальневосточной Республикой была поставлена задача ослабить нажим японских империалистов и играть роль буфера на границе Советской России.

В начале 1920 г. было завершено освобождение Советского Севера. В феврале части 6-й армии вместе с партизанами вступили в Архангельск. Восставшие рабочие изгнали белогвардейцев также из Мурманска. Главарь контрреволюции на Севере генерал Миллер бежал на ледоколе за границу.

В Средней Азии Красная Армия в феврале 1920 г. овладела всей территорией Закаспия, а в начале апреля завершила ликвидацию белоказачьих банд атамана Анненкова в Семиречье.

Разгром Деникина и Юденича, ликвидация колчаковщины, успехи Красной Армии на других фронтах – всё это означало полное крушение

нового натиска Антанты. Подводя итоги второго года существования Советской власти, В. И. Ленин говорил, что «второй год будет назван годом нашествия англо-американского империализма и победы над этим нашествием...» [Ленин В. И. Два года советской власти. Речь на соединённом заседании ВЦИК, Московского Совета Р. и Кр. Д., ВЦСПС и фабрично-заводских комитетов, посвящённом двухлетней годовщине Октябрьской революции, 7 ноября 1919 г. Соч. Т. 30, с. 107].

Заметно укреплялось международное положение Советского государства. Потерпели крах надежды правящих кругов Англии, Франции, Соединённых Штатов на вовлечение в антисоветскую войну всех пограничных с Советской Россией малых стран. Несмотря на то что империалисты пустили в ход всевозможные способы давления, большинство пограничных государств отказалось открыто участвовать в вооружённой антисоветской интервенции. Народы этих стран видели, что победа Антанты и российской контрреволюции несёт им гнёт, порабощение, а Советское государство борется не только за свою свободу и независимость, но также за всеобщий мир и международное сотрудничество. Даже буржуазные правительства прибалтийских государств сознавали, какую опасность таит в себе победа белогвардейцев, провозгласивших лозунг «единой, неделимой России», и поэтому с каждым новым успехом Красной Армии всё больше склонялись к заключению мира с Советской Россией.

Первой из прибалтийских стран вступила на этот путь Эстония, подписавшая 2 февраля 1920 г. в Юрьеве (Тарту) мирный договор с РСФСР. Вслед за тем начали мирные переговоры с Советской Россией Латвия, Литва и несколько позже Финляндия.

«Если малые народности, являющиеся игрушками в руках Антанты, начинают тяготеть к миру с Советской Россией, то это объясняется тем, что мы доказали на деле, как обманули их империалисты и как радушно протягивает им руку мира русский пролетариат», – говорил В. И. Ленин [Ленин В. И. Речь на конференции железнодорожников Московского узла 5 февраля 1920 г. Соч. Т. 30, с. 320].

По отношению к пограничным странам Востока Советское государство с первых дней своего существования проводило дружественную политику, неуклонно следуя ленинским принципам поддержки национально-освободительной борьбы угнетённых народов. В 1919 г. Советская Россия установила дружественные отношения с Афганистаном, поднявшимся на освободительную войну против английских империалистов. Тогда же советское правительство в обращении к китайскому народу и к правительствам Южного и Северного Китая заявило об отказе от завоеваний, сделанных царизмом в Китае, от получения контрибуций, от всяких привилегий. В 1920 г. завязались первые связи между советским правительством и представителями кемалистов (турецких националистов), возглавивших национально-освободительную борьбу турецкого народа против империалистов

и султана. В том же году начались переговоры о заключении советско-иранского договора. Народы Востока с энтузиазмом приветствовали Советскую Россию, видя в ней своего защитника.

Поражения белогвардейских войск, укрепление Советской власти внутри страны и рост её авторитета за рубежом, возмущение рабочих капиталистических стран антисоветской войной, сближение между Советской Россией и борющимися против империалистического гнёта странами Востока – всё это заставляло империалистов идти на новые политические манёвры. В январе 1920 г. Англия, Франция и Италия объявили о своём решении прекратить блокаду Советской России. Это ещё не было отказом от интервенционистских планов. Империалисты упорно отвергали советские мирные предложения, разрабатывали планы нового похода против Страны Советов. Но отмена блокады всё же имела большое значение. Она облегчила связи Советской России с внешним миром и явилась ещё одним свидетельством банкротства антисоветской политики держав Антанты.

ЛИКВИДАЦИЯ ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ И ОКОНЧАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Завоёванная Советской Республикой в начале 1920 г. мирная передышка продолжалась всего три месяца. Весной того же года международный империализм организовал новое наступление против Советской России. В качестве основных сил этого похода интервенты решили использовать, во-первых, Польшу, находившуюся тогда под господством буржуазно-помещичьей клики, и, во-вторых, остатки денкинской армии, собранные в Крыму «чёрным бароном» – генералом Врангелем.

Империалисты Антанты обильно снабдили Польшу оружием, обмундированием, деньгами, прислали своих военных инструкторов. Решающую роль в оперативном руководстве польских войск играла французская военная миссия. Соединённые Штаты Америки предоставили польскому правительству заём, передали из своих запасов, оставшихся в Европе после Первой мировой войны, более 200 броневиков и танков, 3 млн комплектов обмундирования, 4 млн пар солдатской обуви, пулемёты, самолёты и большое количество других военных материалов; американские корабли перевозили эти материалы в Гданьск (Данциг).

Советское правительство, верное своей миролюбивой политике, неоднократно заявляло, что оно безоговорочно признаёт суверенитет Польской Республики и стремится к установлению мирных и дружественных отношений между народами Польши и Советской России. Предлагая начать мирные переговоры, Советское государство шло на ряд уступок в территориальных вопросах. Но правящие

круги Польши и глава государства Пилсудский заносчиво отвергали эти предложения, рассчитывая реализовать широкие захватнические планы. Миролобие Советского государства они принимали за проявление слабости. Им казалось, что Республика Советов настолько разорена и истощена борьбой с интервенцией и контрреволюцией, что не сможет оказать серьёзного отпора.

25 апреля 1920 г. белопольские войска вторглись на территорию Украины. Им удалось значительно продвинуться по советской земле. 6 мая они захватили Киев. Спустя несколько недель, в июне, перешёл в наступление и Врангель, угрожая районам Южной Украины, Дона, Донбасса и Кубани.

Армия Врангеля ещё в большей степени, чем армии Колчака, Деникина и Юденича, была снабжена и организована англо-франко-американскими империалистами. Она получила от интервентов обмундирование, орудия, винтовки, танки. Флот интервентов обслуживал врангелевцев с моря. Военно-дипломатические представители Соединённых Штатов, Франции и других империалистических государств фактически руководили действиями белогвардейских войск.

Ещё 28 апреля 1920 г. Центральный Комитет партии утвердил разработанный Главным командованием план боевых действий. Нанесение основного удара возлагалось на Западный фронт в Белоруссии, а Юго-Западный фронт на Украине должен был осуществить вспомогательный удар в направлении Ровно – Брест.

Во исполнение этого плана первыми выступили против белополяков в середине мая советские войска Западного фронта (командующий фронтом М. Н. Тухачевский, член Реввоенсовета И. С. Уншлихт). Это наступление не увенчалось успехом, но Западный фронт сковал значительные силы противника, что облегчило задачу советских войск Юго-Западного фронта (командующий фронтом А. И. Егоров, член Реввоенсовета И. В. Сталин). 5 июня 1-я Конная армия (командующий С. М. Будённый, член Реввоенсовета К. Е. Ворошилов) прорвала фронт противника и стала быстро продвигаться в западном направлении. В наступление пошли и остальные войска Юго-Западного фронта. Они освободили 12 июня от белополяков Киев и двинулись дальше на запад. Все три находившиеся на Украине белопольские армии – вторая, третья и шестая – поспешно отступали. В середине августа 1-я Конная армия подошла к главному городу Западной Украины – Львову.

4 июля возобновили наступление войска Западного фронта. Нанеся белопольским армиям серьёзные поражения, они заняли Минск и другие города Белоруссии.

Красная Армия приближалась к Варшаве, завязались бои на Висле. Польская буржуазно-помещичья клика стояла на грани полного разгрома.

Победы Красной Армии вызвали смятение в лагере империалистов. Антанта рассматривала польскую контрреволюцию как важнейшую

ударную силу в антисоветской борьбе. Поражения белопольских войск были поражениями самой Антанты. «...Война с Польшей, – говорил В. И. Ленин, – оказалась более непосредственной войной против Антанты, чем предыдущие войны» [Ленин В. И. Речь на съезде рабочих и служащих кожевенного производства 2 октября 1920 г. Соч. Т. 31, с. 280].

Министр иностранных дел Англии Керзон направил Советскому правительству ноту, требуя остановить наступление Красной Армии. При этом он предложил линию советско-польской границы, примерно соответствовавшую этнографической границе Польши и проходившую западнее той линии, которую советское правительство намечало в своих мирных предложениях до начала войны. Советское правительство дало согласие на перемирие с Польшей, но, как выяснилось, Антанта и польские правящие круги хотели лишь выиграть время, чтобы подготовить контрнаступления. С лихорадочной поспешностью западные империалисты перебрасывали оружие и боеприпасы для польской армии. Империалистическая и националистическая пропаганда разжигала в Польше шовинистические настроения.

В развернувшемся в августе 1920 г. сражении на Висле советские войска потерпели поражение и вынуждены были отступить. Но контрнаступление белопольских войск продолжалось недолго. Советские армии остановили противника.

Английские, французские, американские империалисты в этот период прилагали все старания к тому, чтобы заставить Польшу продолжать войну. В начале августа государственный секретарь Соединённых Штатов Колби сделал пространное заявление об американской политике по отношению к Советской России. Нота Колби, содержащая грубые клеветнические выпады, свидетельствовала о непримиримой враждебности американских империалистов к Республике Советов. Американские империалисты давали понять правящей верхушке Польши, что продолжение антисоветской авантюры встретит полную поддержку с их стороны. Требуя, по существу, реставрации капиталистического строя в России, правящие круги Соединённых Штатов пытались снова консолидировать антисоветские силы во всех странах, сорвать намечавшийся переход к миру.

Однако Польша не имела сил для продолжения войны. Активная борьба рабочего класса Англии и Франции против интервенции не позволяла правящим кругам этих стран оказать Польше прямую военную поддержку. Польскому правительству пришлось пойти на мирные переговоры с Советской страной.

В октябре 1920 г. в Риге был заключён предварительный мирный договор между Советскими республиками (РСФСР и УССР) и Польшей. Польша была вынуждена отказаться от многих своих захватнических претензий, но ей всё же удалось удержать за собой Западную Украину и Западную Белоруссию.

ГОЛУБ П. А.

ИНТЕРВЕНЦИЯ И БЕЛЫЙ ТЕРРОР НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Кто и как готовил интервенцию

Уже через месяц после победы Октябрьского вооружённого восстания в Петрограде правительства стран Антанты приняли решение о военной интервенции против Советской России. Они торопились загасить факел вспыхнувшей великой народной революции, которая в условиях всё ещё продолжавшейся Первой мировой войны и вызванного ею глубочайшего кризиса могла вдохновить измученные народы Европы и всего мира на «последний и решительный бой» против бесчеловечного всевластия капитала. И время показало, что стратеги Антанты не ошиблись в своих опасениях. Революция в России стала для них величайшим раздражителем, и ей спешили уготовить кровавый финал Парижской коммуны.

10(23) декабря 1917 года было заключено известное англо-французское соглашение о подготовке вооружённого вторжения в Советскую Россию. При этом её территорию заранее разделили на так называемые зоны действия, то есть на своеобразные протектораты по старому колониальному образцу. В «зону действия» Франции отходили Украина, Крым и Бессарабия. Великобритании достались Дон, Кавказ, Средняя Азия, а затем Север России. Сибирь, Дальний Восток стали «сферой жизненных интересов» США и Японии. План раздела России, по свидетельству генерала А. И. Деникина, соблюдался интервентами на протяжении всей Гражданской войны. В случае их победы Россия перестала бы существовать как одна из крупнейших мировых держав, будучи расчленена на ряд мелких вассальных образований.

Всю первую половину 1918 года в правительственных кабинетах и военных штабах Парижа, Лондона и Вашингтона шёл лихорадочный поиск реальных путей осуществления интервенции. На западном фронте в это же время шли тяжёлые, кровопролитные бои против армий австро-германской коалиции, исход которых был ещё непредсказуем. Главные военные силы стран Антанты были прикованы к этому фронту, и отвлечение какой-то части их для вторжения в Россию представлялось делом рискованным.

Был найден традиционный для Запада выход – воевать в основном чужими руками. С этой целью Верховный военный совет в Версале, который возглавляли главы правительств: Франции – Ж. Клемансо, Великобритании – Д. Ллойд Джордж, Италии – В. Орландо, представители от президента США – генерал Т. Блисс, от премьера Японии – граф Мацуи, 2 мая 1918 года принимает решение использовать находившийся в России 50-тысячный Чехословацкий корпус, с февраля 1918 года перешедший в подчинение Франции. Этому «троянскому коню» Антанта поручала свергнуть советскую власть на востоке России, от Волги до Тихого океана, и открыть доступ войскам интервентов со стороны Приморья. Руководство Чехословацкого корпуса во главе с Т. Масариком послушно исполняло всё в обмен на обещание лидеров Антанты после окончания войны предоставить Чехословакии государственную самостоятельность.

Авторы плана интервенции рассчитывали и на силы внутренней российской контрреволюции, которую представляли такие подпольные организации, как «Национальный центр», руководимый кадетами (Н. Н. Щепкин, Н. И. Астров и др.), «Союз возрождения России», в котором верховодили народные социалисты Н. В. Чайковский, С. П. Мельгунов и В. А. Мякотин, и «Союз защиты родины и свободы», предводительствуемый эсером Б. В. Савинковым. Имея филиалы в ряде городов, эти организации занялись формированием нелегальных офицерских дружин, их финансированием и вооружением, переправкой в предполагаемые места антисоветских мятежей. Так, по признанию Савинкова, его «Союз» в конце мая 1918-го имел отделения в 34 провинциальных городах и насчитывал в своих формированиях до 5500 человек [см.: Савинков Б. В. Борьба с большевиками. Варшава. 1920. С. 26]. О том, чем занимался «Союз возрождения России», писал Мельгунов: «Его («Союза») задача была переправлять силы главным образом на восток, где ожидали десант (союзников. – П.Г.), и в связи с этим началась организационная работа и [она] требовала расходов... Но «Союз возрождения» отправлял и на юг тех, которые желали уехать в Добровольческую армию. Это была одна из главных функций военной комиссии – проконтролировать лицо, снабдить деньгами, добыть документы, дать связи. Контроль не только с точки зрения добросовестности, но и политической – с точки зрения ориентации – это была конспиративная работа» [Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Париж. 1964. Вып. 2. Ч. 3. С. 20].

Однако руководители антисоветского подполья трезво оценивали слабость своих сил и потому единодушно высказались за помощь войск вчерашних союзников. Чем это могло обернуться для России, они, разумеется, сознавали. «Это, конечно, предвидели, – цинично признавался Мельгунов, – но выхода иного не было» [Мельгунов С. П. Н. В. Чайковский в годы Гражданской войны. Париж. 1929. С. 52]. На предательство национальных интересов во имя возвра-

щения к власти шли сознательно. Представители «Национального центра» и «Союза возрождения России» (совместно) и савинковцы (сепаратно) обивали пороги дипломатических и военных миссий союзников, агитируя за скорейшее начало союзнической интервенции. «Сперва, пока послы союзников находились ещё в Москве, – свидетельствовал глава «Союза возрождения России» Мякотин, – такие сношения велись через французского посла Нуланса, позже, когда послы уехали в Вологду, – через французского же консула Гренара» [журн. «На чужой стороне». Берлин. 1923. № 2. С. 188].

Визитёров из подполья в союзных миссиях принимали с распротёртыми объятиями и на обещания не скупилась. Как признавал Мякотин, союзникам был представлен план совместных действий. «Согласно этому плану, – вспоминал он, – предполагалось в определённый, заранее избранный момент перебросить все силы этих организаций (речь идёт о подпольных офицерских организациях. – П.Г.) в район, близкий к тому месту, где союзники могли бы высадить свои войска, и тогда поднять в этом районе восстание, провозгласить новую власть и начать набор армии, которая могла бы действовать совместно с союзниками» [там же. С. 192]. Как видим, внутренняя контрреволюция безоговорочно брала на себя роль «пятой колонны», действующей в России в пользу войск интервентов.

Разумеется, этот план представители Антанты приняли «на ура». «Соглашение с союзниками, – пишет Мельгунов, – было зафиксировано той вербальной нотой, которая была сделана в июне от имени Гренара «Союзу возрождения». Она была вручена одним из представителей французской миссии на квартире Титова... (один из руководителей «Союза». – П.Г.) Мы были уверены, что последует более или менее мощный десант, около которого могут сгрудиться русские силы...» [Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники... Вып. 2. Ч. 3. С. 17]. Обе стороны, как говорится, ударили по рукам. Дьявольский альянс, обещавший гражданам России море крови, страданий и слез, состоялся.

Тем временем Верховный военный совет в Версале упорно искал пути проникновения в Россию для высадки там десанта, вокруг которого могли бы «сгрудиться русские силы». Такую лазейку отыскивали на Севере России с его крупными портами – незамерзающим Мурманском и Архангельском. Сюда пролегал сравнительно короткий путь для судов англо-франко-американской коалиции. Здесь предполагалось высадить союзный десант и создать главную базу снабжения всем необходимым антисоветских сил. Отсюда в будущем планировалось соединиться с «белыми» режимами на востоке России, устанавливать которые, опять же по приказу из Версаля, уже начал мятежный Чехословацкий корпус. Вместе с тем генералы Антанты лелеяли мечту совершить с северного плацдарма блицкриг на Петроград, благо путь до него казался новоявленным Мальбрукам очень коротким и лёгким.

При выборе места «пробы сил» в Версале учитывали окраинное положение Севера, слабость его революционных сил, позднее установление здесь Советской власти, немногочисленность местных отрядов Красной Армии и другие обстоятельства.

В результате учёта этих факторов Верховный военный совет в Версале 3 июня 1918 года принимает коллективную ноту № 31 – детальный план интервенции на Севере России. Нота получила примечательное название «Союзническая интервенция в русские союзные порты» (имелись в виду Мурманск и Архангельск. – П.Г.). В документе указывалось, что «и наземные и морские коммуникации, заканчивающиеся в Мурманске и Архангельске, являются единственными путями, которые остались союзникам для проникновения вглубь России». С какой целью? «С целью следить за её политическим развитием, поддерживать связь с различными национальностями (?) и препятствовать германскому влиянию». Отцы интервенции признавали также, что захват северных портов России «защитит фланги союзных армий, которые со временем смогут действовать в Сибири, обеспечит и упростит связь с ними». Как видим, уже в недалёкой перспективе им виделась оккупация Сибири. Из ноты также следовало, что организаторы интервенции очень спешили с её началом, опасаясь, что Германия при поддержке её союзницы Финляндии может опередить англо-франко-американскую коалицию в захвате северных портов России, создать в Мурманске свою базу подводных лодок и сделать путь к Архангельску «недоступным для Антанты».

Помимо использования местных белогвардейских формирований, авторы ноты рассчитывали привлечь примерно половину (около 20 тыс.) легионеров Чехословацкого корпуса, о переброске которых на Север уже велись интенсивные переговоры. В ноте указывалось: «Для сведения к минимуму необходимого количества войск (английских, французских и американских. – П.Г.) следует просить Национальный чехословацкий совет оставить в данных районах, на тот срок, какой потребуется, несколько чешских частей, с той договорённостью, что останется лишь минимальное их количество, а остальных, как и было условлено, отправят во Францию». Оговорка насчёт отправки во Францию была лишь маскировкой, призванной умиротворить чехословацких солдат, требовавших скорейшей отправки их на Западный фронт, поближе к дому. Правда, переброска одной из дивизий корпуса на Север не состоялась. Версальские стратеги употребили корпус в ином месте и для других целей. Но о намерении воевать чужими руками заявили весьма откровенно. Они рассчитывали задействовать только 4–6 батальонов своих войск, а пришлось направить крупную оккупационную армию численностью более 42 тыс. человек, в том числе почти 29 тыс. англичан и более 13 тыс. американцев, французов и прочих союзных войск [см.: Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами её участников.

Архангельск. 1997. Приложение документов. С. 465]. В итоге в ноте № 31 делался главный вывод: «Союзниками должны быть предприняты усилия по овладению, во-первых, портом Мурманск, во-вторых (если возможно, одновременно), портом Архангельск» [там же. С. 444]. Итак, вопрос об интервенции на Севере России был решён. При знакомстве с этим документом поражает цинизм, с каким якобы демократические режимы Запада присваивали себе право распоряжаться в чужой стране, как у себя дома. Они демонстративно игнорировали тот факт, что Советская Россия – суверенное государство, что во главе его стоит правительство, избранное на самом представительном форуме страны – Втором Всероссийском съезде Советов. С волей огромного большинства народа России они считаться не желали. Советское правительство заявит ряд решительных протестов против разворачивавшейся, ничем не спровоцированной интервенции стран Антанты. Но её организаторы ответят высокомерным молчанием и по-бандитски, без объявления войны, будут наращивать её масштабы. И в то же время будут обвинять советскую власть в тоталитаризме, терроризме и прочих грехах. Невольно напрашивается аналогия: нынешняя «Антанта» в лице агрессивного блока НАТО продолжает и умножает те же разбойничьи традиции, ибо природа империализма остаётся неизменной. И «сферу их жизненных интересов» продолжают представлять ими же расчленённая бывшая Югославия, Ирак, Иран, ряд других государств.

План вторжения на Север, принятый в Версале, позже детализирует главнокомандующий войсками союзников в этом районе английский генерал Э. Айронсайд. Когда интервенция была уже в самом разгаре, в интервью корреспондентам в захваченном Архангельске (июнь 1919 г.) он с солдатской прямоотой заявит: «План этот очень простой и сводится к тому, чтобы использовать летнее время для перенесения базы русской национальной армии из Сибири в Архангельск». Владивосток в этом отношении представлял для союзников, из-за огромной удалённости от Западной Европы, чрезвычайные неудобства. «Из Англии в Архангельск, – заявлял генерал, – теперь морем нужно всего 8 дней для перевозки людей, снаряжения, грузов и т. д. Вы понимаете, какая экономия времени и сил и выгоды материальные, стратегические и другие получаются от перевода базы из Сибири в Архангельск. Ни расстояния, никакие другие соображения, международные, союзные и национальные, не могут больше влиять на получение вовремя всего необходимого на фронт Колчака. И теперь, как только явится вторая часть добровольческого отряда (речь идёт о двух британских добровольческих бригадах общей численностью около 8 тыс. человек, высадившихся в Архангельске в мае-июне 1919 г. – П.Г.), я двинусь по реке на Котлас, который я непременно возьму, – я в этом уверен» (Вестник правительства Северной области, 6 июля 1919 г.; далее – Вестник ВПСО).

То, что недосказал Айронсайд о планах союзников, выболтал генерал Гроган, командир одной из упомянутых английских бригад. В листовках, обращённых к красноармейцам Северного фронта с призывом сдаваться в плен, он лихо угрожал: «Всех сопротивляющихся будем косить, как траву. В бою пощады нет». И заключал: «Мы пойдём вперёд на соединение с сибирскими войсками. Мы дойдём и до Москвы, если надо будет, – дальше» [Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 18. Оп. 1. Д. 8. Л. 30].

В ноте № 31, конечно же, имелась ссылка на призыв «российской общественности», точнее – «пятой колонны» Антанты, о военной помощи. «С занятием данных портов (то есть Мурманска и Архангельска. – П.Г.), – говорится в этом документе, – нас торопят не только представители союзников в России, но и большинство русских партий. Такая операция является необходимым следствием союзной интервенции в Сибири» [Заброшенные в небытие... С. 443]. Красноречивое признание версальских стратегов! Что «большинство русских партий» воли большинства населения не выражало, об этом авторы ноты, разумеется, знали, но им очень нужно было хоть какое-то прикрытие агрессии. И в их стане нашёлся человек, который прямо указал на фарисейство этих ссылок. Это был американский консул в Архангельске Ф. Коул. Ещё до принятия ноты № 31 он в письме послу США в России Д. Френсису, яркому поборнику интервенции, писал: «Интервенция не может рассчитывать на активную поддержку русских», антисоветские партии «дискредитировали себя и теперь стремятся вернуть власть». Консул прямо заявлял: «Их приглашение вступить в Россию не является приглашением от русского народа. Они столь же скверно выражают настроения русского народа, как и год назад». В письме содержалось провидческое предупреждение зачинщикам интервенции: «Если мы войдём в Россию и будем продвигаться вглубь, мы потерпим неудачу» [там же. С. 436–442]. Ф. Коул напомнил, чем кончались подобные попытки завоевания в прошлом. Но к трезвому голосу разума ни Френсис, ни правители в Вашингтоне, Лондоне и Париже не прислушались.

Кроме фальшивых ссылок на просьбу «большинства русских партий», в ход была пущена не менее лживая версия, будто союзная интервенция призвана защитить государственную целостность России от германской агрессии на Севере. Как будто в сейфах правительств Англии и Франции не лежали карты о раздроблении России по соглашению от 23 декабря 1917 года. Просто одна воюющая коалиция стремилась опередить в захватах другую. Это особенно стало ясно, когда Германия капитулировала. Союзники не только не ушли с Севера и других оккупированных ими районов, но и усилили там своё военное присутствие. Генерал Деникин, возмущённый столь двулличной политикой правительств Запада по отношению к целостности России, в одном из официальных протестов представителям

союзников гневно вопрошал: «С чем пришли к нам союзники? На помощь ли истекающей кровью России или с целью оккупации, со всеми проистекающими из неё тягчайшими для нас последствиями?» [Деникин А. И. Очерки русской смуты. – Берлин. 1926. Т. 5. С. 40].

«Ползучая контрреволюция» на Мурмане

Реализация интервенции на Севере началась ещё до принятия ноты № 31 захватом Мурманска методом «ползучей контрреволюции». По этой части у англо-французских колонизаторов имелся богатый опыт насаждения своей агентуры в районах предполагаемой оккупации. Такую агентуру на Мурмане им удалось заполучить в лице предательской верхушки Мурманского Совета, Центромура (органа моряков мурманского отряда флотилии Ледовитого океана и береговых частей) и Совета железнодорожников (Совжелдор). В руководстве Мурманским Советом к весне 1918-го оказались «свои люди» Антанты типа нынешних Горбачёва, Яковлева и иже с ними. На пост председателя Совета пробрался печально известный А. М. Юрьев (Алексеев), его сообщниками являлись царский генерал Н. И. Звегинцев, присяжный поверенный В. М. Брамсон, морской офицер Г. М. Веселого. В Центромуре управлял правый эсер М. А. Ляуданский, в Совжелдоре тон задавал левый эсер Л. Лукьянов. Метаморфоза в руководстве названных органов произошла по той причине, что к весне 1918-го Мурман по демобилизации покинули тысячи матросов и солдат, уехала также значительная часть рабочих – строителей порта и Мурманской железной дороги. С уходом наиболее революционно настроенной части населения полуострова социальная база Совета, Центромура и Совжелдора значительно ослабла. К тому же, по разным причинам, Мурман покинули и некоторые большевистские руководители – бывший председатель Мурманского Совета С. И. Архангельский, руководитель Центромура С. Л. Самохин и другие опытные работники, чем без промедления воспользовались тайные и явные противники советской власти. Группировка во главе с Юрьевым, естественно, попала в поле зрения представителей союзников, которые шаг за шагом проталкивали её к власти.

Этим усиленно занимался штаб небольшой группы судов под командованием английского контр-адмирала Т. Кемпа, с 1915 года официально охранявших в Мурманском порту военные грузы, доставляемые сюда союзниками в ходе войны. Но после установления советской власти штаб Кемпа занялся совсем другим делом – подготовкой на Мурмане плацдарма для будущей интервенции. Уже 2 марта 1918 года с подачи штаба на заседании представителей Мурманского Совета, Центромура и Совжелдора удалось провести так называемое «Словесное соглашение» о совместных действиях англичан, францу-

зов и русских по обороне Мурманского края от германской агрессии. Для прикрытия предательства группировка во главе с Юрьевым использовала своё несогласие с заключением Брестского мира. В действительности, как показало время, преследовалась совсем другая цель – отторгнуть Север от Советской России и превратить его в базу для развёртывания широкомасштабной интервенции. Кемп мог быть доволен: первый шаг в этом направлении был сделан, «легитимное» прикрытия намечаемой агрессии получено.

Заговорщики очень боялись, что их двойная игра в отношениях с Москвой будет раскрыта, и потому спешили укрыться за надёжной стеной иностранных штыков. Поэтому в депешах в Лондон Кемп, по свидетельству Звегинцева, торопил своё правительство не медлить, ибо Москва могла заменить руководство краевого Совета на надёжных людей, и план рухнет (там же).

Ллойд Джордж, Клемансо и Вильсон не менее своих марионеток спешили оккупировать Север России. Именно в это время в Версале принимается нота № 31 о захвате Мурманска и Архангельска. В Мурманск один за другим прибывают корабли союзников с войсками, в конце июня в порту уже находились: английские линкор «Глори», крейсер «Аттендив» и авианосец «Найрана»; французский крейсер «Адмирал Об»; американский крейсер «Олимпия» и ряд других военных и транспортных судов [см.: Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере 1918–1920. – М. 1993. С. 40–42]. В конце мая сюда прибыл воинственно настроенный британский генерал Ф. Пуль, ставший первым главнокомандующим войсками союзников на Севере. Чуть позже появился британский генерал Ч. Мейнард, возглавивший войска интервентов на Мурманском направлении. Общая численность оккупационных войск к середине июля составила уже около 13 тыс. человек. Подготовка к выполнению ноты № 31 шла полным ходом.

15 июня Наркоминдел Советской республики выступил с решительным протестом против столь вопиющего беззакония и потребовал незамедлительно убрать войска стран Антанты с суверенной советской территории [см.: Документы внешней политики СССР. – М. 1956. Т. 1]. Но похвалявшиеся своей приверженностью демократии и законности правители Запада демонстративно игнорировали советский протест, более того, они подтолкнули Юрьева и К° принять 30 июня на заседании краевого Совета, Центромура и Совжелдора беспрецедентное решение о неподчинении Советскому правительству и о полном одобрении действий интервентов. 7 июля стороны оформили это решение в виде официального договора. Пуль и Кемп рукоплескали такому «подарку», хотя хорошо понимали, что подобные общегосударственные вопросы местные органы решать не вправе. Ввиду столь вызывающего предательства государственных интересов Совнарком объявил Юрьева вне закона.

О двурушничестве этого человека откровенно поведал один из его сообщников генерал Звегинцев: «Положение становится всё труднее. Нажим из Москвы всё усиливается. В добром согласии с Кемпом, Лагатинери и Мартином мы всячески изворачиваемся и, ежедневно рискуя жизнью, продолжаем упорно идти к намеченной цели. Даже в день провозглашения подписанного договора с союзниками и отделения от большевиков по стратегическим соображениям ведётся разговор по прямому проводу, что позволяет нам без боя захватить линию железной дороги на 100 вёрст южнее Сорок...» [Белый Север... Вып. 1. С. 9].

Генерал Пуль, как опытный колонизатор (участвовал в англо-бурской войне), относился к изменникам с плохо скрываемой брезгливостью. Хотя публично он похваливал их за измену, но в секретных докладах в Лондон высказывался об этих людях весьма нелицеприятно. Так, в донесении в военное министерство от 5 июля он писал: «Сейчас, порвав с Москвой, они (главари краевого Совета) осознали свою зависимость от нас и будут всё более и более сговорчивы». А в другой депеше в Лондон генерал ещё более откровенен: эти деятели себе «надели верёвку на шею, и, если они будут колебаться, я смогу заставить их быть твёрдыми» [Голдин В. И. Указ. соч. С. 46–50].

Предательство верхушки краевого Совета вызвало бурное возмущение среди тех, кто оставался верен советской власти. Взбунтовался Центромур. Среди его делегатов ещё жив был революционный дух. Состоявшееся 11 июля заседание Центромура после жарких дебатов осудило изменническую политику верхушки крайсовета и образовало специальную комиссию по расследованию деятельности Юрьева и К°, надеясь отстранить их от руководства. Противная сторона, почувствовав опасность, отреагировала незамедлительно. В тот же день было инсценировано покушение на Веселаго, приписанное центромуровцам. По приказу Звегинцева взбунтовавшийся Центромур был арестован, а его опору – крейсер «Аскольд» – окружили боевые корабли интервентов и под дулами орудий разоружили его команду; многих активистов засадили в тюрьму, часть выслали за пределы края. Над крейсером был поднят английский флаг. Пуль и Кемп преподали урок «демократии по-английски».

Подобно Центромуру, подвергся разгрому и Совжелдор. «Крамолу» искореняли привычным способом – обысками, провокациями, арестами. Но «крамола» казалась неискоренимой. 25 июля, несмотря на осадное положение, состоялся многолюдный митинг рабочих и служащих Базстройки, Портстройки и Кольской базы. Он вылился в грозный протест против оккупантов и их пособников. Ответ властей был предельно жёстким. Чтобы ни у кого не оставалось иллюзий в отношении установленного режима, интервенты и краевой Совет опубликовали совместное «разъяснение»: «Генерал Пуль и генерал Мейnard хотят, чтобы всем было совершенно ясно, что все служащие

и рабочие должны беспрекословно подчиняться краевому Совету... Всякое противодействие распоряжениям законных властей будет караться по всей строгости военного времени и осадного положения. И впредь никакие митинги и выступления, подобные вчерашнему, допускаться не будут» [там же. С. 53].

Овладев при пособничестве «пятой колонны» Мурманском, интервенты устремились по Мурманской железной дороге на юг. Им удалось захватить Кандалакшу, Кемь, Сороку, Сумской Посад. Генералу Мейнاردу уже мерещилось триумфальное вступление в Петроград. Но на реке Онда советские отряды остановили продвижение оккупантов.

И на захваченной территории войска союзников не замедлили продемонстрировать, зачем они явились на Советский Север. Они стали громить органы народной власти, преследовать их сотрудников и всех подозреваемых в нелояльности к оккупационному режиму. Вслед за ликвидацией Центромура и Совжелдора последовал роспуск мурманской флотилии и береговых частей. Многие суда были захвачены оккупантами и укомплектованы их командами. Были разогнаны Советы в Кандалакше, Кеми, Сороке и на других станциях, разоружены отряды железнодорожной охраны и местные красноармейские подразделения. Для захвата Кеми был задействован даже английский крейсер «Атгентив», который подверг станцию обстрелу и высадил десант. Командующий мурманской группировкой генерал Мейнارد сообщил из Кеми в британское военное министерство: «Мы задержали около ста большевиков, покушавшихся против союзников и Мурманского Совета, и содержим их под стражей» [там же. С. 49–50].

С июля 1918 года волна арестов прокатилась по всему полуострову. Тюрьмы полуострова были набиты арестованными. «Посадочных» мест не хватало, пришлось открыть 13 новых тюрем в совершенно непригодных местах. Так, тюрьма на Печенге, откуда было рукой подать до Северного полюса, была устроена в пещерных гротах, вырубленных в скале и огороженных колючей проволокой. Её узники лежали в невероятной тесноте прямо на каменном или земляном полу. В Мурманске пришлось создать пять новых мест заключения, под плавающую тюрьму приспособили даже устаревший линкор «Чесма», в трюмах которого заключённые содержались в нечеловеческих условиях [там же. С. 176]. Устраивали концлагеря, как наиболее «экономный» способ изоляции «подозрительных». Такие лагеря были созданы в Мурманске, Кандалакше, Кеми. В них за колючей проволокой, под открытым небом, несли свой тяжкий крест сотни граждан, не совершивших никакого преступления, мучительно страдая от болезней, голода и холода. Дневной рацион питания составляли 2–3 галеты, горсть костной муки и кружка воды.

Как непреременный спутник оккупации, сразу же начали действовать и военно-полевые суды во главе с британскими офицерами. Новоявленная Фемида европейского образца вершила суд и расправу

действительно с завязанными глазами, то есть карала без разбора всех, кто казался ей «сомнительным». Либерализмом она не страдала. Арестованных стандартно приговаривали к тюремному заключению или к смертной казни [см.: Голдин В. И. Указ. соч. С. 52].

На очереди – Архангельск

Поскольку на Мурманском направлении наступление группировки войск генерала Мейнарда захлебнулось, главное внимание было сосредоточено на подготовке к захвату Архангельска. На мурманский вариант оккупации «тихой сапой» здесь рассчитывать не приходилось – Архангельский Совет возглавляли стойкие большевики, поэтому интервенты и их агентура из белогвардейского подполья взяли курс на вооружённый захват города. Мозговым центром подготовки операции стали посольства союзников в Вологде. Американский посол Д. Френсис, французский посол Ж. Нуланс и британский поверенный в делах Ф. Линдлей в июне-июле 1918 года день и ночь трудились над обеспечением поставленной цели. Здесь представителей антибольшевистского подполья постоянно принимали, инструктировали и снабжали деньгами, согласовывали взаимодействие между войсками интервентов на Мурмане и вооружёнными отрядами подполья, отсюда на Запад шли отчёты о «проделанной работе».

Подпольные антисоветские центры, и особенно «Союз возрождения России», где тон задавали Чайковский и его соратники по партии народных социалистов, по согласованию с послами развернули усиленную вербовку и отправку на Север контрреволюционного офицерства. Как шла подготовка к захвату Архангельска, рассказал один из военных руководителей переворота и член будущего марионеточного правительства Северной области морской офицер Г. Е. Чаплин. Будучи с давних пор связан с английской контрразведкой, когда он ещё служил на британских подводных лодках, Чаплин вошёл в регулярные связи с военными агентами союзников в России и особенно близко – с известным британским разведчиком Кроми. По признанию Чаплина, в мае 1918 года Кроми срочно вызвал его в английское посольство, где состоялась встреча с представителями английской, французской и американской военных миссий. Обсуждали планы вторжения на Север. «Тогда же, – пишет Чаплин, – мною было поставлено, а союзниками принято условие занятия ими также и Архангельска, в расчёте создать под их охраной новый безопасный район для создания белой армии. На все условия союзники согласились и заявили, что снесутся с генералом Пулем, который находился на Мурмане, для получения от него окончательного разрешения и получения необходимых средств» [Белое дело. Берлин. 1928. Т. 4. С. 13]. Попутно заметим, что Чаплин явно преувеличивает свою роль в выдвиже-

нии плана захвата Архангельска. Этот план, как было документально уже показано, принимался совсем другими людьми и в другом месте (в Версале), но то, что Чаплин был одним из активнейших участников переворота в Архангельске, подтверждает его назначение приказом генерала Пуля первым главнокомандующим армией Северной области. Как вспоминает Чаплин, на его предложение Пуль из Мурманска ответил согласием, но с одним условием: «Белым захватить Архангельск самим, после чего союзники войдут в город» [там же. С. 14]. Разумеется, Пулю очень хотелось выдать вооружённую агрессию за «помощь по приглашению», чего очень желали в Версале.

Обещанные Пулем «необходимые средства», и не только финансовые, Чаплин и его люди получили сполна. «Надо отдать должное союзникам, вернее, англичанам, – признает Чаплин. – С того дня, как решено было вместе работать, мы от них ни в чём отказа не получали. Всё, что было в их силах, было ими сделано, даже в мелочах» [там же. С. 15]. Совместно со спецгентом Кроми был разработан план действий по захвату Архангельска. План предусматривал: 1) массовую переправку офицеров на Север; 2) внедрение агентуры в советские воинские части региона и 3) срочный выезд Чаплина в Мурманск и Архангельск для подготовки переворота [см.: там же. С. 14–15]. Британское посольство выдало Чаплину служебный паспорт на имя некоего офицера Томсона, по которому тот мог беспрепятственно курсировать по маршруту Петроград-Вологда-Архангельск-Мурманск. В конце мая в Вологде «Томсон» две недели совещался с посольствами и миссиями союзников, а в середине июня прибыл в Архангельск, где приступил к подготовке выступления. На деньги англичан ему удалось сформировать подпольную офицерскую организацию численностью около 300 человек, ставшую ударной силой мятежников.

Если Чаплин и его сообщники занимались подготовкой вооружённых сил, то «политическое обеспечение» мятежа взяли на себя подпольные центры – «Союз возрождения России» во главе с Чайковским и кадетский «Национальный центр». Соратник Чайковского В. И. Игнатьев (после переворота – губернский комиссар, затем член правительства Северной области), выступая в ноябре в Архангельской думе, похвалялся заслугами «Союза» в свержении советской власти. «Очищение от большевиков Северной области, – говорил он, – произошло также при непосредственном участии «Союза возрождения», вошедшего по этому вопросу в соглашение с нашими союзниками. В различные, более важные пункты были посланы агенты «Союза возрождения России». Очень много энергии проявил Н. В. Чайковский, который успевал бывать всюду, направлять работу и неутомимо трудился, несмотря на свои преклонные лета и опасность для жизни» [Вестник ВПСО, 3 ноября 1918 г.].

Получив наставления от хозяев, Чайковский и его «министры» спешно отбыли в Архангельск, чтобы сыграть отведённые им роли.

Они с головой ушли в подпольную деятельность. «Находясь инкогнито в Архангельске, – поведал позже Чайковский, – я принимал участие во всех совещаниях заговорщиков» [Проблемы отечественной истории: сб. науч. статей. М. 1994. Вып. 3. С. 57].

При содействии этой агентуры на вооружение была взята тактика распыления сил «красных». Как свидетельствует Чаплин, он направил в Шенкурск 20 своих офицеров, они спровоцировали там мятеж, на подавление которого были брошены наиболее боеспособные части Архангельского гарнизона, что и требовалось мятежникам. Под предлогом укрепления обороны Архангельска в город дня за три до переворота прибыл Беломорский конно-горный отряд под командованием ротмистра А. А. Берса. Как позже выяснилось, отряд был сформирован на деньги французской военной миссии, и по прибытии в Архангельск Берс поступил в распоряжение французского военного атташе полковника Донопа [см.: Голдин В. И. Указ. соч. С. 68]. В момент переворота отряд Берса сыграл роль того самого «троянского коня», нанёсшего Советской власти удар в спину.

Итак, к моменту переворота заговорщиками была подготовлена внушительная сила: офицерская подпольная организация Чаплина численностью около 300 (по другим данным, до 500) человек, отряд Берса, буржуазные элементы города, собранные под руководством председателя городской Думы кадета Н. А. Старцева, перекрашившееся царское офицерство в военных органах губернии во главе с Потаповым и Викорстом. Но заговорщики хорошо сознавали, что для удержания власти этих сил недостаточно. Сам Чайковский позже признавал: «Мы знаем, что в случае восстания против большевистской власти мы могли бы выдержать один-два дня, не больше» [Проблемы отечественной истории... Вып. 3. С. 56]. Главная надежда была на войска союзников.

Незадолго до переворота в Архангельск из Мурманска пожаловал контр-адмирал Кемп. Он старался выдать свой приезд за «визит вежливости», встречался с советскими руководителями, заверял их в лояльности. На самом деле Кемп занимался разведкой сухопутной и морской обороны города, инспектировал готовность своей «пятой колонны» к выступлению. 26 июля, то есть за пять дней до переворота, в Архангельск из Вологды прибыли посольства союзников. Они занялись той же работой, что и Кемп. Но за два дня до выступления они решили переехать в Кандалакшу, чтобы отвести от себя подозрение. Возвратившись 9 августа в уже захваченный Архангельск, Френсис, Линдлей и другие союзнические дипломаты опубликовали в правительственном «Вестнике» насквозь лживое сообщение, будто они не имеют никакого отношения к происшедшим событиям. «Потом, – утверждалось в сообщении, – мы узнали, что 1 или 2 августа в Архангельске произошёл местный переворот, что было провозглашено новое правительство и что потом прибыли союзные войска под коман-

дованием генерала Пуля» [Вестник ВПСО, № 1, 10 октября 1918 г. Архангельск]. Дипломаты примитивно лгали, и об этом свидетельствуют документы. Сам посол Френсис, выступая перед сенатской комиссией, позже признал: «Дипломаты решили отбыть в Кандалакшу потому, что в Архангельске готовилось антибольшевистское восстание. Они об этом знали и не хотели находиться там во время этого события» [Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию. – М. 1982. С. 110].

В свою очередь, английский поверенный в делах Ф. Линдлей подтверждал: «Как только наша группа прибыла в Кандалакшу, я информировал генерала Пуля, находившегося в Мурманске, о том, что не стоит долго тянуть с оккупацией Архангельска: задержка может привести к печальным последствиям» [там же]. Такова была правда, которую послы союзников пытались скрыть.

В постоянной связи с генералом Пулем и его штабом находилась и «пятая колонна» заговорщиков. «Я, – свидетельствует Чаплин, – сообщил Пулю, что я начинаю действовать как в самом Архангельске, так и прочих городах губернии в ночь с 1 на 2 августа, причём я заявил ему, что выступлю в самом городе, лишь получив сведения, что союзники действительно подошли к устью Двины» [Белое дело... Т. 4. С. 19]. В соответствии с этой договорённостью и произошёл захват Архангельска. Как это было, поведал в официальном докладе американский капитан Б. Биер, находившийся на британском корабле «Сальватор» при штабе Пуля. 30 июля из Мурманска вышли британские корабли – флагман «Сальватор», крейсер «Аттендив», авианосец «Найрана», канонерские лодки «Тей» и «Тайн», французский крейсер «Адмирал Об» и шесть вооружённых траулеров. Вся эта армада шла под флагом генерала Пуля. На следующий день за ней последовали ещё четыре вооружённых траулера, русский эсминец «Лейтенант Сергеев», два транспорта и два грузовых судна.

«Практически на всех судах, – сообщал Биер, – находились войска, в основном британские и французские, – всего около 1 400 человек» [Заброшенные в небытие... С. 444].

На рассвете 1 августа интервенты подошли к острову Мудьюг. Здесь находились две советские артиллерийские батареи, прикрывавшие проход к Архангельску по Двине. Командир крейсера «Аттендив» потребовал от артиллеристов капитулировать, но получил отказ. Завязался неравный бой. Крейсер обрушил на батареи ураганный огонь из корабельных орудий. С авианосца поднялись самолёты, сбросившие несколько бомб. Сопrotивление оборонявшихся было подавлено, но и крейсер получил повреждения. Путь на Архангельск был открыт. Правда, в фарватере Двины его преграждали три затопленных корабля. Но командующий флотилией изменник Виккорст затопил их так «удобно», что интервентам всё же был оставлен проход. Корабли союзников 2 августа беспрепятственно отшвартовались

в Архангельском порту. Пуля, Кемпа и других высокопоставленных заморских особ подобострастно встречали члены марионеточного правительства Чайковского и отряды мятежников. Орудия иностранных кораблей, наведённые на город, кружившие в небе для устрашения жителей самолёты, высаживавшиеся на берег иноземные войска – всё это свидетельствовало о том, что оккупация Архангельска в соответствии с версальской нотой № 31 свершилась.

Оккупационный режим в действии

В день высадки десанта союзников, 2 августа 1918 года, девять новоявленных правителей края, помпезно наименовавших себя «Верховным управлением Северной области», обратились к населению Архангельска и губернии с воззванием: «Верховному управлению известно, что не для вмешательства во внутреннюю жизнь и не против воли населения приходят к нам союзные войска, оно приветствует поэтому союзные силы, идущие в Северный край для совместной борьбы с общим врагом» [Вестник Верховного управления Северной области, № 1, 10 августа 1918 г. Архангельск; далее – Вестник ВУСО]. Но с наивной верой в бескорыстие союзников, их невмешательство во внутрироссийские дела Чайковскому и его команде очень скоро пришлось распрощаться. Они, пожалуй, первыми ощутили на себе властную руку оккупантов. Когда Чайковский предложил генералу Пулю заключить соглашение по типу договора союзников с Мурманским краевым Советом о «разграничении полномочий», тот высокомерно ответил: «Я пришёл сюда не для того, чтобы заключать договоры» [Голдин В. И. Указ. соч. С. 73]. Чайковцам грубо указали на их «место в лакейской». Но лакеям преподанного урока, видимо, оказалось мало. За новыми уроками дело не стало.

Расхождение между словами и делами оккупантов приобретало всё более выбывающий характер. В листовках, расклеенных по всему городу, они не жалели медоточивых слов о своём бескорыстии и симпатиях по отношению к России. Но рядом с подобными обращениями соседствовали грозные приказы Пуля о введении военного положения и запретах, с ним связанных, в немедленной сдаче оружия и карах для тех, кто не повинуется, о введении союзным контролем цензуры, о наказании за распространение слухов и т. д. Так, в приказе по поводу слухов было сказано: «Всякое лицо, уличённое в распространении в Архангельске и прилегающих районах ложных известий, могущих вызвать тревогу или смущение среди дружественных союзникам войск или населения, карается, в силу существующего ныне осадного положения, со всей строгостью военных законов, то есть смертной казнью».

«Вполне самостоятельное» правительство Чайковского почти каждодневно продолжало получать категорические приказания союз-

ного командования, что и как нужно делать. Так, 12 августа Верховное управление рассмотрело распоряжение генерала Пуля о безотлагательном введении «быстро действующих русских военно-полевых судов», поскольку, по словам генерала, в тюрьмах оказалось «значительное количество лиц, арестованных в связи с переворотом». Чайковцы, разумеется, не сочли это вмешательством во внутрirosсийские дела и смиренно приняли указание к исполнению. В их постановлении говорилось: «Поручить Н. И. Звегинцеву сообщить генералу Пулю, что Верховное управление предполагает рассмотреть вопрос о введении судов упрощённого судопроизводства по возможности в 3-дневный срок» [ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 30]. Но «верховники» оказались нерасторопными, и Пуль с нескрываемым раздражением напомнил Чайковскому 31 августа: «Уже более недели тому назад я просил вас издать указ об учреждении военного суда... Прошу вас означенный приказ издать в срочном порядке» [там же. Д. 60. Л. 35]. В тот же день Чайковский верноподданно докладывал Пулю, что положение о военном суде «ныне закончено разработкой» и сегодня же передаётся для опубликования в правительственном «Вестнике», где появится не позднее 1 сентября [там же. Л. 32]. Боясь очередной «взбучки» хозяев, чайковцы на сей раз слово сдержали.

Ещё одну пощёчину «верховники» получили от союзников в связи с назначением военного губернатора Архангельска. Чайковский наивно полагал, что это-де прерогатива русских властей, но Пуль, не ставя их в известность об этом, 7 августа назначил на этот пост полковника французской армии Донопа. Чайковский коленопреклоненно просит генерала отложить данное назначение и подписывается: «Ваш покорный слуга». Но мольбам «покорного слуги» не вняли. Доноп чинно уселся в губернаторское кресло и стал действовать в русском городе, как в африканской колонии.

Обучение чайковцев уму-разуму оккупационные власти продолжали со всё большей раздражительностью. 24 августа Чайковский от имени Верховного управления отважился сообщить в союзную контрразведку о неправомерных, по его мнению, действиях её агентов, арестовавших 16 бастовавших печатников. Контрразведке было поручено проверить жалобу. Пуль ответил: да, было арестовано 16 человек, но не бастовавших печатников, а большевиков, освобождённых следственной комиссией Жемчугова «без достаточных оснований». Пуль ультимативно потребовал от Чайковского проверить, кто в правительстве распространяет враждебные союзникам слухи, опубликовать опровержение, что союзники будто бы не вмешивались в забастовку печатников, и наказать лицо, сообщившее правительству ложные слухи [там же. Л. 30]. Чайковского в очередной раз поставили на место.

Очередной «бунт на коленях» в стане «верховников» произошёл в связи с введением военным командованием союзников политической цензуры. Причём наряду с другими газетами под её пресс попал и пра-

вительственный «Вестник Верховного управления Северной области». Чайковский и его министры засуетились. 29 августа на заседании правительства было решено заявить старшине дипломатического корпуса послу США Френсису «протест против действий военного союзного командования, установившего в г. Архангельске политическую цензуру, которая: 1) распространяется на официальный орган Верховного управления Северной области – «Вестник Верховного управления», где печатаются распоряжения ВУСО; 2) носит явно пристрастный характер, запрещая статьи, поддерживающие Верховное управление, и допуская статьи явно противоположного характера, подрывающие авторитет Верховного управления и распространяющие ложные и непроверенные сведения» [там же. Д. 1. Л. 67].

Авторы протеста во главе с Чайковским наивно полагали, будто при оккупационном режиме дела могут обстоять иначе. В действительности же они приобрели прямо-таки вызывающий характер: каждый номер правительственного «Вестника» подлежал тщательному просмотру цензора из штаба генерала Пуля и только после этого мог выходить в свет. В архиве сохранился комплект «Вестника», по полюсам которого всюду погулял красный карандаш цензора. На оттиске газеты № 51, например, разгневанный цензор размахисто начертил: «Без предварительной подписи цензуры газета не может быть выпускаема». Опять очередная пощёчина «верховника», ещё один урок, как следует понимать «свободу печати по-западноевропейски».

Военная и политическая цензура всех печатных изданий со стороны оккупационных властей всё более ужесточалась. Она распространялась на все средства связи. Управляющий отделом внутренних дел, почт и телеграфов П. Ю. Зубов в сентябре отмечал жёсткий контроль союзников за отправлением и приёмом телеграмм, которое осуществляло военно-цензурное отделение во главе с полковником британской службы Беннетом. Телеграммы английского посольства пользовались преимуществом даже перед телеграммами Главного военного штаба и разведки. А телеграммы Верховного управления передавались наравне с частными [ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 20. Л. 46].

Претензии Чайковского и его эсеровских сподвижников на какую-то самостоятельность вызывали у союзников всё большее озлобление. Пулю и прочим заморским военачальникам, органически не выносившим даже малейшего «социалистического» запаха, нужна была не эсеровская говорильня в виде Верховного управления, а единоличная, жёсткая, диктаторская власть, которая бы безоговорочно выполняла требования оккупационных властей и одновременно держала в железном кулаке подвластное ей население. Интервентам требовался военный диктатор, который вскоре и появился на Севере в лице генерала Е. К. Миллера. Идею военной диктатуры всецело поддержали русское реакционное офицерство, скопившееся на Севере, во главе с главнокомандующим Чаплиным, а также финансовые

и торгово-промышленные круги, предводительствуемые кадетами. Им тоже нужен был военный диктатор. Альянс между людьми генерала Пуля и главкома Чаплина вёл к ликвидации «революционного» правительства Чайковского, путавшегося у них под ногами.

В ночь на 6 сентября 1918 года группа офицеров под руководством Чаплина и губернского комиссара кадета Старцева арестовала Чайковского и четырёх его «социалистических» министров и препроводила их на Соловки. Ни у кого не было сомнений в том, что этот «дворцовый переворот» произошёл в сговоре с Пулем и его штабом: там правительство Чайковского почти открыто именовали полубольшевицким. Так власть, развязавшая кампанию массовых арестов (о чем речь ещё пойдёт), сама же и оказалась за решёткой. Переворотчики обратились к населению с воззванием, в котором в пылу борьбы раскрыли правду о «Верховном управлении» Чайковского. «Никем не избранное, никому в Северной области не известное, – заявляли они, – оно взялось за восстановление страны, сохранив старые рамки партийности. Его усилия ни к чему не привели» [Вестник ВУСО, 14 сентября 1918 г.]. Так по мифу, будто это правительство являлось «законным», «избранным народом», был нанесён сокрушительный удар, причём из стана своих. Указывалась и руководящая идея переворота – «сохранение старых рамок партийности», что на языке чаплиных означало: опять-де нас тянут к повторению печальной памяти керенщины. Озлобленное офицерство не могло простить «социалистам» типа Керенского и Чайковского развала армии и краха буржуазного строя.

Союзные послы, с чьего одобрения произошло такое событие, видимо, сочли «работу» своих военных слишком топорной, прямолинейной и для сохранения лица распорядились вернуть арестованных правителей в Архангельск, что и произошло 8 сентября. При этом они поступили как искусные последователи Макиавелли. В обращении «К населению Северной области» послы Френсис, Нуланс, английский поверенный Линдлей и итальянский поверенный Торретта поспешили «снять с себя всякую ответственность за происшедшее»: это-де русские враждуют с русскими, мы здесь ни при чём. «Строго говоря, – заявляли дипломаты, – союзникам не следовало бы вмешиваться в это событие» [там же, 11 сентября 1918 г.]. Но поскольку союзники, мол, «привержены праву, порядку и свободе», они приняли меры к освобождению арестованных. Надо отдать должное умению этих дипломатов говорить одно, а делать совсем другое. Истинные цели переворота и подлинных его вдохновителей они искусно скрыли.

Правда, генерала Пуля решили спровадить в Лондон, где он получил назначение главой военной миссии Великобритании при А. И. Деникине. Его пост занял английский генерал Айронсайд.

Чайковского и его команду вернули на прежнее место. Но дальше события пошли уже по сценарию послов: не успели министры прийти

в себя, как им втихую указали на дверь. 28 сентября «революционное» правительство подало в отставку. «Социалистических» министров как ветром сдуло. То, чего добивались Пуль и Чаплин, произошло – место эсеров заняли кадеты и близкие им люди. Остался один народный социалист Чайковский, видимо, «для запаха». Союзные послы трезво рассудили, что имя этого «старого революционера» ещё послужит им в пропагандистских целях, прежде всего для оправдания интервенции перед общественным мнением Запада. С Чаплиным и его преторианцами в отличие от министров-«социалистов» поступили милостиво: как-никак свои люди. 30 сентября Пуль опубликовал приказ, в котором «просил» правительство «прекратить преследование» Чаплина и его сообщников, учитывая «исключительные заслуги этих офицеров по свержению большевистского ига» [там же. 3 октября 1918 г.]. Напуганный Чайковский тут же согласился с Пулем.

Но и самому Чайковскому в премьерском кресле сидеть осталось недолго. Пока он царствовал, но не правил, ему спешно искали замену. Сначала по вызову французского посла Нуланса и генерала Пуля из Швеции на Север в качестве полудиктатора прибыл царский генерал В. В. Марушевский. В ноябре 1918 года он был назначен генерал-губернатором и командующим русскими войсками Северной области [там же. 20 ноября 1918 г.]. Вскоре союзники подыскали кандидата и на роль полного диктатора – генерала Миллера, вызванного из русской военной миссии в Италии. 15 января 1919 года он сменил Марушевского на посту генерал-губернатора и стал проводить в крае «режим железной руки». В сложившейся ситуации Чайковский явно оказался третьим лишним. «Мавр сделал своё дело», и 23 января Миллер с показной торжественностью проводил его в почётную ссылку в Париж.

Марионеточная власть в услужении у интервентов

Политика интервентов в отношении России на оккупированном Севере предстала в наиболее обнажённом, незавуалированном виде. В случае их победы в войне с Советами «северный» вариант оккупации мог бы распространиться на всю Россию.

Сразу после прихода к власти, под диктовку иностранных послов правительство Чайковского развернуло тотальный террор. Разумеется, при полном содействии оккупантов. 15 августа оно утвердило положение об Особой следственной комиссии, которой предписывалось: «а) возбуждать уголовные преследования как против агентов советской власти, так и против причастных к их преступной деятельности частных и должностных лиц всех ведомств, а должностных лиц, за исключением судей, устранять временно от занимаемой ими должности; б) производить по своим постановлениям осмотр и выем-

ку почтовой и телеграфной корреспонденции, а также книг, документов и переписки кредитных учреждений» [Вестник ВУСО, 18 августа 1918 г.]. Простор для произвола своей «ВЧК» правительство предоставило полный, чем комиссия Жемчугова лихо воспользовалась, держа жителей области в атмосфере страха и насилия.

Чувствуя враждебное окружение, чайковцы, наряду с Особой следственной комиссией при Верховном управлении, распорядились создать следственные комиссии в губерниях и уездах. Но и этого им показалось мало. Решили учредить орган политического сыска – нечто вроде царской охранки. И в заседании Верховного управления 18 августа принимается следующее постановление: «Отпустить в безотчётное распоряжение управляющего Отделом внутренних дел кредит 20 тысяч рублей, поручив ему организовать дело политической осведомлённости» [ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 52]. Этот замысел вскоре был реализован в виде зловещей контрразведки (военной регистратуры), подчинённой генерал-губернатору области. Её возглавил полковник Рындин, прославившийся собачьей преданностью режиму и зоологической ненавистью к его противникам. Контрразведка была вездесуща и всеведуща, надзирала и за фронтом, и за тылом. Её деятельность скрывалась плотной стеной секретности. Но, как видно из отдельных публичных признаний главнокомандующего армией генерала Марушевского, начальник военной регистратуры регулярно информировал его «о засылке с фронта в тыл лиц, подозреваемых в шпионаже и в активном содействии большевикам».

Репрессивная машина быстро набирала обороты. Сотни арестованных, оказавшихся в застенках, мучительно ждали решения своей трагической участи. Начальник архангельской губернской тюрьмы Брагин 13 августа в растерянности доносил в Особую следственную комиссию, что он не в состоянии представить требуемые сведения о численности арестованных «ввиду переполнения тюрьмы и ежедневной перемены состава заключённых» [ГАРФ. Ф. 3691. Оп. 1. Д. 105. Л. 15]. В тюрьму арестованных гнали толпами каждодневно. Как уже было отмечено, первым «позаботился» о наведении порядка главноком войск интервентов генерал Пуль. Он распорядился «о введении быстродействующих русских военно-полевых судов». И правительство Чайковского 22 августа послушно исполнило приказ Пуля, решив: «1) Ввести особые военные суды с подчинением их ведению как воинских чинов, так и гражданского населения, но с разделением тех и других предметной подсудности. 2) В число наказаний, налагаемых названными судами, включить смертную казнь по точно определённым видам преступлений» [там же. Л. 56].

Опасаясь очередного нагоняя от Пуля, правительство 30 августа утвердило положение о быстродействующих военных судах. Почему потребовались суды подобного рода? Законодатели ответили на этот вопрос без лукавства: «В тех случаях, когда учинение преступления

настолько очевидно, что нет надобности в его расследовании, учреждаются особые военные суды». Власть желала расправиться со своими противниками как можно быстрее и без особых формальностей. Разбирательство предписывалось проводить не более 2 суток и при закрытых дверях. «Постановленный приговор провозглашается немедленно и в окончательной форме». Никаких обжалований. Меры наказания – арест до 6 месяцев, заключение в тюрьму сроком на 6 лет с принудительными работами, ссылка в отдалённые места, наконец, смертная казнь. Высшая мера наказания следовала – за неподчинение начальству, самовольную отлучку с поста, порчу военного имущества, отказ от участия в бою, сдачу в плен, за «всякое способствование неприятелю». Приговор к смертной казни представлялся на утверждение генералу Пулю, который не страдал либерализмом. Под сим документом – подписи народного социалиста Н. В. Чайковского, эсера С. С. Маслова и кадета П. Ю. Зубова [Вестник ВУСО, 1 сентября 1918 г.]. А ведь эти люди и их партии, легально действовавшие в Советской России, истошно кричали о «красном терроре» и «большевистских насилиях»!

В это же время лидер партии меньшевиков Л. Мартов, соратник Чайковского по борьбе с народной властью, свободно издаёт в Советской России брошюру под истеричным названием «Долой смертную казнь!». В ней он обрушивается с яростными нападениями на большевиков в связи с вынесением Ревтрибуналом первого смертного приговора капитану Щастному за контрреволюционную деятельность. Обратитесь бы взор «великому гуманисту» Мартову на Север, где правила его «братья по духу», или на восток, где мятежный Чехословацкий корпус расстреливал без всякого суда многие сотни патриотов, или на юг, где зверствовали отряды Краснова и Деникина. Но Мартов не желал этого видеть. Точь-в-точь, как это делают сегодня наследники Мартова – записные «демократы», типа Немцова, Явлинского, Хакамады и иже с ними, продолжающие огульно обвинять советскую власть в терроризме. Однако подсчитал ли кто, во что обошёлся русскому народу ельцинский режим и гайдаровско-чубайсовские «реформы»? Установка от «хозяев» получена: к 2050 году довольно будет и 50 миллионов русских! Это ли не геноцид, не террор против собственного народа? И кто и когда ответит за это?..

Правительство Чайковского быстро обрастало репрессивным аппаратом. Постановлением от 18 сентября оно учредило Военно-окружной суд. Его ведению подлежали как военнослужащие, так и гражданские чины, состоявшие на службе в военном ведомстве, а также военнопленные и жители занимаемых армией неприятельских областей. Поскольку Архангельск и девять уездов губернии были объявлены на военном положении, то фактически все граждане, обвинявшиеся властями, попадали в руки военного суда с соответствующими последствиями. В систему карательных органов, защищавших компрадорский режим, входили также полевые суды и военные трибуна-

лы, восстановленные гражданские суды дореволюционного образца, военно-судное отделение при штабе командующего армией, цензурное отделение при канцелярии генерал-губернатора, аппарат правительственного комиссара Архангельской губернии (с отделениями на местах), военная комендатура г. Архангельска и подчинённая ей сеть домовых комитетов, выполнявших роль доносителей о «неблагонадёжных», милиция, наконец, национальное ополчение, которое, по словам генерала Марушевского, «выше всякой похвалы» занималось усмирением «бунтующих» рабочих. Весь этот чудовищно разбухший аппарат насилия железной хваткой держал в повиновении население губернии.

Данный аппарат был всего лишь подсобным учреждением у оккупационных властей. Над ним возвышалась действительно всесильная и всемогущая система принуждения и подавления, созданная союзным командованием. Прежде всего, над жителями Севера как дамоклов меч висело многотысячное оккупационное войско, и как только где-нибудь обнаруживалось неповиновение оккупационному режиму, этот меч безжалостно опускался на головы непокорных. По откровенному признанию генерала Айронсайда, все восстания в русских войсках подавлялись иностранными штыками. Под пулями интервентов пали многие сотни русских солдат, не желавших воевать за интересы союзников. Только в архивах интервентов хранятся точные сведения о том, сколько патриотов их карательные органы заточили в тюрьмы, расстреляли, замучили в концлагерях, подобных тому, что был устроен ими на острове Мудьюг.

Особенно зверствовала контрразведка (военный контроль) союзников – глаза и уши оккупантов. Об этом органе со знанием дела поведал генерал Марушевский: «Его представители, рассыпанные по всему фронту, вели работу по охране интересов союзных войск, наблюдению за населением и сыску. По существу, это была чисто контрразведывательная организация с громадными правами по лишению свободы кого угодно и когда угодно» [Белое дело. Берлин. 1926. Т. 1. С. 44]. Возглавлял контрразведку английский полковник Торнхилл. Он много лет проживал в России и свободно говорил по-русски. По свидетельству его друга Чаплина, Торнхилл «был грозой местных красных». Этому английскому Малюте Скуратову усердно помогали начальник французской военной миссии полковник Доноп и её сотрудник граф Люберсак. Прежде всего, этим людям обязан своей зловещей известностью военный контроль союзников. По признанию члена правительства Северной области Игнатьева, союзническая контрразведка хватала «кого угодно и когда угодно», не ставя об этом в известность русские власти и не допуская их представителей в подконтрольные союзникам места заключения.

Штаб генерала Пуля и военный контроль при нём распоряжались репрессивными органами марионеточного правительства как хо-

тели. Сохранились подлинные документы, подтверждающие это. Так, в одном из распоряжений Чайковскому Пуль повелевал: «Прошу вас срочно провести в законодательном порядке включение в состав Особого военного суда, кроме положенных 4 членов русской армии, ещё 3 членов – представителей союзных армий: британской, французской и американской». То же повторилось и с составом Особой следственной комиссии. Пуль приказал сообщить до опубликования фамилии членов комиссии, но Чайковский замешкался. Тогда разгневанный генерал в категоричной форме потребовал включить в состав комиссии французского лейтенанта Э. Бо и сержанта славяно-британского легиона Касаткина. Поскольку положением об Особой следственной комиссии предусматривался в её составе один представитель от союзников, Пуль распорядился, чтобы соответствующая статья положения «была изменена в данном направлении» [ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 34. ЛЛ. 31, 37, 38]. Чайковский послушно исполнил все требования Пуля.

По примеру генерала Пуля бесцеремонно распоряжалась и контрразведка. Так, 13 ноября уже упомянутый лейтенант Бо от имени разведотдела штаба главнокомандующего сделал следующее распоряжение Особой следственной комиссии: «Сообщаю, что аресты часто приходится производить на основании агентурных сведений и рапортов военных комендантов союзных армий, без указаний точных мотивов и свидетелей». Ввиду загруженности разведотдела он поручал расследование этих дел Особой следственной комиссии [там же. Д. 105. Л. 238]. В другом распоряжении комиссии лейтенант Бо сообщал о переводе с Мудьюга в Архангельскую губернскую тюрьму 14 арестованных и предписывал: «Ввиду переполнения тюрьмы прошу вышеуказанных 14 человек опросить в возможно короткий срок» [там же. Л. 244]. В очередном послании комиссии союзная контрразведка сообщала: «При сём препровожаю четыре экземпляра агентурных сведений для руководства. Лейтенант Бо» [там же. Д. 103. Л. 13]. Со своей стороны правительственный комиссар Архангельской губернии 13 августа информировал следственную комиссию: «Союзное командование предложило мне для разгрузки Архангельской тюрьмы (от) части арестованных и вообще для изоляции неблагонадёжного элемента воспользоваться арестным помещением на острове Мудьюг». Комиссар предлагал комиссии воспользоваться «услугами» союзников и «неблагонадёжных» лиц «направить в означенное место» [там же. Л. 66]. Как видно, взаимодействие союзных и отечественных карателей было полное, причём распределение ролей между хозяевами и слугами соблюдалось неукоснительно.

Для обеспечения «демократии» по Пулю-Айронсайду и по Чайковскому-Миллеру была создана соответствующая «материальная» база: Архангельская губернская тюрьма и её отделение, поглощавшее постоянный переизбыток главной тюрьмы; тюрьмы и арестные помещения в девяти уездах губернии; концлагеря в пригородах Архан-

гельска – на Бакарице и в Смоляном Буяне, а также в Усть-Пинеге, Березнике и Троице; дисциплинарные (штрафные) батальоны имени Дайера и Бэрка и испытательная рота славяно-британского легиона; наконец, наводившие ужас своими зверствами над заключёнными ссыльно-каторжные тюрьмы на острове Мудьюг и Кегострове в Белом море, в Пустозерске на Печоре и в становище Иоканьга за Полярным кругом. Если к указанным местам пыток и издевательств над человеческой личностью приплюсовать те, что действовали под опекой генерала Мейнарда на Мурмане, то сравнительно небольшая территория оккупированного Севера предстаёт как единый концентрационный лагерь.

Чудовищный репрессивный аппарат «за работой»

Чем занималась отлаженная по-западноевропейски оккупационным режимом репрессивная машина на Севере, наглядно видно на примере действий следственных комиссий. В архиве сохранились их подлинные отчёты, позволяющие документально проследить, как «работали» эти «чрезвычайки» под бдительным присмотром союзников. На верху пирамиды была Особая следственная комиссия. Напомним: в неё входили и представители оккупационных войск, уполномоченные генералом Пулем. Она занималась вылавливанием особо опасных лиц с точки зрения режима. До 1 января 1919 года комиссия имела в своём распоряжении 144 следственных дела на арестованных и 32 дела на граждан, находившихся в розыске. Из 267 человек, оказавшихся в заключении, только 46 были арестованы «в следственном порядке», остальные 221 – «во внесудебном порядке». Как видим, основную массу «подозрительных» бросали за решётку без суда и следствия. Такое произвольное решение, согласно положению, могла принять сама комиссия, а «в случаях, не терпящих отлагательства, распоряжение об аресте может быть сделано и отдельным членом комиссии» [Вестник ВУСО, 17 сентября 1918 г.]. Таким образом, свобода преследования граждан «в связи со свержением советской власти» была полной.

Под началом Особой следственной комиссии действовали следственные комиссии в уездах. Провинциальные «чекисты» Чайковского-Миллера пользовались свободой преследования ещё круче, чем их собратья в Центре. Приведём некоторые данные об их действиях.

Следственная комиссия Александровского и Кемского уездов (позже переименована в Мурманскую). По свидетельству главного военно-полевого прокурора области С. Добровольского, она отличалась чрезвычайной ретивостью в охоте на противников режима. За ноябрь 1918 года она завела 23 следственных дела на 55 человек (из них 12 уже находились под арестом); за декабрь – 14 дел на 112 человек

(в том числе на 29 уже арестованных); в январе – 2 дела на 123 человека (в том числе на 51 арестованного); в марте были возбуждены дела на 56 арестованных и на 93 находившихся в розыске. Даже в августе 1919-го комиссия в поте лица вела преследование инакомыслящих: были арестованы 49 человек и возбуждён розыск 182 подозреваемых [ГАРФ. Ф. 3691. Оп. 1. Д. 110. ЛЛ. 67, 71, 101].

Пинежская уездная следственная комиссия. В августе 1918 года она взяла под стражу 22 подозреваемых; в сентябре возбудила розыск 15 человек; в октябре арестовала 11 человек и начала розыск 25; в ноябре заключила под стражу 33 и разыскивала 19 человек; в декабре арестовала 14 и вела розыск 22 человек [там же. Л. 78].

Онежская уездная следственная комиссия. На 1 января 1919 года в производстве находилось 66 следственных дел (в том числе 21 дело на уже арестованных) и 45 дел на разыскиваемых. Из 31 арестованного только 8 были заключены под стражу на основе предварительного расследования, остальные были схвачены «во внесудебном порядке». 49 человек находились в розыске [там же. Л. 31].

Мезенская уездная следственная комиссия. На 1 февраля 1919 года под следствием находились 26 арестованных, за февраль добавились – 14, за март – ещё 34 [там же. ЛЛ. 50–56].

Холмогорская уездная следственная комиссия. На 1 октября в производстве были 22 дела на 58 человек. За октябрь к ним добавились 47 дел, за ноябрь – 54, за первые 10 дней декабря – ещё 44 дела [там же. ЛЛ. 3–5].

Шенкурская уездная следственная комиссия. С 1 октября по 20 декабря 1918 года были заведены 32 дела, по ним арестованы 35 человек [там же. Л. 97].

Отрывочные данные, к сожалению, не могут дать полного представления о разгуле «демократии» на местах. В определённой мере восполняет этот пробел обобщающая сводка о деятельности шести уездных и Архангельской губернской следственных комиссий за период с августа 1918-го по 1 февраля 1919 года. За это время были возбуждены 470 дел, по которым арестованных насчитывалось 481 человек [ГАРФ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 21. Л. 47]. Сколько подследственных находилось в розыске, к сожалению, не указано. Но, судя по другим следственным делам, их было не меньше, а больше, чем оказавшихся в руках карателей Чайковского-Миллера.

Итак, лишь за пять месяцев 1919 года было возбуждено более 600 следственных дел. По ним в заключении оказались более 1050 граждан, причём большинство без юридических к тому оснований, просто по подозрению. Почти 400 человек числились в розыске. Если к этим неполным данным приплюсовать те, что выявлены в действиях следственных комиссий до февраля 1919 года, то получим следующие зловещие цифры: было возбуждено свыше 1020 дел, по ним арестованы 1630 человек и объявлен розыск 726 подозреваемых. Сколько жертв

репрессий прошло мимо следственных комиссий, учесть весьма трудно, но их было очень много. Только через Архангельскую губернскую тюрьму за период с августа 1918-го по ноябрь 1919 года, согласно «Книге приёма арестованных» этой тюрьмы, прошли 9760 человек [см.: Потялицин А. И. Белый террор на Севере. 1918–1920. Архангельск. 1931. С. 22]. Сплошь и рядом подозреваемых хватали и ссылали в каторжные места без всякого следствия, держали в тюрьмах без какого-либо разбирательства, особенно в период, когда началась агония режима. Свой «вклад» в пополнение мест заключения внесла и союзная контрразведка, действовавшая помимо следственных комиссий.

Эпидемия арестов на Севере приобрела чрезвычайно широкий размах и обернулась в конечном счёте против правительства. Даже упомянутый военно-полевой прокурор режима Добровольский, уже находясь в эмиграции, сетовал на то, что террор на Севере приобрёл тотальный характер. Особая следственная комиссия, писал он, «широко раскинула свои сети и заарестовала массу лиц». И не могла с ними справиться. «Главарей большевистского движения нужно было ликвидировать в порядке военно-полевого суда (как будто этот палач не знал, сколько смертных приговоров вынесли эти самые суды! – П.Г.). В отношении остальных, «второстепенных», он считал необходимым «проявить большую осторожность, избегая заключения под стражу и ограничиваясь привлечением минимального количества наиболее скомпрометированных советских служащих, с освобождением остальных от всякой уголовной ответственности» [Белый Север. 1918–1920. Мемуары и документы. Архангельск. 1993. Вып. 2. С. 138]. Но тогда бы режим перестал быть самим собой в противостоянии большинству граждан, отвергавших его. Прокурор, как видим, поздно прозрел.

Фемида оккупационного режима имела ярко выраженный классовый характер. Это отчётливо видно из сохранившихся в архиве документов следственных комиссий. Вот список следственных дел, составленный комиссией Александровского и Кемского уездов. Он идёт под рубрикой «Агенты советской власти». Дело № 1 – 8 арестованных в селе Керети; дело № 2 – 3 арестованных по Мурманскому Совету; дело № 3 – 6 человек по Териберскому Совету; дело № 4 – 7 «агентов советской власти»; дело № 5 – 13 деятелей Мурманского Совета; дело № 9 – 3 человека из Мурманской экспедиции Подвойского; дело № 11 – 16 работников исполкома Мурманского совета железнодорожников; дело № 15 – 8 сотрудников ЦК Мурманской флотилии, в том числе руководители моряков И. Полухин и Г. Радченко (помечено: часть из них содержится в тюремном бараке союзников в г. Александровске); дело № 20 – 9 сотрудников Кандалакшского Совета; дело № 27 – 7 сотрудников Кемского Совета; дело № 29 – 8 сотрудников Сорокского Совета [см.: ГАРФ. Ф. 3691. Оп. 1. Д. 114. ЛЛ. 4–9]. По всем делам проходили 97 человек.

В списке Пинежской следственной комиссии на 49 человек как основание для арестов помечено: «Служба в совучрждениях», «За агитацию против существующего строя и добровольческого отряда» или «По указанию крестьян как большевик». В постановлении Мезенской комиссии об аресте 7 человек указано: «За деятельность, угрожающую общественной безопасности» [там же. Д. 4. ЛЛ. 1–15]. Это клеймо следователи ставили арестованным наиболее часто за неимением конкретных доказательств их вины.

Бдительность северной Фемиды была столь строгой, что она не пощадила даже самых активных участников переворота, обвинив их «в сотрудничестве с советской властью». Среди её жертв оказались главари ползучего переворота на Мурмане – А. М. Юрьев, В. М. Брамсон, Г. М. Веселаго и Н. И. Звегинцев, а также пособники захвата Архангельска интервентами Н. Д. Потапов и А. А. Берс. Брамсон умер в Архангельской тюрьме, Берс тоже коротал время на тюремных нарах, их сообщники по предательству получили каждый своё.

Концлагерь Мудьюг – визитная карточка западной «демократии»

Репрессивный аппарат марионеточного режима был под несусыпным контролем оккупационных властей, бесцеремонно вмешивавшихся в его действия. Об этом свидетельствует, например, распоряжение военного губернатора Архангельска полковника Донопа начальнику губернской тюрьмы: «Довожу до вашего сведения, что до нового приказа ни один заключённый не должен быть освобождён без приказа за моей подписью. Прошу представить мне списки с фамилиями арестованных с обозначением причин их ареста» [ГАРФ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 60. Л. 28]. Подобные распоряжения союзных властей исполнялись безоговорочно. Были повеления и другого рода. Например, союзническая контрразведка передала в Особую следственную комиссию около 70 списков подозреваемых лиц (по 20–25 человек) с поручением разыскать их [см.: Голдин В. И. Указ. соч. С. 103]. Многие места заключения находились у союзников в «общем пользовании» с правительством Чайковского-Миллера. Часть заключённых в них числилась за «союзной контрразведкой» и была в её исключительном распоряжении.

Но во многих других местах заключения полновластными хозяевами ощущали себя западные оккупанты, доступ представителям марионеточного режима туда был закрыт. Иногда этот режим даже не знал об их существовании. Одним из таких мест являлся чудовищный по своей жестокости концлагерь, устроенный союзниками в Белом море на острове Мудьюг. Только в марте 1919 года туда был допущен «министр» внутренних дел правительства Миллера, Пра-

вительственный «Вестник» напечатал о посещении угодливую (для союзников) заметку «Остров Мудьюг». Несмотря на все старания газеты и визитёра скрыть ужасную правду об этой каторжной тюрьме, чтобы не обидеть хозяев, всё же от сообщения веяло могильным холодом. В тюрьме было много больных цингой и другими болезнями, нет бани, инфекционной камеры, изоляционных пунктов, многие страдают полным истощением организма и т. д. Всё это, признавала газета, ложится «излишней тяжестью на заключённых» [Вестник ВУСО, 16 марта 1919 г.]. Однако подлинную картину ада, которую устроили союзники в концлагере на Мудьюге, нарисовали те, кто прошёл через этот ад и сумел выжить.

Мудьюг, пустынный остров в Двинской губе Белого моря (примерно в 60 верстах от Архангельска), был захвачен интервентами во время продвижения их кораблей к Архангельску. С тех пор он перешёл под контроль союзников. Сюда со всей губернии свозили наиболее опасных для оккупационного режима арестованных патриотов. Если бы мир тогда узнал об ужасах Мудьюга, он содрогнулся бы ничуть не меньше, нежели когда увидел хронику о том, каким зверствам подвергались узники Освенцима и Бухенвальда. Но о Мудьюге не было тогда кинодокументов. Прецедент массового глумления над человеческой личностью, воскрешавший в XX веке самые мрачные деяния средневековой инквизиции, принадлежал государствам, именовавшим себя «цивилизованными» и «демократическими». Напомним: в первом же обращении к населению Севера генерал Пуль фарицейски заявлял: «Союзники решили не жалеть ни сил, ни средств для возрождения России». И призывал: «Помогите нам и теперь, и потом, в будущем, обеспечить мир и торжество права и справедливости» [Вестник ВУСО, 10 августа 1918 г.]. Что восторжествовало в действительности, население Севера вскоре узнало на своём горьком опыте. И крепко запомнило преподанные оккупантами уроки.

По злой иронии истории власть над лагерем взяли на себя французские военные – представители страны, когда-то провозгласившей знаменитую Декларацию прав человека и гражданина. И вот как на Мудьюге французы утверждали «торжество права и справедливости».

Первая партия арестантов в 134 человека строила себе лагерь сама: очищала территорию от леса, обносила её колючей проволокой в два ряда и высотой в три метра, сооружала огромный барак. Но первым делом охрана «позаботилась» о сооружении карцера – самого страшного места наказания арестованных. Это – яма глубиной в 3 метра, шириной в 9 шагов и длиной в 14. Туда вставили сруб из досок, который между стен засыпали землёй. Эта земля то осыпалась, открывая щели для холода, то промерзала. В этой яме-могиле царил темнота. Печек долго не было, и попавших сюда арестантов изматывали холодом. А когда поставили печки, с оттаявших стен текла грязь, дым выедал глаза. «Когда нас посадили в карцер, – вспоминал один из заключённых, – то печки

там не было. Пищи выдавали только по две галеты и воду. Согреться не было никакой возможности, и мы старались как-нибудь сохранить только ноги, завёртывая их во всё, что имелось. По ночам спать на морозе не могли, и, дрожа от холода, мы ложились, прижавшись друг к другу, чтобы хоть немного согреться теплом своих тел. Но ничто не могло помочь, и мы поморозили себе ноги. Один больной, фамилии не помню, начал замерзать и лежал уже без сознания. Товарищи принимали все меры, чтобы его согреть, но что могли они сделать? Когда заметили, что человек уже умирает, то на вечерней поверке заявили об этом сержанту, но тот не обратил на заявление никакого внимания. Ночью несчастный умер, и его холодный труп лежал до утра на нарах рядом с теми, кто ожидал и для себя такой же участи» [Рассказов П. П. Записки заключённого. Архангельск. 1952. С. 64].

В бараках было не намного лучше. Прошедший через Мудьюг П. П. Рассказов вспоминал о своём прибытии в концлагерь: «Переступаю порог (барака). В недоумении останавливаюсь. Камера переполнена. Люди лежат на столе, под столом, по всему полу до самой двери, оставляя лишь почтительное расстояние вокруг испускающей невыносимое зловоние «параши». В камере на 14 человек было более 60» (там же. С. 23). Изморённых голодом арестантов, которым выдавали на день 200 граммов галет, 175 граммов консервов, 42 грамма риса и 10 граммов соли, заставляли выполнять самые тяжёлые работы. Падавших от изнеможения французские охранники поднимали прикладами. В поисках съестного заключённые копались в мусорных ямах. А из гарнизонной столовой их обдавали помоями под дьявольский смех охраны. По ночам сержант Лерне с французскими матросами устраивали обыски. За малейшую провинность следовали избияния или отправка в карцер.

В бараке на 100 человек сидело 350 и более. Не было бани, мыла, смены белья, медицинской помощи, но зато одолевали тьма паразитов, тиф, цинга, дистрофия. Температура в бараках – 10 градусов ниже нуля по Реомюру. Жертвы закутывались в лохмотья, дрожа от холода. Каждую ночь умирало по несколько человек, и трупы их оставались в бараке до утра. А утром являлся французский сержант и злорадно вопрошал: «Сколько большевиков сегодня капут?». К июню 1919 года на Мудьюге уже выросло более ста могильных крестов, под которыми было немало коллективных захоронений. Союзническая контрразведка сообщала в следственную комиссию списки скончавшихся узников. В архиве сохранились некоторые из этих списков. Так, лишь в течение недели (март 1919 г.) за подписью сотрудника контрразведки, уже упомянутого французского лейтенанта Э. Бо было отправлено три списка умерших, точнее – замученных на Мудьюге, числом 22 человека [см.: ГАРФ. Ф. 3691. Оп. 1. Д. 103. Ш1. 59, 251, 260]. 24 апреля тот же лейтенант Бо сообщал о переводе с Мудьюга в тюрьму на Кегостров 26 тяжелобольных арестантов, 9 мая – ещё 15 узников

[там же. ЛЛ. 401, 405]. Фабрика смерти на Мудьюге под французским флагом исправно умерщвляла и калечила сотни людей.

Весть о злодеяниях на Мудьюге, о разразившейся там эпидемии тифа, перекинувшейся в места заключения в Архангельске, вызвала бурю среди населения и особенно в рядах оппозиции. В марте 1919 года на заседании городской думы председатель губпрофсоюза М. И. Бечин открыто обвинил режим и его иноземных заступников в том, что они «взрастили» эпидемию тифа. «Эпидемии болезни, – заявил он, – предшествовала эпидемия арестов, которая разрослась до размеров общественного бедствия». Он потребовал немедленного лечения, чтобы «вырвать болезнь с корнем» [Голдин В. И. Указ. соч. С. 129–130]. И за честно сказанную правду Бечин и некоторые его единомышленники оказались... на Мудьюге.

Вторично гневный голос протеста общественности против того, что творилось на острове, прозвучал в заявлении Архангельского совета профсоюзов (август 1919 г.). «Трудно удержаться, – заявлял совет, стоявший, напомним, на антибольшевистских позициях, – не указав несколькими словами на образцы худшего применения средневековой инквизиции на Мудьюге. Люди, названные военнопленными, доводились до крайних пределов голода: как голодные псы, бросались, хватая обглоданные администрацией тюрьмы кости, зная вперёд, что они будут стоять побоев прикладами, карцера и т. д. Организм заточённых был доведён от голода до состояния, когда незначительное дуновение ветра валило их с ног, что почиталось симуляцией, и потому на несчастных снова сыпались побои. Естественно, что в такой обстановке создавалась почва для всяких заболеваний, впоследствии перешедших в эпидемию. Больница была, но эта больница представляла собой мёртвый дом. Температура в этом доме стояла ниже нуля на 12 градусов. Каждый больной, которого туда клали, обрекался на верную и неминуемую смерть: тяжелобольные, которых выносили в бессознательном состоянии из общего барака, отмораживали конечности и замерзали. Наконец, на Мудьюге началась эпидемия сыпного тифа... Сыпнотифозные заболевали и умирали в общих бараках, создавая кошмарную обстановку: целые ночи в общих переполненных бараках, где на всё здание горела маленькая керосиновая лампочка, раздавались стоны умирающих, перемешиваясь со смехом, плачем, расхаживанием и жестикуляцией в бреде больных. Тиф из Мудьюга был перенесён в город, и только здесь раскрыли первоисточник и обратили внимание на ужасное состояние больных. Из заточённых на Мудьюге более 50 % расстались с жизнью, многие сошли с ума. Сказанное с поразительной правдивостью показывает, как смотрели на человека-гражданина, как относились и во что ставили личность его» [Минц И. Указ. соч. Приложение документов. С. 247].

Наконец, предоставим слово бывшему «министру» внутренних дел в период правления генерала Миллера, увидевшему ужас Мудью-

га собственными глазами. Уже в 1922 году он, не обременённый одиозной должностью, рассказал подлинную правду о том, что увидел. «Не довольствуясь тюрьмой в Архангельске, контрразведка (союзников. – П.Г.) образовала концентрационный лагерь-тюрьму на острове Мудьюг, в Белом море, куда въезд для россиян воспрещался; в этом лагере начальство – комендант и его помощник – были французскими офицерами, причём первый служил перед этим по тюремному делу в какой-то колонии, где приобрёл навык в обработке туземцев. Эти же навыки он привёз и на Мудьюг. Слухи о порядке там ширились в городе, волновали население. Туда отправляли всех тех, арест которых контрразведка хотела скрыть от русских властей. Кормили там впроголодь, смертность была потрясающей... Их (узников) измождённый вид, громадный процент в цинге (помещения для них в специальных бараках не хватало, и в числе «здоровых» я нашёл арестованных с цингой, впившейся уже в гангрену ног), в тифу, а через проволоку, шагах в 50 от бараков, я насчитал 78 могильных крестов, что для общего количества арестованных в 200–300 человек даёт хороший процент смертей». Карцеры холодные – в простых погребах. «Больница была такова, что член Онежской земской управы Душин, лежавший в ней в тифу, отморозил себе все пальцы на ногах... Общее впечатление было потрясающее – живые мертвецы, ждущие своей очереди» [Игнатъев В. И. Некоторые факты и итоги четырёх лет Гражданской войны (1917–1921 гг.). – М. 1922. Ч. 1. С. 45].

Вот чем обернулось для северян обещание генерала Пуля от имени союзников обеспечить на захваченной ими территории «торжество права и справедливости». Предчувствуя свой близкий уход с Севера, интервенты постепенно утратили интерес к Мудьюгу и решили передать его в распоряжение диктатора Миллера. 2 июня 1919 года правительство приняло решение «образовать ссыльно-каторжную тюрьму на острове Мудьюг» [Вестник ВПСО, 4 июня 1919 г.]. И на остров пришли доморощенные палачи, чтобы продолжить преступление своих хозяев.

Власть и народ при оккупации края

Высадка в Архангельске иностранных войск, появление самозванной власти в виде «Верховного управления», введение интервентами военного положения, запрет митингов и собраний, повальные аресты «неблагонадёжных элементов», среди которых оказалось много профсоюзных активистов, в том числе председатель совета профсоюзов Н. В. Левачев и секретарь совета А. П. Диатолович, вызвали в рабочей среде бурное негодование. Уже 2–3 августа 1918 года прошли экстренные собрания представителей правлений 17 профсоюзов города в присутствии министра труда эсера М. А. Лихача. В принятой

резолуции делегаты заявили: совет профсоюзов «твёрдо будет стоять исключительно на классовой точке зрения пролетариата». Делегаты потребовали освобождения арестованных товарищей, а также «немедленного разоружения тех элементов, на которые рабочий класс положиться не может (имелись в виду мятежные отряды Чаплина и пр. – П.Г.)» [Овсянкин Е. И. Архангельск в годы революции и военной интервенции. 1917–1920. Архангельск. 1987. С. 142–143]. Многие профсоюзы по отдельности выступили в том же духе. Вырвавшийся из тюрьмы Левачев на собрании представителей профсоюзов и в обращении к рабочим лесозаводов призывал: «Медлить нельзя, промедление смерти подобно. Необходимо как можно скорее опомниться от нанесённого нам удара, как можно скорее сплотиться и взять на себя работу по организации рабочего класса... дать должный отпор зарвавшимся капиталистам» [там же. С. 144]. В рабочей среде вполне осознали, что первые 10 «декретов» самозванного правительства Н. В. Чайковского означают реставрацию буржуазных порядков, ликвидацию завоеваний, которые дала рабочему человеку революция.

Напряжение в рабочей среде усиливалось. 7 августа состоялось многотысячное собрание рабочих и служащих 18 лесозаводов Маймаксы. Выступивший на нём председатель совета профсоюзов Левачев (заметим – не большевик) с гневом заявил: «Не успели просохнуть афиши, в которых новое правительство гарантировало рабочим свободу слова, печати, собраний и союзов, как появились приказы, отменяющие все обещанные свободы». В принятом собранием постановлении была ещё раз подтверждена воля рабочих: «Оставаться на своих классовых позициях борьбы с капиталом... Ни в коем случае не отступать и не отдавать обратно завоеванных в тяжёлой и упорной борьбе прав и улучшений... Со всякой властью, которая будет посягать на нашу свободу и права, будем бороться всеми имеющимися у нас средствами... Ни один гражданин не может быть арестован за принадлежность к той или иной политической партии... Работники профсоюзного движения, независимо от принадлежности к политической партии, арестованные по распоряжению Верховного управления Северной области, должны быть освобождены» [Овсянкин Е. И. Указ. соч. С. 145].

Чайковцы в согласии с союзными властями немедленно отреагировали на требования рабочих. Левачев и другие профсоюзные активисты были арестованы, гонения на рабочие организации усилились. Запрет генерала Пуля на проведение митингов и собраний всё более ужесточался. Была закрыта общегородская больничная касса, которой пользовалось более 16 тыс. её членов. «Для нас также не тайна, – писала в связи с этим газета профсоюзов Архангельска «Рабочий Севера», – что всеми доступными средствами предприниматели стараются разбить сплочённые ряды рабочих и привести их в состояние дореволюционного времени» [Рабочий Севера, 5 января 1919 г., Архангельск]. Сама газета была буквально затравлена прави-

тельственной цензурой. Так, в № 1 за 1919 год было 15 зияющих пробелов от руки цензора, в № 2 – 7 пробелов и т. д. За 7 месяцев оккупации удалось выпустить всего лишь 12 номеров газеты, и в феврале 1919 года она была задрана. В последнем номере редакция, указав на чинившиеся ей всяческие препятствия, сообщала: «Ныне, выпускаемая № 7(12) «Рабочего Севера», редакция с грустью доводит до сведения читателей, что по не зависящим от редакции обстоятельствам она издание газеты вынуждена прекратить».

Желая устрашить противников оккупационного режима, союзные власти и подконтрольное им марионеточное правительство всё шире пускали в ход машину террора, чиня насилия, аресты, расстрелы. Из тех жертв террора, которые стали известны общественности, в числе первых были руководители Кемского Совета Р. С. Вицуп, А. А. Каменев и П. Н. Мальшев, их ещё в июле 1918 года интервенты расстреляли на борту английского военного корабля. Затем режим расправился с большевиками Кандалакши Л. Н. Комлевым, И. О. Лойко, В. Сободем и другими патриотами. 3 ноября во дворе архангельской тюрьмы смертный приговор был приведён в исполнение над командиром красноармейского отряда С. Ларионовым, комиссаром В. Шурыгиным, красноармейцами М. Георгиевским, Я. Якубчиком, И. Комаровым и И. Дьячковым. Их трупы отвезли за город на Мхи, ставшие затем братской могилой патриотов. В середине декабря при участии английских карателей были расстреляны 13 участников восстания в Архангелогородском полку, о чём рассказал в своих воспоминаниях генерал Марушевский, руководивший расправой.

С середины декабря правительственный «Вестник» начал печатать длинные списки дел, поступавших в Особый военный и военно-окружной суды, и крайне жестокие приговоры по ним. Режим демонстративно показывал своим противникам тяжёлый кулак для устрашения. С назначением 15 января 1919 года генерала Е. К. Миллера генерал-губернатором (точнее – диктатором) машина репрессий заработала со всё большим ускорением. Так, 18 января военно-окружной суд приговорил шестерых матросов эскадренного миноносца «Бесстрашный», протестовавших против ареста своего товарища, к дисциплинарным частям (штрафбату) сроком от 1 до 6 лет, а солдата Архангелогородского драгунского полуэскадрона Ф. Нечаева за уклонение от воинской службы – к каторге на 6 лет с лишением всех прав состояния [см.: Вестник Вестник правительства Северной области (далее – ВПСО), 15 марта 1919 г.]. Только в одном номере «Вестника» военно-окружной суд сообщал, что им назначены к рассмотрению: на 20 марта – 20 дел, на 24 марта – 5 и на 25 марта – 7 дел [там же]. Конвейер набирал обороты. В дальнейшем драконовские приказы Миллера, приговоры военных судов о расстрелах, ссылках на каторгу, заключении в концлагеря и тюрьмы заняли главенствующее место на страницах официального органа правительства. Таким

способом власти стремились подавить нараставшее в массах сопротивление оккупационному режиму.

Но оно подспудно и неудержимо накапливалось и прорвалось наружу в связи с празднованием годовщины Февральской революции. 12 марта на судоремонтном заводе Архангельска состоялось торжественное собрание, организованное по решению совета профсоюзов. В присутствии более тысячи рабочих и служащих с уничтожающей критикой правительства выступили председатель совета профсоюзов меньшевик М. И. Бечин, а также профсоюзные активисты Ф. И. Наволочный, К. Н. Клюев, С. М. Цейтлин, Г. В. Успенский и другие. В частности, Бечин под бурное одобрение присутствовавших заявил: «Советская власть есть естественная и единственная защитница рабочего класса», а правительство «держится лишь при помощи заморских гостей» [Голдин В. И. Указ. соч. С. 130]. Вечером того же дня состоялось торжественное заседание городской думы. Выступившие на нём представители оппозиции снова подвергли марионеточное правительство беспощадной критике за попрание прав и свобод граждан, за возвращение старорежимных порядков.

Недовольство вылилось наружу и на Мурмане. Политические выступления прошли в Мурманске, Кандалакше, Александровске. Рабочие Мурманского порта и плавмастерской «Ксения» в своих выступлениях провозглашали лозунги: «Долой северное правительство!», «Долой генерал-губернатора!», «Да здравствует Российская федеративная республика!» [см.: Киселев А. А., Климов Ю. Н. Указ. соч. С. 181].

Происшедшие события вызвали приступ ярости в правящих кругах. Генерал Миллер распорядился учинить над «бунтовщиками» показательный процесс в особом военном суде. Подсудимые Бечин, Клюев, Наволочный и Цейтлин были приговорены к 15 годам каторги каждый. Обвинитель на суде, главный военно-полевой прокурор Добровольский, позже вспоминал: «На меня процесс произвёл тяжёлое впечатление: я осознал ту пропасть, которая лежала между классовым мировоззрением рабочей среды и национально-патриотическими (читай – прорежимными. – П.Г.) кругами общества» [Белый Север... Вып. 2. С. 47]. Прокурора устрасил «столь резкий политический сдвиг влево», и он предрёк вспышку борьбы против режима с новой силой. И не ошибся.

В те же дни последовали репрессии и на Мурмане. «Мурманский вестник» сообщал об аресте «большевиков» с плавмастерской «Ксения» А. Соловьёва, К. Михайлова, А. Ляковского и А. Попоценко. О других арестах газета умолчала. Генерал Мейнард и помощник генерал-губернатора на Мурмане В. В. Ермолов пригрозили «бунтовщикам» жестокими карами.

Диктатор Миллер телеграфировал в Омск правительству Колчака: «Часть руководителей профсоюзов в марте с. г. были арестованы

как изблiчённыe в деятельности большевистско-коммунистического характера. Некоторые из арестованных по приговорам особого военного суда были казнены, остальные в ближайшее время предстанут перед военно-окружным судом» [ГАРФ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 16. Л. 8].

После мартовского кризиса юстиция режима напоминала злого пса, сорвавшегося с цепи. Облавы, аресты, суды, приговоры хлынули лавиной. Начальник милиции Соломбалы доносил по инстанциям: «Ночью в Соломбале ... производились массовые обыски по ордерам контрразведки. Обыски производились чинами контрразведки при содействии вверенной мне части и союзных войск». 22–23 марта вылавливали «большевиков» в воинских частях. На следующий день арестованные солдаты Т. Глухов, П. Шереметьев, Г. Сывороткин и С. Глазков по приговору особого военного суда были расстреляны [см.: Голдин В. И. Указ. соч. С. 195–196]. Как сообщал правительственный «Вестник», 24 и 26 марта, 5 и 6 апреля были приведены в исполнение приговоры военного суда более чем над 20 гражданами, стоявшими, по выражению газеты, на стороне Советской власти [см.: Вестник ВУСО, 15 апреля 1919 г.]. Далее сообщения «Вестника» о приговорах военных судов и приказах Миллера-Марушевского об их утверждении следовали один за другим:

17 апреля – приказ Марушевского об утверждении приговора особого военного суда о расстреле военнослужащих П. Аншукова, Р. Печенина и А. Богданова «за покушение на предание неприятелю г. Архангельска и находящихся в нём войсковых частей и за шпионство». Тут же – приговор особого военного суда о присуждении к смертной казни «через расстреляние» военнослужащих Власова, Квитко, Дегтева, Трубина, Сирина и Юргина, а Гусева – к 4 годам каторжных работ. Оба приговора приведены в исполнение.

24 апреля – сообщение о расстреле десяти человек, «приговорённых к смертной казни за измену и шпионство».

27 апреля – 9 приказов Миллера об арестах, заключении в тюрьму и ссылке целого ряда лиц «за действия, угрожающие государственному порядку и общественному спокойствию».

6 мая – снова 9 приказов главкома Марушевского об утверждении приговоров особого военного суда, предусматривавших различные наказания осуждённым, в том числе смертную казнь и каторжные работы до 12 лет. В частности, к расстрелу были приговорены красноармейцы М. Зыков, А. Горохов, И. Увечнов – за покушение на трёх шотландских военнослужащих и солдат, Н. Розанов – «за шпионство», солдат славяно-британского легиона Ф. Сметанин – за покушение на английского капрала. Солдат того же легиона В. Костылев приговорён к одному году тюрьмы «за возбуждение вражды между отдельными классами населения». Приговоры были приведены в исполнение.

21 мая – приказы генерала Марушевского об утверждении 9 приговоров Военно-окружного суда.

31 мая – постановление начальника военно-регистрационной службы полковника Рындина о наказании шести граждан за неисполнение требований о регистрации (заключение в тюрьму на три месяца, штраф 3 тыс. руб.).

24 июня – приказы Марушевского об утверждении судебных приговоров: отдаче в арестантские исправительные отделения на 2,5 года прапорщика Лебедева за неисполнение приказов командования; солдата Архангелогородского полка Батаргина – на четыре года каторги за самовольную отлучку; гражданина П. Мальцева – к расстрелу (заменён 15 годами каторжных работ) за организацию строительства оборонительных укреплений против союзников на Мудьюге (припомнили и это) и за службу в Красной Армии; солдата Архангелогородского полка А. Лупачева – к четырём годам каторги за самовольное оставление части.

1 июля – ряд приговоров Особого военного суда: 1) солдату артдивизиона И. Беганцеву – к расстрелу «за участие в покушении на предание неприятелю г. Архангельска и находящихся в нём воинских частей и за шпионство»; 2) красноармейцам 1-го Архангельского партизанского отряда – С. Соболеву, А. Завьялову, И. Кузнецову, Ю. Маразасу, А. Нелюбовичу, М. Базанову, П. Макунину, С. Тулину – к расстрелу; Г. Ермолину и И. Якушкину – по 15 лет каторги за участие в партизанском движении; 3) патриотам-подпольщикам С. Закемовскому, Д. Анисимову, А. Матисон, К. Блезниной, К. Теснанову, Ф. Антину, Я. Розенбергу и Д. Прокошеву – к расстрелу; И. Шпаковскому и М. Леденеву – по 15 лет каторги; А. Индриксону и А. Яковлевой – по 12 лет каторжных работ; А. Матисон смертная казнь заменена бессрочной каторгой; всем по этому делу – «за содействие неприятелю в его враждебных действиях путём агитации в пользу Советской власти и подготовку вооружённого выступления для предания неприятелю г. Архангельска и находящихся в нём войск»; 4) солдатам: А. Шиловскому – к расстрелу, Л. Костовецкому – к 12 годам каторги за покушение на военнослужащих союзных войск.

19 августа – приказы Марушевского, утверждавшего приговоры особого военного суда матросам, солдатам и гражданским лицам, в том числе 9 из них – к смертной казни, трём – к 15 годам каторги, одному – к 8 годам каторги. Девятку, приговорённую к расстрелу, составляли матросы, участвовавшие 1 августа 1918 года в потоплении в устье Северной Двины ледоколов «Святогор» и «Микула Селянинович» с целью заграждения фарватера для кораблей интервентов и в обстреле их аэроплана. Это были А. Терехин, П. Даниленко, В. Ларинов, А. Бабурин, П. Панченко, А. Маковьяк, И. Бакулич, Я. Павлюченко и К. Лемешко. Герои-патриоты, ставшие на защиту родной земли от нашествия иноземцев, пали от рук предателей России. Оргия расправ диктатуры Миллера над своими противниками ещё более усилилась на последнем этапе её существования.

Убедившись, что в тисках всё ужесточавшейся военной диктатуры нет элементарных условий для защиты прав рабочих, профсоюзы Архангельска в сентябре 1919 года решили прекратить свою деятельность. Их мотивировка была пощёщиной режиму: «В связи с отсутствием гарантий нормального существования профсоюзов» [Вестник ВУСО, 16 октября 1919 г.].

А как сложились взаимоотношения между режимом и предпринимателями? Уже отмечалось, что правительство, придя к власти, горой встало на защиту интересов торгово-промышленных и финансовых дельцов, вернуло им национализированную собственность и открыто держало их сторону в постоянных конфликтах с рабочими. Оно рассчитывало получить от предпринимателей всестороннюю поддержку, но во многом ошиблось. Миллер, как отмечено, оценил их позицию как «безразличную». Правительство объявило кампанию подписки на заём «Доверие» под лозунгом «защиты Отечества». Но местные толстосумы раскошелиться не пожелали. Ещё раз подтвердилось, что у крупного капитала нет отечества, а есть один бог – максимальная нажива. Рука об руку с заморскими дельцами они ринулись к ограблению богатств Севера и сбыту их за границу, чтобы получить заветную максимальную прибыль.

Как сообщал в марте 1919 года Чайковскому в Париж «министр» торговли и промышленности Н. В. Мефодиев (выдвиженец крупного капитала в правительстве), только за навигацию 1918 года из Архангельска ушло с грузами в союзные страны 57 пароходов и 4 парусника с пиломатериалами, фанерой, пушшиной, куделями льна и пеньки, марганцевой рудой, смолой и т. п. При этом в Англию было направлено грузов на 2 793 700 английских фунтов, в США – на 679 600 фунтов, во Францию – на 821 300 фунтов стерлингов. «Итого по компенсационным обязательствам, – говорилось в телеграмме, – погружено в союзные страны (товаров) на приблизительную стоимость 4 294 700 английских фунтов». Кроме того, частные экспортёры под валютные обязательства союзников вывезли материалов на 909 700 английских фунтов [см.: ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 44. Л. 52]. В пересчёте на российские денежные знаки это составило свыше 150 млн рублей. Если к ним приплюсовать стоимость товаров, вывезенных в навигацию 1919 года на сумму 48 млн руб., то получается удручающий итог в 200 млн руб. [см.: Минц И. Указ. соч. С. 138–140]. На такую сумму союзники при полном содействии марионеточной власти и местных дельцов ограбили богатства Севера.

Но в ажиотаже грабежа «хозяева» Севера не разобрались, с кем имеют дело. Хищные иностранные дельцы, навывадав им пустых бумажек в виде компенсационных обязательств, когда дело дошло до оплаты вывезенных богатств, объявили, что вывезены они в счёт погашения долгов России за военные поставки. Вот уж поистине: продавали – веселились, подсчитали – прослезались. Как сообщал

отдел иностранных дел правительства Северной области в штаб генерала Деникина, «всё, что имелось в Архангельске на складах, и всё, что могло интересовать иностранцев, было ими вывезено в минувшем году почти безвалютно» [там же. С. 138].

Теперь об отношении к власти крестьянства – самой многочисленной группы населения области. Деревня отнеслась к новой власти по-крестьянски мудро, то есть выжидательно: дескать, поживём – увидим. И только зажиточные верхи приветствовали переворот и даже кое-где сформировали в его поддержку свои партизанские отряды (шенкурский, тарасовский).

Однако миражи о дармовых заморских пайках и вольготной жизни при оккупантах быстро рассеялись. Самозванная власть, свалившаяся на обывателей как снег на голову, первым делом пожелала создать свою собственную опору.

Главком Чаплин сразу же бросил клич – записываться добровольцами в «Северную армию». Генерал Пуль, видимо, не веря в затею Чаплина, призвал северян вступать в славяно-британский легион, обещая золотые горы. Но сразу предупреждал: «Дисциплина – британской армии. Полковые комитеты не допускаются». Это был обычный колонизаторский приём: создать туземную вооружённую силу, в которой солдаты – русские, а офицеры и власть – британские. Мобилизация в армию производилась главным образом из деревни, мужчин пяти возрастов, то есть наиболее активных работников, это ставило крестьянские хозяйства в крайне тяжёлое положение.

Но этим их беды не ограничились. Чашу крестьянского терпения переполняли постоянные реквизиции, которыми режим буквально душил деревню. Особенно тягостной была гужевая повинность. При бездорожье и большой растянутости фронта она приобретала для властей чрезвычайное значение, поэтому генерал-губернатор Миллер 13 февраля 1919 года распорядился: жителям «по первому требованию чинов милиции и лиц, уполномоченных на это военными властями или волостными земельными управами, выставлять на указанные ими пункты подводы с проводниками» [там же. 15 февраля 1919 г.]. Ослушникам грозил штраф в 3 тыс. руб. или тюремное заключение сроком на 3 месяца. Это означало для хозяйства изъятие на длительное время, а может и навсегда, работника с лошадью и повозкой. Находилось немало тех, кто шёл на риск и уклонялся от повинности. В ответ следовали новые приказы – предавать их суду «за неподчинение властям».

Наряду с гужевой повинностью, ещё в октябре 1918 года была объявлена реквизиция лошадей «для нужд армии». Но и она зачастую не исполнялась. В связи с этим генерал Миллер в разгар летних полевых работ 1919 года издал приказ: «Ввиду неоднократных случаев недоставки владельцами лошадей в назначенное время на сгонные пункты» виновных подвергать денежному штрафу или заключению

в тюрьму на три месяца [там же. 16 июля 1919 г.]. Затем последовал приказ населению сдавать для нужд армии шубы, шапки, шинели, брюки, мундиры, одеяла и другие вещи [там же. 7 декабря 1919 г.]. И снова неповинующимся грозили карами. Настроение крестьян становилось всё более мрачным и непредсказуемым. Оно быстро передавалось в армию.

В результате согнанные на фронт во имя возвращения власти помещиков и капиталистов, крестьяне не пожелали реставрации проклятого прошлого и, в конечном итоге, либо перешли на сторону «красных», либо разошлись по домам. Именно это стало глубинной причиной краха «белого» движения. «Военный капитализм» со всеми его жестокостями не только не предотвратил этот крах, но ускорил его.

Возмущение населения в тылу и восстания в войсках

Теперь – о судьбе «Северной армии» Чайковского-Миллера. Она может служить наглядной иллюстрацией того, о чём уже было сказано. После объявленной мобилизации пяти возрастов дела с набором обстоятеля весьма плачевно. На конец 1918 года, по признанию командующего «Северной армией» генерала Марушевского, «русские силы фактически ещё были в зачатке, кроме отобилизованного батальона, небоеспособного и нетвёрдого по духу» [Белое дело. Берлин. 1926. Т. 1. С. 44]. Причина крылась в массовом уклонении от призыва. Поэтому Марушевский и его штаб один за другим издавали грозные приказы, требуя «исполнения долга». В одном, подписанном лично Марушевским, указывалось: «Никаких изъятий по званию и роду занятий, а также отсрочек по семейному и имущественному положению никому предоставляться не будет» [Вестник ВПСО, 3 января 1919 г.]. Против «саботажников» пошли в ход репрессии – аресты, военные суды, внесудебные высылки в каторжные места и прочие «вразумительные» меры.

В результате весной 1919 года в казармы удалось загнать более 15 тыс. человек (по данным того же Марушевского). Летом «Северная армия» увеличилась, согласно официальным интендантским сводкам, до 50 тыс. человек. Но лишь меньшая часть из них находилась в окопах, остальные предпочитали осесть в тыловых учреждениях. Солдаты в своей массе не желали рисковать жизнью и умирать неизвестно во имя чего. Из деревни приходили вести одна хуже другой: семьи бедствовали, хозяйство разорялось. Недовольство в солдатской среде копилось.

Положение в частях марионеточной армии находилось под повседневным и жёстким контролем союзного командования. Так, 12 ноября 1918 года замещавший уехавшего в Англию Пуля главнокомандующий вооружёнными силами союзников созвал офицеров,

врачей и чиновников «Северной армии», чтобы дать им наставление. Война с Германией только что закончилась. «Теперь, – заявил командующий, – цель союзников – навести порядок в России». И главная задача – создание русской армии. На первом плане, заявил он, дисциплина, комитеты недопустимы. «Также недопустимо, чтобы солдаты имели право высказывать своё мнение и решение о том, что они желают или не желают делать». В армии – никакой политики. Он пообещал, что вместе с генералом Пулем примет «все меры к тому, чтобы этого явления не было» [там же. 16 ноября 1918 г.]. Собравшимся дали чётко понять, кто заправляет «Северной армией». Временный командующий вместе с тем сообщил, «что уже возникли трения» между офицерами-добровольцами и теми, кто призван по мобилизации. Это была первая трещина, предвещавшая впереди глубокий разлом.

Уже в декабре 1918 года для правительства Чайковского прозвучал первый сигнал тревоги: вспыхнул бунт солдат в Архангелогородском полку, стоявшем под носом у правительства. Причина – нежелание идти на фронт. В окнах казарм появились красные флаги в знак отказа солдат воевать против «красных». Взъярилась власть, переполошились союзники. По приказу Марушевского «мятежники» подверглись обстрелу из бомбомётов и пулемётов. Бунт, по выражению генерала, был «пресечён». Роты выстроили на плацу, и Марушевский потребовал выдать зачинщиков, «а если роты таковых выдавать не будут – взять каждого десятого человека по шеренгам и расстрелять на месте». 13 человек выдали. Под конвоем взвода англичан их вывели к месту казни и тут же расстреляли. Без суда [см.: Белое дело... Т. 1. С. 52]. 2-ю и 3-ю роты обезоружили и заперли в барак под охраной английского караула.

В мае 1919 года вспыхнули серьёзные волнения во фронтовых частях: первое – в 3-м полку в Тулгасе, второе – в 8-м полку в Пинеге. Воинствующий пыл командующего заметно угас, и он вынужден был признать: «Если союзные войска будут отозваны, наша молодая армия, лишённая к тому же и материальной поддержки в виде иностранного пайка, муки и т. д., не устоит» [Белое дело... Т. 2. С. 55, 57]. На этот раз мятежников с помощью союзнических войск удалось укротить, отдав многих зачинщиков в руки военно-полевых судов. Но ненадолго.

Не добавляло оптимизма и настроение в войсках союзников. Весной 1919 года взбунтовались солдаты двух американских частей, требуя отправки домой. Зачинщиков схватили, но судить не рискнули, боясь возмущения американской общественности. И, опасаясь худшего, американское командование во главе с генералом Ричардсоном с весны начало постепенную эвакуацию своих войск. Настроение у французов и англичан было не лучше: для солдат война на далёком Севере давно стала бессмысленной и безнадёжной. Генерал Миллер в начале апреля 1919 года телеграфировал в Париж: «Благодаря не-

устойчивому политическому курсу в Европе и Америке (имелась в виду колеблющаяся позиция правящих кругов Запада под давлением общественности этих стран по вопросу продолжения интервенции. – П.Г.) американские войска к бою не готовы. Французские войска устали и деморализованы, англичане кое-как держатся... Если союзники будут отозваны, как это американцы уже делают, дело будет проиграно» [ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 44. Л. 59 об.].

Мрачные предчувствия генерала-диктатора вскоре оправдались. В июле по фронту прокатилась новая, ещё более грозная волна антиправительственных выступлений. Восстали солдаты одного из батальонов Дайеровского полка, сформированного по инициативе главкома войск интервентов генерала Айронсайда из пленных красноармейцев и заключённых. По свидетельству Марушевского, восставшие перебили офицеров, в том числе нескольких англичан, и перешли к «красным». 6 июля то же произошло и в славяно-британском легионе, который по замыслу британских генералов должен был стать верным стражем оккупационного режима. Восставшие солдаты напали на офицерские казармы, расстреляли семерых ненавистных командиров (в том числе троих англичан) и с ротой своих сторонников ушли к большевикам. Миллер разослал списки восставших с приказом – при первой возможности арестовать их и предать военно-полевому суду [см.: Вестник ВПСО, 23 сентября 1919 г.].

Волнения перекинулись в 4-й полк, но их удалось подавить. 11 человек были расстреляны, часть заточена в тюрьму, остальных согнали в рабочий батальон с драконовским режимом [см.: Голдин В. И. Указ. соч. С. 149]. Не успели генералы прийти в себя, как вспыхнуло грозное восстание в 5-м полку в с. Чекуево. Командир полка и часть его штаба были арестованы и отправлены на советскую сторону в Вологду. «5-й полк, – писал генерал Марушевский, – перестал существовать». Онежский фронт рухнул. На следующий день, 22 июля, восстал 6-й полк на железнодорожном фронте. Часть восставших перешла на советскую сторону, остальных, при помощи англичан, удалось обезоружить, активистов арестовали, четверых расстреляли [там же].

Неистовствовал главком войск интервентов генерал Айронсайд, окончательно убедившийся, что все его труды по сколачиванию «туземной» армии пропали даром. В интервью корреспондентам газет он раздражённо заявил: «Мы не понимаем русских. Скоро год, как мы на севере России... Мы хотели помочь вашей борьбе против большевиков... И, однако, что же мы видим? Русские не хотят сражаться. Всюду на позициях стоим мы, а те, что есть, бунтуют, организовывают восстания, и мы должны эти восстания подавлять. Это бесполезная затея, которая дорого стоит королевскому правительству. Я ездил в Лондон с подробным докладом, и решён окончательно и бесповоротно увод наших войск из России. К тому же этого требуют наши рабочие» [Мельгунов С. П. Н. В. Чайковский в годы Гражданской войны... С. 215].

На «окончательное и бесповоротное» решение союзников уйти с Севера повлиял провал предпринятого ими летом 1919 года наступления на Котлас с целью соединения с войсками Колчака. Наступление, имевшее поначалу некоторый успех, вскоре захлебнулось. Сказались низкий моральный дух наступающих, стойкое сопротивление советских войск, но главное – вести о поражении армий Колчака, безостановочно откатывавшихся на восток под ударами Красной Армии. Догнать их, даже при самом успешном наступлении воинства Айронсайда, было уже невозможно. Главная идея вторжения союзников на Север, сформулированная в их совместной ноте № 31, лопнула.

Теперь пришлось думать о том, как побыстрее упаковать чемоданы и бесславно отплыть домой. Чёрные дни надвигались для маршноточного режима. Предстоявший уход союзников повергал его в шок. Противостоять советским войскам в одиночку, без поддержки оккупантов, при разлагающейся собственной армии и быстро накалявшейся атмосфере в тылу, было делом безнадёжным.

Главком войск союзников Айронсайд в беседе с генералом Марушевским ещё в июле 1919 года на вопрос собеседника, что будет с Северной областью после ухода союзников, ответил напрямик: «Ну, конечно, вслед за нами придут большевики» [см.: Архив русской революции. М. 1991. Т. 9–10. С. 15]. Это повергало правителей Севера в ужас. Что делать? Бежать вместе с союзниками или оставаться на месте до конца? У диктатора Миллера ещё оставалась надежда, что выручит наступление Деникина на Москву. Оно в это время было в самом разгаре. «Я полагаю, – сообщал Миллер Юденичу в августе 1919 года, – если есть твёрдая уверенность, что власть большевиков будет сломлена до наступления зимы наступлением вашим, Колчака, Деникина, и вследствие внутреннего разложения, то нам нужно оставаться здесь до последнего...» [ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 44. ЛЛ. 183–183 об.]. И режим Миллера, как зверь, попавший в западню, решил защищаться «до последнего».

Уход союзников. Агония диктатуры генерала Миллера

В августе 1919 года правящий режим Северной области вступил в полосу нового, ещё более глубокого политического кризиса. Между ним и основной массой населения пролегла глубочайшая пропасть. В ответ на реакционную, репрессивную политику власти к ней повернулись спиной рабочие, негодовали и возмущались недавними расправами солдаты армии, на пределе напряжения от поборов и экзекуций была деревня. Выражая общее настроение, совет профсоюзов Архангельска в августе 1919 года заявил: «Власть, которая взяла на себя управление областью, оказалась неспособной понять политическую обстановку – она подходила к созданию области старыми,

испытанными во времена царизма методами. Установилась невероятная политическая нетерпимость. Люди, активно боровшиеся с большевизмом, и те, которые путём горького опыта пришли к пониманию государственности, были без всякого разбора взяты под подозрение: по простым доносам черносотенцев бросались в тюрьмы, и над ними творилась расправа путём заточения на Мудьюге... В Северной области отныне не должно быть правительства, не опирающегося на доверие народа, правительства безответственного, случайного» [Миц И. Указ. соч. Приложение документов. С. 247, 249]. Это уже было равносильно призыву: «Долой!».

Правительство понимало всю накалённость атмосферы и, боясь остаться один на один с возмущёнными массами населения, в предвидении близкого ухода войск союзников, решило прибегнуть к двуличной политике: для виду пойти на «братание» с народом, а на деле держать дубину репрессий наготове, чтобы пустить её в ход, как только это потребуется. Так родилась идея созыва земско-городского совещания будто бы для единения власти с народом. Идею «либерализации» реакционной власти Северной области подал из Парижа Чайковский. Ещё 15 марта он шлёт в Архангельск установочную телеграмму. В ней говорилось: «Европа, её общественное мнение настроены против реакционных сил в России. Поэтому надо всячески поддерживать имидж демократичности власти, привлекать общественные организации к государственной работе». Такое привлечение, подчёркивал Чайковский, следует произвести «в спешном порядке» [ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 44. Л. 39].

Правда, Миллер и его окружение с этим особо не спешили, но всё же совет Чайковского приняли, хотя и со скрежетом зубным. Накануне земско-городского совещания в правительстве произвели рокировку, из него вывели ряд одиозных фигур, в том числе генерала Марушевского, министра юстиции С. Городецкого, запятнавших себя свирепой расправой с патриотами, и заявили о готовности включить в новый состав правительства представителей земского и городского самоуправлений. В обращении «К населению области» обновлённое правительство лицемерно объявило: идём навстречу пожеланиям народа.

Но эти расчёты оправдались далеко не во всё. Речи большинства делегатов слились в один общий крик: правительство оторвано от народа, ведёт реакционную политику, жестоко преследует не только большевиков, но и всех несогласных с ним.

И всё же, несмотря на жёсткую критику режима, особенно его репрессивной политики, правительству благодаря пособничеству вождей земско-городской оппозиции удалось получить согласие на поддержку установки – сражаться до конца. Эсеровские лидеры П. П. Скоморохов и Е. В. Едовин получили в правительстве посты министров без портфелей и тут же призвали население к поддержке режима. «Все на борьбу! Все к оружию!» – взывали эти «друзья на-

рода», уверяя легковерных, будто власть большевиков в Советской России вот-вот падёт [см.: Вестник ВПСО, 27 августа 1919 г.]. Негодование населения по поводу разгула террора постарались всячески приглушить. Правда, пришлось создать комиссию по подготовке амнистии арестованных по политическим мотивам. Но и её удалось благополучно похоронить. Кадет Зубов сообщал Чайковскому в Париж: «Отрицательной работой земско-городского совещания был выдвинут вопрос об амнистии работавших в большевистских учреждениях и осуждённых за выступления против правительства и арестах лиц, кои, по сведениям военной разведки, являются опасными ввиду сочувствия большевикам».

Об амнистии правительство и не помышляло. Оно, как двуликий Янус, говорило общественности одно, а делало совсем другое. Как раз во время работы земско-городского совещания, 13 августа, втайне от общественности состоялось совещание совсем другого рода под председательством генерала Марушевского, большого мастера кровопусканий противникам режима.

Совещание разработало план грандиозной зачистки тыла от «неблагонадёжных» элементов. В докладе диктатору Миллеру, сохранившемся в архиве, совещание предложило выслать из тыла на Мудьюг, Соловецкие острова и в другие гиблые места около 4 тыс. человек, в том числе из мест заключения Архангельска – 876 человек, из ближайших окрестностей города – 249 военнопленных и бывших солдат Дайеровского дисциплинарного батальона, 240 арестованных солдат и каторжан из более отдалённых мест, около 800 бывших солдат славяно-британского легиона, а также дисциплинарных батальонов Дайера и Бэрка, находившихся в прифронтовом районе [см.: Пытылицин А. И. Указ. соч. С. 27]. Подлежавших высылке разделили на 4 категории по степени опасности для властей. «Всех лиц, заведомо опасных и неблагонадёжных, – отмечалось в докладе, – вывезти на острова Белого моря, где высланные могли бы оставаться под малочисленной охраной и не погибнуть, будучи предоставленными сами себе... Островами, пригодными для выселения на них, являются остров Анзерск и остров Кондо» [там же. С. 28]. Всех арестантов, подлежавших эвакуации, предлагалось из тюрем немедленно переправить на Мудьюг, но предварительно провести отсортировку высылаемых. В примечании к докладу указывалось: «Сортировка солдат славяно-британского легиона и военнопленных будет произведена союзным разведывательным отделом». Для ускорения сортировки режим обещал в помощь союзной контрразведке выделить своих офицеров. Начальнику губернии предписывалось срочно очистить помещения на Кондострове и острове Анзерском для приёма высылаемых.

В наступившей репрессивной лихорадке правительство сделало резкий крен в сторону подавления сопротивления оппозиции путём высылки подозреваемых в глухие, отдалённые места без суда и след-

ствия. Соблюдение хоть каких-то юридических формальностей в отношении арестованных было отброшено. Было не до того. Ещё 3 февраля 1919 года правительство приняло постановление, по которому воинские чины и лица гражданского состояния, «присутствие коих является вредным» в местностях, объявленных на военном положении, «могут быть подвергаемы аресту и высылке во внесудебном порядке в места, указанные в пункте 4 настоящего постановления». Указанный пункт гласил: «Местом высылки назначается Соловецкий монастырь или один из островов Соловецкой группы, где возможно поселение высланных» [Вестник ВПСО, 7 февраля 1919 г.]. Теперь эта установка стала главенствующей при наступлении на оппозицию.

Вести о разразившейся на Мудьюге эпидемии тифа, «подаренной» союзниками и местами заключения в Архангельске, об ужасном положении арестантов в них, о надвигавшейся новой волне репрессий, ставшие достоянием широкой общественности в связи с прошедшим земско-городским совещанием, вызвали возмущение среди населения Архангельска. Оно вылилось в массовую политическую забастовку, состоявшуюся в городе 1 сентября. Военно-полевой прокурор Добровольский вспоминал: «Прокламации стачечного комитета начинались лозунгами: «Долой Гражданскую войну!», «Долой военно-полевые суды!», «Долой смертную казнь!» и содержали в себе требования политической амнистии» [Белый Север... Вып. 2. С. 82]. В забастовке, по официальным данным, участвовали судостроительный завод, мастерские военного порта, лесозавод и несколько типографий. Диктатор Миллер в приступе ярости, обращаясь к населению, пригрозил: «Я считаю своей прямой обязанностью принять решительные меры к удалению из района армии всех лиц, поставивших целью своей деятельности нарушение порядка и правильного течения жизни в тылу нашей армии...» Всех бастующих белобилетников он приказал призвать на военную службу, а активистов забастовки – П. П. Капустина, П. Н. Комиссарова, Л. Е. Кадушкина и П. Н. Гоголева сослать в Пустозерск, в устье Печоры, а до ссылки немедленно арестовать [см.: Вестник ВПСО, 3 сентября 1919 г.]. Вслед за этим последовал приказ диктатора о ссылке 36 забастовщиков с семьями, потом, по распоряжению военно-судного отделения штаба верховного главнокомандующего, были сосланы ещё 40 организаторов забастовки [там же. 16 октября 1919 г.].

Партии арестованных гнали в переполненные тюрьмы, а оттуда переправляли в каторжные места на островах Белого моря. Напомним, вышеупомянутой комиссией Марушевского было намечено: из четырёх тысяч, подлежащих высылке из тыла, до трёх тысяч арестантов планировали направить на Мудьюг, остров Анзерский и Кондостров. Причём до 800 человек, самых опасных для власти, было решено постоянно разместить в ссыльно-каторжной тюрьме на Мудьюге, остальные 2 тыс. «выселить временно на Мудьюг, затем

на Анзерский остров под охраной», а часть («рядовые красноармейцы, большевики пассивного характера») направить на Кондостров [см.: Потылицин А. И. Указ. соч. С. 29–30]. Тюрьма на Мудьюге превращалась в настоящее столпотворение гонимых и преследуемых.

Заполучив каторжный Мудьюг от союзников в своё распоряжение, режим Миллера сразу же запустил конвейер истязаний над арестованными «в работу», благо всё для этого было подготовлено союзной администрацией. И новые хозяева тюрьмы рьяно взялись продолжать чёрные деяния своих предшественников-французов. Начальником тюрьмы поставили И. Судакова – забайкальского казака, прошедшего стажировку ещё в царские времена на Нерчинской, Читинской и других сибирских каторгах. Его жестокость была чудовищной. Каторжанин П. П. Рассказов вспоминал, как Судаков встречал прибывавших на Мудьюг: «Я вас так драть буду, что мясо клочьями полетит. Мне дана такая власть, я могу пристрелить каждого из вас и, как собаку, выбросить в лес». Комендантом острова стал капитан Прокофьев, садист ещё злее Судакова. Под их началом на Мудьюге установился абсолютно невыносимый режим пыток.

15 сентября, не выдержав нечеловеческих издевательств над собой, каторжане подняли восстание. 53 арестанта вырвались на свободу. Восставшие спилили телеграфные столбы, прервали связь с внешним миром, и часть из них на лодках, предоставленных крестьянами, заготовлявшими на острове сено, сумели бежать с Мудьюга. Но вскоре на остров явился карательный отряд, и большинство беглецов, вырвавшихся на свободу, были пойманы. По свидетельству прокурора Добровольского, 11 активистов восстания тут же расстреляли. «Во время расстрела, – вспоминал Добровольский, – они кричали: «Да здравствует советская власть!» [Белый Север... Вып. 2. С. 88].

Иоканьга и Мудьюг – предвестники Освенцима и Бухенвальда

Ссылно-каторжная тюрьма на Мудьюге, как главный пункт концентрации «врагов режима», была выведена из строя. Правительство в спешке, уже в конце сентября, взамен Мудьюга открыло новую «фабрику смерти» на Кольском полуострове, на берегу Баренцева моря, в глухом становище Иоканьга. Эта каторжная тюрьма стала такой же страшной, как и Мудьюг. Сюда-то и направили основной поток высылаемых. 15 октября генерал Миллер докладывал в Омск о «высылке на Иоканьгу свыше тысячи опасных и подозрительных элементов, а именно: всех каторжан и крупных преступников из тюрем, наиболее сомнительных дайеровцев, высланных с фронта подозрительных солдат, пленных красноармейцев и около 200 арестованных в городе матросов, рабочих и хулиганов...» Диктатор жаловался, что

при создавшемся положении «вести вооружённую борьбу на фронте и обеспечивать порядок в городе ... и возиться с земским совещанием, его вмешательством в дела управления – задача слишком сложная» [ГАРФ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 16. Л. 28]. Просил о вручении ему единоличной власти, хотя таковой фактически уже давно обладал.

Что же творилось в местах заключения Северной области при явно растерявшемся, но дико злобствовавшем режиме? Ближайший уход союзнических войск, под защитой которых он чувствовал себя в безопасности, висел над ним дамокловым мечом. Настоящее вавилонское столпотворение происходило в Архангельской губернской тюрьме. За сентябрь-декабрь 1919 года она пополнилась 1218 арестованными. За это же время из неё были эвакуированы 1318 узников, этапированных в самые отдалённые места заключения [см.: Минц И. Указ. соч. С. 191]. Начальник тюрьмы Брагин слал во все инстанции депеши в нёмыслимой перегрузке камер, а новые партии арестованных с рабочих окраин города, из уездов, с фронта продолжали прибывать. «В перегруженной тюрьме, – подтверждал прокурор Добровольский, – начался тиф, что вызвало поход на правительство социалистических элементов городской думы и осмотр тюрьмы представителями Красного Креста союзных стран, которые, однако, нашли все указания на «свирепствующий тиф» преувеличенными» [Белый Север... Вып. 2. С. 39]. Но прокурор явно солгал в угоду режиму. Его опроверг начальник канцелярии генерал-губернатора подполковник Драшусов. В письме заведующему тюремным отделом области Гумберту он писал: «При осмотре тюрьмы майор Картер был поражён тем весьма тяжёлым положением, в котором находятся в тюрьме больные арестанты. Теснота помещения, отсутствие вентиляции, отсутствие ухода за тяжелобольными и крайний недостаток необходимых лекарств, несомненно, являются для большинства больных арестантов в тюрьме условиями убийственными, притом крайне мучительными...» [там же. С. 452].

Постоянная перегрузка тюрьмы, неизбежная антисанитария, зловоние создавали кошмарную атмосферу. Заключённые разбивали стекла, чтобы вдохнуть свежего воздуха, но их, полураздетых, истощённых, разил лютый холод. Остались свидетельства тех, кто прошёл через всё это и чудом выжил. Заключённая Губанова вспоминала: «Все женщины спали на голом полу. Никаких постелей или матрацев нам не дали. Через неделю для женщин освободили мужскую переписьную камеру, и всех нас из отдельных камер перевели в неё. Здесь было ещё хуже: холод, со стен текло, спали мы все вповалку на сыром полу» [Потылицин А. И. Указ. соч. С. 22].

В переполненную губернскую тюрьму постоянно прибывали тифозные больные с Мудьюга. Упомянутая Губанова, желая облегчить свою участь, добровольно пошла обслуживать тифозных больных в тюремном лазарете. Вот что она увидела: «Жизнь в бараке была

кошмарной: больных, в большинстве еле двигавшихся, привозили каждый день целыми горами – грязных, оборванных, с бесконечным количеством вшей – и сваливали в коридоре. Покойница вся была завалена трупами, распространявшими ужасный трупный запах» [там же. С. 23–24].

Узники умирали не только в тифозном бреде и от голодного истощения, но и под пулями карателей. Расстрелы совершались как в тюремном дворе, так и на окраине города в зловещих Мхах. После освобождения Архангельска там был поставлен памятник расстрелянным патриотам. Писарь тюрьмы Кузьмин вспоминал: «Иной раз, засыпая могилы, приходилось слышать стоны. Были случаи, когда вследствие этого приходилось возвращать уже уходивший конвой для того, чтобы добить расстрелянных. Их раскапывали, и затем конвой стрелял по слуху прямо в могилу, и затем закапывали, когда стоны прекращались. Конвой в большинстве был всегда пьяным...» [там же. С. 26].

Оргия расправ царила во всей губернии, вплоть до далёкого Печорского уезда. В селе Извайли в руки карателей попали пятеро братьев Ульяшовых. Как вспоминал их односельчанин Шахов, всех их, активных сторонников Советской власти, зверски убили. Последнего, Дмитрия, председателя волисполкома, подвергли особым пыткам. Его раздели донага и опускали в прорубь реки при лютом морозе, вынимали, отхаживали и снова опускали. И так – в течение трёх дней. «Наконец, должно быть, пресытившись, Ульяшова голым, привязанным к дереву, оставили на ночь. Утром Ульяшов замёрзшим трупом был брошен в реку Ижму» [там же. С. 44]. Вот, оказывается, у кого – у карателей, подручных генерала Миллера – учились жестоким пыткам, изощрённому издевательствам над человеком гитлеровские эсэсовцы, замучившие таким способом советского генерала Д. М. Карбышева в лагере Маутхаузен!

В деревне Покшеньги Пинежского уезда арестовали несколько стариков, сыновья которых служили в Красной Армии. Их ночью погнали в Труфанову Гору, в контрразведку. 77-летний Егор Щеголихин вспоминал: «В эту ночь набили в «холодную» 24 человека. Все замёрзли, сидя без огня и хлеба. Рядом (в комендантской) были слышны песни, пляска, пьяные голоса. Затем в полночь дверь у нас открылась и пьяные песенники кричат нам: «Выходи!». Я вышел первым и сразу получил удар кулаком в лицо, потом били железными прутьями, досками, ногами, кулаками, плётками... У нас поднялся крик, стоны, все были в крови. На крик сбежалась чуть не вся деревня. Утром пришёл комендант, спросил: «Живы?» – вывел на улицу и отправил в Пинегу. До Пинеги едва дотащились, некоторые в ней и умерли».

В Яренском уезде наводил ужас отряд карателей под командой капитана Орлова. После освобождения уезда специальная комиссия насчитала до 100 расстрелянных. Многих убитых и утопленных многоводная Печора унесла в Ледовитый океан [см.: там же. С. 42].

Марионеточную власть подхлестывало к усилению террора неотвратимое приближение чёрного дня – ухода оккупационных войск союзников с Севера. И этот день наступил в конце сентября 1919 года. Почти 50-тысячная армия интервентов быстро снялась с позиций и бесславно удалилась туда, откуда прибыла. Хвастливые заявления её главкома генерала Айронсайда – взять Котлас и соединиться с Колчаком – оказались пустой бравадой. Единственное, в чём преуспел главком, это – жестокое подавление восстаний в частях «Северной армии». Видимо, за эти «заслуги» ему был присвоен титул – «барон Архангельский». Других заслуг у него не было.

Уход союзных войск, хотя об этом было заранее известно, вызвал настоящий шок в правящих кругах режима. В приказе генерала Миллера, опубликованном 25 сентября, говорилось: «Для пресечения в самом зародыше возможности всяких большевистских выступлений в связи с уходом союзников объявляю г. Архангельск на осадном положении с 6 часов вечера 26 сентября с сохранением за собою чрезвычайных полномочий коменданта укрепленного района». Диктатор нарушителям пригрозил расстрелом [см.: Вестник ВПСО, 25 сентября 1919 г.]. По свидетельству прокурора Добровольского, около 2 тыс. «надёжных» граждан были дополнительно призваны в ополчение, спешно сформировали отборную, до зубов вооружённую офицерскую роту, чтобы иметь эту преторианскую гвардию всегда под рукой.

С уходом союзных войск и глубоким кризисом в собственной армии режим обнаружил, что ему не под силу противостоять враждебно настроенным слоям населения при помощи горстки добровольцев. Пришлось волей-неволей отступить от принципа добровольчества и прибегнуть к принудительной мобилизации в ополчение всех мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, не состоявших на военной службе. Когда почва под ногами раскалилась докрасна, власти было не до классового отбора добровольцев.

Закономерно повторилось то, что уже произошло в армии. Во-первых, обнаружилось массовое уклонение от мобилизации. И тут же последовал жёсткий приказ Миллера от 22 сентября: «До сих пор многие жители г. Архангельска не явились для регистрации в Национальное ополчение во исполнение постановления Временного правительства от 18 августа и моего приказа от 21 августа за № 238». Генерал приказал лишить ослушников продовольственного пайка, а тех, кого и эта мера не вразумит, отправить в ссылку [см.: Вестник ВПСО, 24 сентября 1919 г.]. Во-вторых, когда с уходом союзных войск с позиций на их замену выдвинули добровольческие роты ополчения, то вскоре выяснилось, что сменить их мобилизованные в ополчение отказались. Это публично признал начальник ополчения генерал Савич: «Мобилизованные на фронт идти не пожелали в отличие от добровольцев, ибо они попали в ополчение после того, как их притянули туда силой... Они способны умереть от одной мысли, что могут по-

пасть на фронт» [там же]. Такие настроения, по свидетельству Савича, перекидывались на добровольцев, находившихся на фронте. Для диктаторского режима создавался порочный круг, из которого выхода не было. Расширить ряды добровольцев было уже не из кого, а поголовная мобилизация оборачивалась разложением как ополчения, так и армии.

Бессильная ярость режима всё неудержимей выливалась в необузданные террористические акции. В октябре-декабре 1919 года правительственный «Вестник» был переполнен свирепыми приказами генерала Миллера. Вот один из них: «Я, главнокомандующий всеми русскими военными силами на Северном фронте, рассмотрел дело о гражданах: Изотове А. А., Романдине К. Н., Боровикове В. Г., Панове И. Г., Коробицыне А. Н., Зимине Н. П., Корельском П. В., Оверине С. М., Костыгове Ф. М., Коптеве А. Ф., Скрыбине Ф. Ф., Кочевурове И., Поспелове М. и Горышеве А. И., усматривая из оногo, что все вышеназванные лица, как активные сторонники советской власти, являются угрожающими государственному порядку и общественной безопасности, на основании ст. 97-й пункта 4 ст. 415 Положения о полевом управлении войск, постановил: выслать всех вышеназванных лиц в становище Иоканьгу на всё время военных действий» [там же]. Для многих, попадавших в подобные приказы, «командировка» в Иоканьгу означала отправку на тот свет.

Поскольку подобные приказы имели свою отдельную нумерацию, есть основания полагать, что генерал Миллер до середины ноября издал их 118. И каждый из них – это мстительный удар по гражданам, не покорившимся марионеточному режиму. Так, только в одном номере «Вестника» за 2 ноября появилось 5 таких приказов: по первому в Иоканьгу ссылались 34 человека, по остальным четырём – 18 человек приговаривались к различным наказаниям, в том числе часть – к высылке в ту же Иоканьгу, остальные – к заключению в тюрьму на различные сроки. Мотивировкой для осуждения были обычные юридические штампы: «как активные сторонники Советской власти» или «как угрожающие государственному порядку и общественной безопасности». В номере газеты за 20 ноября – 7 приказов на 11 человек, приговаривавшихся к ссылке и различным тюремным срокам. В номере за 25 ноября – несколько таких же приказов, причём, по одному из них, 14 человек высылались в Иоканьгу. В номере за 6 декабря – новый пакет приказов, по которым 10 человек «получали» Иоканьгу, другие – различные сроки заключения. И так продолжалось вплоть до падения режима и вершилось лишь по доносам контрразведки, без лишних судебных формальностей.

Диктатор Миллер докладывал в Лондон и Париж: «Не считая возможным без сопротивления сдать Северную область большевикам, что вызвало бы сильный подъём духа большевиков и совершённое разложение наших солдат, способных в лучшем случае за-

щищать свои очаги, делаю попытку удержаться независимо от ухода англичан» [ГАРФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 44. Л. 201]. Удержаться диктатор мог только всемерным усилением террора. Самым бесчеловечным его олицетворением стала ссыльно-каторжная тюрьма в становище Иоканьга. «Режим Иоканьгской каторги, – вспоминал один из её узников В. П. Чуев, – представляет собой наиболее зверский, изощрённый метод истребления людей медленной, мучительной смертью» [Чуев В. П. Архангельское подполье. – Архангельск. 1965. С. 117].

Первая партия арестантов – в 360 человек – прибыла в Иоканьгу в конце сентября 1919 года. Но генерал Миллер очень спешил её заселить, и население каторги за короткий срок превысило 1200 человек, доставленных сюда с Мудьюга, с фронта, из тюрем Архангельска и губернии. Надвигалась полярная зима и долгая полярная ночь. Сначала наспех соорудили несколько землянок, а из-за отсутствия леса – барак из фанеры. Пол земляной, стены сырые, со щелями, окна крохотные, зачастую выбитые. Под напором полярного ветра гуляют пронизывающие душу сквозняки. В землянке – до 200 заключённых. На нарах мест не хватает, узники сидят в проходах на грязном полу, залитом стоками из огромной «параши». Зловоние дурманит голову. Переселение из землянок в бараки отнюдь не облегчило положения каторжан.

Режим Иоканьги воспроизводил порядки самых суровых царских каторг Сибири. И неудивительно: его главным устройтелем был царский генерал Миллер, а начальником – всё тот же садист Судаков, прибывший со своей караульной командой с Мудьюга. На работу выводили только тех, кто получил дисциплинарные наказания – перетаскивать с места на место тяжёлые камни и выполнять другую бесполезную работу. Остальным 18-часовую полярную ночь полагалось находиться взаперти, лежать в зловонных бараках без движения и разговоров. Нарушителей ждало безжалостное наказание. Судаков с подручными часто по доносам устраивал обыски, избивал подозреваемых. Людей били прикладами, дубинками, револьверами, кулаками, пинали пудовыми сапогами. По воспоминаниям тех, кто всё это смог пережить, нередко эти оргии устраивались среди ночи. Стоны избиваемых, брань конвойных, тупые удары палок и прикладов создавали обстановку кошмара. Секретарь Савинского волисполкома В. Фомин был затоптан Судаковым насмерть, а Хамеляйнену этот изувер раздробил прикладом ногу, и тот вскоре скончался.

Был в Иоканьге, конечно же, и карцер. Под него приспособили брошенный ледник. Здесь Судаков устраивал своим жертвам пытку холодом. Им не давали ни горячей пищи, ни одежды. Узники спали на голом полу и выходили отсюда полуживые. Особенно опасался Судаков заговоров и восстаний среди заключённых. И когда однажды осведомители донесли ему о подготовке побега, он приказал открыть огонь по барaku, а затем ворвавшаяся охрана учинила дикое избиение

узников. «В результате этой кровавой расправы, – вспоминает каторжанин Чуев, – было убито четыре и ранено 30 узников, восемь из них вскоре умерли от ран». Уцелевших участников неудавшегося побега переправили в Мурманск и заточили в военную тюрьму на острове Торос.

Истязание голодом в Иоканьге было ещё более изуверским, чем на Мудьюге. Выдавали по 200 грамм непропечённого хлеба и консервную банку (вместо мисок) подобия супа. Суп заключённые процеживали, а крупу делили поровну, затем разливали жидкость. Истошённые и истерзанные побоями узники повально болели цингой и дизентерией. У многих опухали ноги, кровоточили дёсны. На всех заключённых – один фельдшер и несколько больничных коек. Лекарства – только пережжённый и истолчённый в порошок хлеб. Больные дизентерией находились рядом с ходячими, заражая их. Наибольшая смертность была в цинготной камере, где люди гнили заживо и умирали.

Каторжанин Юрченков (Васильев), участвовавший в уборке трупов, вспоминал: «Когда мы открыли дверь камеры цинготных, на нас пахло таким ужасным запахом, что мы едва не упали в обморок. Большинство арестованных, находящихся в этой камере, уже не могли вставать и испражнялись под себя. Умершие лежали на нарах вместе с живыми, причём живые были не лучше мёртвых: грязные, покрытые струпами, в рваном тряпье, заживо разлагающиеся, они представляли кошмарную картину. Начали отделять мёртвых от живых и выносить их на сани...

Мертвецкой служил полуразрушенный сарай. Там за короткое время скопилось до 70 трупов. Трупы валялись, словно беспорядочная куча дров, занесённых снегом, с той разницей, что из неё торчали оконеченные синие и почерневшие руки и ноги» (Потылицин А. И. Указ. соч. С. 68). К моменту освобождения Иоканьги от «белых» в тюрьме из полутора тысяч заключённых в живых, по свидетельству Чуева, осталось 576 человек, 205 из них уже не могли передвигаться. В ожидании перевозки в Мурманск скончалось ещё около 90 человек и 24 умерли в пути на пароходах. Сойти на берег в Мурманске смогли только 127 мучеников Иоканьги [см.: Чуев В. П. Указ. соч. С. 123–124].

Может быть, узники Иоканьги, прошедшие все круги Дантова ада и выжившие, «перехлестнули» в своих свидетельствах? Нет, не перехлестнули. Они поведали миру ужасную правду, и это подтвердил не кто иной, как эсер Б. Соколов, член правительства Северной области последнего состава, своими глазами увидевший то, что натворил режим диктатора Миллера в Иоканьге. Уже находясь в эмиграции, он по свежим следам событий писал: «Если бы мне кто-нибудь рассказал о нравах Иоканьги, то я бы ему не поверил. Но виденному собственными глазами нельзя не верить».

Арестанты жили в наскоро сколоченных бараках, которые не было никакой возможности протопить. Температура в них стояла

всегда значительно ниже нуля. Бараки были окружены несколькими рядами проволоки. Прогулки были исключены, да им и не благоприятствовала погода (напомним, каторга существовала в период полярной зимы, с сентября 1919-го по февраль 1920 г. – П.Г.). Арестантов заставляли делать бесполезную, никому не нужную работу. Начальником тюрьмы был некий Судаков, личность, безусловно, ненормальная. Бывший начальник Нерчинской каторги, он, очевидно, оттуда принёс все свои привычки и навыки. Он находил какое-то особое удовольствие в собственных избиениях арестантов, для каковой цели всегда носил с собою толстую палку. Помимо всего прочего, он был нечист на руку. Пользуясь отдалённостью Иоканьги от Архангельска и тем, что никакого контроля над ним не было, он самым беспощадным образом обкрадывал арестантов на их и без того скудном пайке.

Результаты его деятельности были налицо. Об этом говорят голые факты. Из 1 200 арестантов 23 были расстреляны за предполагавшийся побег и непослушание, 310 умерли от цинги и тифа, и только около 100 через три месяца заключения остались более или менее здоровыми. Остальных, я их видел, иоканьгская каторга превратила в полуживых людей. Все они были в сильнейшей степени больны цингой, с почерневшими, раздутыми руками и ногами, множество туберкулёзных и, как массовое явление, – потеря зубов. Это были не люди, а жалкие подобия их. Они не могли передвигаться без посторонней помощи, их с трудом довезли до мурманских лазаретов.

Кто же были по своему социальному и политическому составу эти несчастные? Анкета, произведённая Иоканьгским Совдепом уже после падения области, показывает, что только 20 из них принадлежали или, во всяком случае, считали себя коммунистами. Остальные были беспартийные, причём вначале, когда они попали в тюрьму, сочувствующих большевизму среди них было только 180, число коих постепенно возрастало, и ко времени, к которому относится наш приезд на Иоканьгу, все, за исключением десяти, считали себя большевиками» [Архив русской революции... Т. 9–10. С. 82]. Генерал Миллер и его окружение оказались хорошими воспитателями «населения» Иоканьги в большевистском духе. И не только Иоканьги, но и всей Северной области.

Наконец, о бесславном финале северной авантюры Чайковского-Миллера и их окружения. О нём поведал сам Миллер. Сидя в Париже в качестве эмигранта, диктатор вспоминал: «Уже в январе 1920 года почувствовалась перемена в настроении солдат: в ночь с 7 на 8 февраля часть солдат 3-го стрелкового полка перешла к большевикам; с этой минуты моральное разложение пошло неудержимо быстрыми шагами» [Белое дело. Берлин. 1928. Т. 4. С. 10]. В 3-м полку восставшие солдаты вступили в настоящее сражение со сторонниками режима, в основном офицерами. И дело закончилось, по признанию диктатора, сделанному ещё в Архангельске перед его бегством, сотнями

жертв и открытием фронта. «В бою, – признавал он, – большевики не принимали участия, они подошли к шапочному разбору и... взяли Дениславье» [Возрождение Севера, 14 февраля 1920 г.].

События в 3-м полку тут же отозвались на железнодорожном фронте. Была оставлена ст. Плесецкая. Командующий фронтом доносил 17 февраля: «Большая часть пехотных солдат разошлась, остались офицеры». То же повторилось на двинском и тарасовском участках фронта. Даже тарасовские партизаны, некогда считавшиеся «героями» переворота, по горестному признанию Миллера, перешли к большевикам. В состоянии, близком к нервному срыву, генерал 9 февраля разразился истерическим приказом: «Не только мятеж, но и малейшая попытка к предательству мною будут прекращены немедленно самыми решительными мерами» [Вестник ВПСО, 10 февраля 1920 г.]. Он рвал и метал, будучи не в состоянии осознать, что фронт рухнул окончательно и бесповоротно.

События на фронте отозвались тут же острейшим политическим кризисом в тылу. 3 февраля 1920 года собралось губернское земское собрание, объявившее себя единственным в Северной области органом, созданным «свободным народным избранием» и потому правомочным говорить от имени народа. Принятая им резолюция «от имени народа» прозвучала для режима как разорвавшаяся бомба. Без обиняков было заявлено: «Настоящий состав правительства ... немедленно передаёт власть вновь образуемому губернским земским собранием правительству». Если уж умеренные земцы заговорили с правительством таким языком, то можно себе представить меру возмущения населения, задавленного репрессиями и реквизициями. Обосновывая своё требование, собрание признало: «Безостановочное падение экономического благосостояния области, близкое к полному экономическому банкротству, разлившийся по области произвол – результат бесконтрольного управления лиц, не умевших выполнить свои обязательства перед населением». Оно выразило «уверенность, что существующая система управления неизбежно ведёт к голоду и долгому обнищанию края, с одной стороны, и чревата последствиями анархии, с другой...» [Возрождение Севера, 13 февраля 1920 г.]. Взбешённый Миллер назвал эту резолюцию «насильственным переворотом».

Но диктатор, оказавшийся обложенным, как волк на псарне, решил поторговаться с оппозицией, тем более что хорошо знал её трусость и уступчивость. 10 февраля прежнее правительство пришлось отправить в отставку. В ходе сумбурных закулисных торгов 14 февраля было сформировано новое последнее правительство, якобы подотчётное земскому собранию. Его снова возглавили уже отсутствовавший Чайковский и ещё не сбежавший генерал Миллер. Эсеровские вожди земства, изрядно поупражнявшись в речах по части прав и свобод граждан, решили войти в правительство в качестве пристяжных генерала Миллера, гонителя этих прав и свобод, поклявшись до кон-

ца бороться против большевиков. Но выполнить свою клятву они не успели: через четыре дня миллеровская клика бежала из Архангельска. 19 февраля город перешёл в руки восставших рабочих, а через день они с ликованием встречали части Красной Армии. Миллер, уже в эмиграции, вспоминал, как он на ледоколе «Козьма Минин», до отказа набитом его свитой из верноподданного офицерства, отплывал из Архангельска, «сопровожаемый ружейным и пулемётным огнём портовых рабочих и матросов» [Белое дело... Т. 4. С. 10]. С борта ледокола он не забыл отдать приказ палачу узников Иоканьги Судакову облить керосином тюремные бараки и сжечь их вместе с заключёнными. Но каторжане, предупреждённые моряками-радистами, подняли восстание, разоружили стражу во главе с Судаковым и отправили их в Мурманск, где революционный суд воздал всем палачам по заслугам. Вслед за Архангельском, 21 февраля 1920 года восстали рабочие, матросы и солдаты Мурманска. Помощник генерал-губернатора на Мурмане Ермолов и его окружение были арестованы. 13 марта в город вступили части Красной Армии. С антисоветской авантюрой на Севере было покончено.

Итоги интервенции

Что принесла с собой военная интервенция «союзников» из Великобритании, Франции и Америки Северу России? Что натворило там поставленное ими марионеточное правительство Северной области? Маленький пятак русской земли был буквально испещрён тюрьмами, концлагерями, каторжными поселениями, как лицо человека, больного оспой. По числу мест заключения Северная область, занимавшая сравнительно небольшую площадь, по концентрации этих мест на единицу территории опережала многие другие регионы, где правили «белые» режимы. Несомненная «заслуга» в этом принадлежит интервентам, установившим в области поистине колониальный режим и относившимся к русским здесь, как к диким «туземцам». Это они, кичившиеся своей цивилизованностью «джентльмены в белых перчатках», постоянно афишировавшие свою приверженность «демократии», насаждали сами и заставляли марионеточную власть насаждать режим тотального «белого» террора.

Высшим «достижением» их совместных действий в этом деле стали страшные «фабрики смерти», организованные на Мудьюге и в Иоканьге и явившиеся прообразом гитлеровских концлагерей – Освенцима и Бухенвальда, – с той лишь разницей, что фашистские палачи расправлялись со своими жертвами при помощи более современных технологий и в гораздо больших масштабах, в то время как палачи Мудьюга и Иоканьги орудовали средневековыми методами и на небольшой территории, которую им удалось захватить.

Но по жестокости и изощрённости истребления человеческих жизней и те и другие были равны. Можно не сомневаться, что в случае успеха военной интервенции стран Антанты таких страшных мест, как Мудьюг и Иоканьга, для утверждения «демократии» по северному образцу в России появилось бы очень много.

Естественно, «белый» Север лидировал и по количеству жертв террора относительно численности населения. Архангельская губерния в то время насчитывала всего 500 тыс. жителей. По неполным подсчётам исследователей Гражданской войны на Севере, через тюрьмы, концлагеря и каторгу прошло около 52 тыс. человек, то есть каждый десятый житель губернии. Согласно официальным данным властей, по приговорам военных судов было расстреляно около 4 тыс. человек. А сколько было убито без всякого суда, погибло от болезней, голода и истязаний, наверно, уже навсегда останется тайной [см.: Интервенция на Советском Севере. 1918–1920. Архангельск. 1939. С. 14]. Иначе и не могло быть при режиме, который, по словам члена марионеточного правительства Соколова, «мог с полным правом именоваться диктатурой военной» [Архив русской революции... Т. 9–10. С. 10].

Интервенция и Гражданская война на Севере России особенно наглядно выявили одну общую закономерность: «белое» движение в ряде регионов, начиная борьбу против власти Советов под флагом «демократической контрреволюции», неизменно эволюционировало в сторону открытой военной диктатуры. Так было не только на Севере, но и в Поволжье, в Сибири и других местах. Причём инициатива такой трансформации исходила от стран – участников интервенции. Там хорошо понимали, что противостояние насаждаемых ими марионеточных режимов большинству народа, отвергающему их, возможно только при беспощадной военной диктатуре. Власть, подобная правительству Чайковского или Самарскому КОМУЧу, для этой цели не годилась. Они лишь прокладывали дорогу диктаторам – Колчаку, Миллеру и прочим, – которые потом за ненужностью устранились со сцены. Это с горечью признавал даже В. М. Чернов, один из лидеров «демократической контрреволюции».

И ещё одну важную истину, присущую Гражданской войне, раскрыли события на Севере и в других регионах России. Оккупационная власть в лице генералов Пуля-Айронсайда и марионеточное правительство Чайковского-Миллера не уставали заявлять, что они воюют только против большевиков. Но это было фарисейское прикрытие их войны против всех, кто отвергал оккупационный режим. А таких оказалось большинство. Лживость официальной пропаганды помогают вскрыть следующие цифры.

На 1 августа 1918 года в Архангельске, по данным партийной статистики, насчитывалось только 600 членов РКП(б), а всего в губернии к моменту переворота было лишь немногим более одной тысячи членов большевистской партии [см.: Анিকেев В. В. Деятельность

ЦК РСДРП(б) – РКП(б) в 1917–1918 годах. – М. 1974. С. 500–501]. Часть из них отступила с советскими воинскими частями и учреждениями и продолжала воевать на фронте. В тылу на оккупированной территории осталось лишь несколько сотен коммунистов. Репрессиям же подверглись не только эти мужественные люди, но и десятки тысяч беспартийных граждан, объявленных большевиками за сочувствие Советской власти и неприятие оккупационного режима. Их преследовали не за какие-то незаконные (с точки зрения режима) действия, а за убеждения, за приверженность идеям справедливости и народовластия. Марионеточный режим на Севере объявил войну большинству русского народа, его отвергавшему, и тем самым подписал себе смертный приговор. То же самое произошло и с «белыми» режимами в других областях и губерниях страны. По этой же причине вынуждены были убраться с российской территории и войска интервентов. Это вынужден был признать перед всем миром премьер Великобритании Д. Ллойд Джордж. «Когда стало ясно, – писал он в своих мемуарах, – что их («белых» режимов. – П.Г.) стремление к власти обречено на неудачу и что русский народ отдаёт свои симпатии большевистскому режиму, наш уход стал неизбежен» [Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. – М. 1933. Т. 6. С. 98].

Политика «разделяй и властвуй» во все времена руководила действиями тех, кому Россия стояла «поперёк горла». Скорее, даже «не разделяй», а «расчлений». Запад стремился расчленить Россию, особенно в её смутные времена, поделить на сферы влияния, колонизировать наиболее богатые земли – Сибирь, Украину, Поволжье, Урал. Так было и в 1917–1920 годах. От расчленения и порабощения империалистическими державами Россию спасли именно коммунисты, которые были истинными патриотами своей Родины. Такова правда истории, которую лживыми вымыслами о нашем прошлом не затмить.

Вмешательство иностранных государств
во внутреннюю политику России:
исторический аспект

*Материалы к «круглому столу»
фракции КПРФ*

Редактор В. В. Нарбут
Корректор Т. Д. Романосова
Компьютерная вёрстка Л. А. Дерр

Оригинал-макет подготовлен
ООО «Новосибирский издательский дом»
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

Подписано в печать 28.11.2018
Формат 60x90/16. Печ. л. 8,0. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 405

Отпечатано с оригинал-макета: ИП Мочалов С. В.
162614, Вологодская область, г. Череповец, ул. Сергея Перца, 3